

10.335
1960

2

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания четвертый

64796

СОДЕРЖАНИЕ

ВАХТАНГ ГОРГАНЕЛИ. Ленин в Кашино. Стихи	3
СИМОН ЧИКОВАНИ. По пути в Сванетию. Цикл стихов	5
СЕРГО КЛДИАШВИЛИ. Младший сын. Рас- сказ.	12

Поэты Ганы и Нигерии

РАФАЭЛЬ Э. Г. АРМАТТУ. Одинокая душа.	17
ГАБРИЭЛЬ ИМОТОМИ ГБАИНГБАИНГ . ОКАРА. Духи ветра.	18
ИЗРАЭЛ КАФУ ХО. Малыш.	19
ГЬОРМБЭИ АДАЛИ-МОРТИ. Пальмовые листья детства.	19

МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. Ирмисцкаро. Из цик- ла рассказов «Деревня в горах».	21
КАРПЕ МУМЛАДЗЕ. Девушка за рулем. Рас- сказ.	31
АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ. Женщина в зеркале. Научно-фантастический роман. Продолжение.	37

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

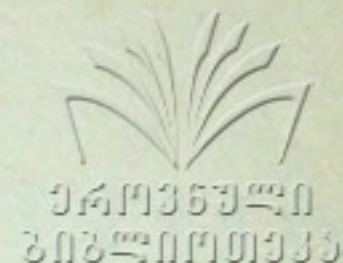
ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Без скидок на тему.	60
МИХАИЛ ЗАВЕРИН. Нет, в одной книге — и переводчик и автор!	65 ✓

2
ФЕВРАЛЬ
1960

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

- И. В. ТЮЛЕНЕВ. Битва за Кавказ. Из книги
«Через три войны» 71

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

- Ю. БЕРЕЖНОЙ. Он с теми, кто штурмует небо. . . 85

ОЧЕРКИ

- ГУРАМ ГОГИАШВИЛИ, ОТАР АРОБЕЛИДЗЕ.
У Шолохова в Вешенской. 88

СРЕДИ КНИГ

- А. ЦЫБУЛЕВСКИЙ — Сквозь завесу времени;
Л. ДОЛИДЗЕ — Под небом Индии; Акакий
ГЕЛОВАНИ—Рассказы Гр. Чиковани. . . 93—96 ,

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

- А. СТЕПАНОВ. А. Н. Островский в Грузии
(По неопубликованным материалам). 97

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

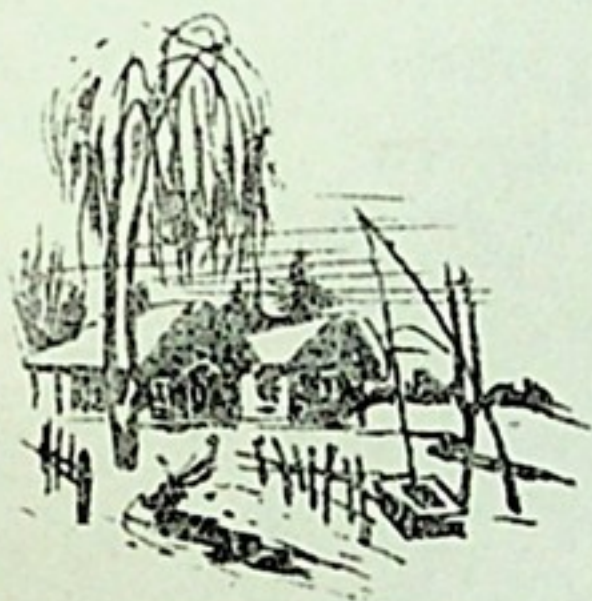
Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Ответственный секретарь М. ЗАВЕРИН.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

ЛЕНИН В КАШИНО

Позёмка легкая летела,
тянула снежные волокна,
По белым долам проносились
ветра, остывшие в снегах.
Не спали ночь, кого-то ждали
во двор распахнутые окна,
И все село, забыв усталость,
не спало в выцветших домах.

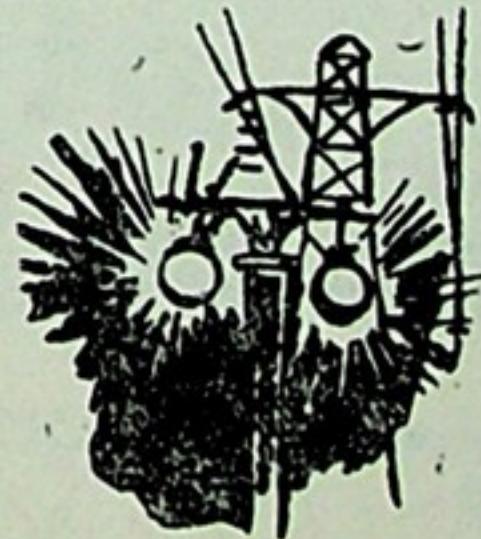
Село гудело долгим гудом,
заждавшись утреннего света,
Оно звало того, кто первым
во тьму им бросил зов и клич,
Оно в ночи глухой кипело,
оно в ночи ждало ответа,
И кто-то тихо им ответил:
«Идет Ильич!»

И потянулись всюду ивы
ветвями к заспанной дороге

И, перекинув свои ветви
через покосившийся плетень,
Шептали: «Ленин! Едет Ленин!»,
И люди в радостной тревоге
В селе ходили, говорили,
в ночи готовясь встретить день.

Из-под худой соломы избы
луну искали в небе черном.
И вдруг в глаза им светом ярким
взглянули лампы Ильича.
И сам Ильич походкой быстрой
вошел в село путем неторным,
И пала ночь, как ворон черный
с крылом, разбитым у плеча.

И вот он, кашинский крестьянин,
в селе, давно забытом богом,

Стоит и запросто, как с другом,
беседу с Лениным ведет.
И было странно и понятно,
что знал Ильич об очень многом,
О том, что думает, чем дышит,
о чем волнуется народ.

И слово Ленина гремело,
сердца надеждой наполняя,
И каждый тверже становился,
и дерзновенней, и смелей,

И видел ясно, ясно видел,
как поднимался свет, сияя,
Над неоглядным морем ГЭСов,
гудящих на его земле.

И все село свой день грядущий
тогда увидело воочью,
И вихрь взлетел надежд и веры
со всех заснеженных сторон...
И тот же вихрь надежд и веры,
в селе взлетевший светлой ночью,
И в наши дни живет и крепнет,
великим временем продлен!

ВАХТАНГ ГОРГАНЕЛИ

Перевод с грузинского Г. Мазурина.

საქართველოს
საქართველოს

Г. Геловани «В. И. ЛЕНИН и Н. К. КРУПСКАЯ в Разливе»

Выставка произведений
молодых художников Грузи

Симон Чиковани

ПО ПУТИ В СВАНЕТИЮ

Перевод с грузинского Б. Ахмадулиной

Рис. Э. Мосева

НА НАБЕРЕЖНОЙ

Я в семь часов иду — так повелось —
по набережной, в направленье дома,
и продавец лукавый папирос
мне смотрит вслед задумчиво и долго.

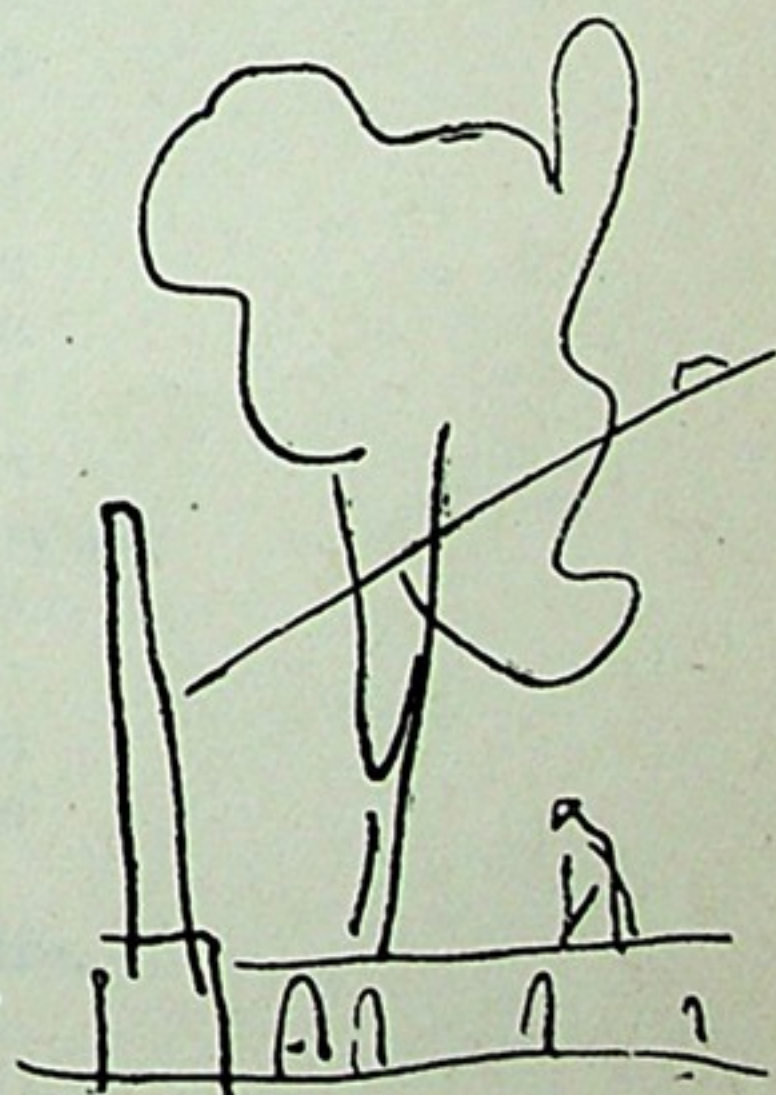
С лотком своим он на углу стоит,
установится в меня и не мигает.
Будь он неладен, взбалмошный старик!
Что знает он, на что он намекает?

О неужели ведомо ему,
что, человек почтенный и семейный,
в своем доме, в своем пустом доме
томлюсь я от чудачеств и сомнений?

Я чиркну спичкой — огонек сырой
возникнет. Я смотрю на это тленье,
и думы мои бродят над Курой,
как бы стада, что ищут утоленья.

Те ясени, что посадил Важа,
я перенес в глубокую долину,
и нежность моя в корни их вошла
и щедро их цветеньем одарила.

Я сердце свое в тонэ закалил,
и сердце стало вспыльчивым и буйным,
и все ж порою из последних сил
тянул я лямку — одинокий буйвол.

О старость, приговор твой отмени
и детского не обмани доверья.
Не трогай палисадники мои,
кизилловые не побей деревья.

Позволь, я закатаю рукава.
От молодости я изнемогаю —
пока живу, пока растет трава,
пока люблю, пока стихи слагаю.

ПО ПУТИ В СВАНЕТИЮ

Теперь и сам я думаю: ужели
по той дороге, странник и чужак,
я проходил?
Горвашское ущелье,
о подтверди, что это было так.

Я проходил. И детскую прилежность
твоей походки я увидел.
Ты
за мужем шла покорная, —
но нежность,
сиянье нежности вошло из темноты.

Наши глаза увиделись.
Ревниво
взглянул твой муж.
Но как это давно
случилось.
И спасла меня равнина,
где было мне состариться дано.

Однако повезло тому, другому —
не ведая опасности в пути,
по той дороге он дошел до дому,
никто не помешал ему дойти.

Не гикнули с откоса печенег,
не ухватились за косы твои,
не растрепали их.
Не почернели
глаза твои от страха и любви.

И, так и не изведавшая муки,
ты канула, как бедная звезда.
На белом муле, о на белом муле
в Ушгули ты спустилась навсегда.

Но все равно — на этом перевале
ликует и живет твоя краса.
О как лукавили, как горевали
глаза твои, прекрасные глаза.

БЫКИ

Что за рога украсили быка!
Я видел что-то чистое, рябое,
как будто не быки, а облака
там шли, обремененные арбою.

Понравились мне красные быки.
Их одурманил запах урожая.
Угрюмо напряженные белки
смотрели добро, мне не угрожая.

О их рога меня с ума свели!
Они стояли прямо и навесно.
Они сияли, словно две свечи,
и свечи те зажгла моя невеста.

Я шел с арбой. И пахло все сильнее
чем-то осенним, праздничным и сытым.
О виноградник юности моей,
опять я янтарем твоим осыпан.

Смотрю сквозь эти добрые рога
и вижу то, что видывал когда-то:
расставленные на лугу стога,
гумно и надвижение заката.

Мне помнится — здесь девочка была,
в тени ореха засыпать любила.
О женщина, ведущая быка,
сестра моя! Давно ли это было?

Прими меня в моих местах родных
и одари теплом и тишиною!
Пусть светлые рога быков твоих,
как месяцы, восходят надо мною.

ЗАДУМАННОЕ ПОВЕДАЙ ОБЛАКАМ

А после — шаль висела у огня,
и волосы, не знавшие законов
прически, отряхнулись от заколок
и медленно обволокли меня.

Я в них входил, как бы входил в туман
в горах сванетских, чтобы там погибнуть,
и все-таки я их не мог покинуть,
и я плутал в них, и впадал в обман.

Так погибал я в облаке твоём.
Ты догадалась — и встряхнула ситом,
пахнуло запахом земным и сытым,
и хлеб ячменный мы пекли вдвоем.

Очаг дышал все жарче, все сильнее.
О как похожи были ты и пламя,
как вы горели трепетно и плавно,
и я гостил меж этих двух огней.

Ты находилась рядом и вокруг,
но в лепете невнятного наречья,
изогнутою, около Двуречья
тебя увидеть захотел я вдруг.

Чуть не сказал тебе я: «О лоза,
о нежная, расцветшая так рано...» —
в Сванетии не знают винограда,
я не сказал. И я закрыл глаза.

Расстались мы. И вот, скорей старик,
чем мальчик, не справляюсь я с собою,
и наклоняюсь головой седою,
и надо мной опять туман стоит.

Верни меня — к твоим словам, к рукам.
Задуманное облакам поведай,
я догадаюсь — по дождю, по ветру.
Прошу тебя, поведай облакам!

ОЛЕНИ В ГУМНЕ

Я молод был. Я чужд был лени.
Хлеб молотил я на гумне.
Я их упрашивал:
— Олени!
Олени, помогите мне!

Они послушались. И славно
работали мы дотемна.
О как смеялись мы, как сладко
дышали запахом зерна!

Нас солнце красное касалось
и отражалось в их рогах.
Рога я трогал — и казалось,
что солнце я держу в руках.

Дома виднелись. Их фасаду
закат заглядывал в лицо.
И вдруг, подобная фазану,
невеста вышла на крыльцо.

Я ей сказал:
— О совпаденье!
Ты тоже здесь? Ты — наяву?
Но будь со мной, как сновиденье,
когда засну, упав в траву.

Ты мне привидишься босая,
босая на краю гумна.
Но, косы за плечи бросая,
ты выйдешь за пределы сна.

И я скажу тебе:
— Оденем
оленям на рога цветы.
Напьемся молоком оленьим
иль буйвольим — как хочешь ты.

Меж тем — смеркается, и вилы
крестьянин прислонил к стене,
и возникает запах винный,
и пар клубится на столе.

Присесть за столик земледельца
и в, сладком предвкушенье сна,
в глаза оленье заглядеться
и выпить доброго вина...

ДЕВЯТЬ ДУБОВ

Мне снился сон — и что мне было делать?
Мне снился сон — я наблюдал его.
Как точен был расчет — их было девять:
дубов и дэвов. Только и всего.

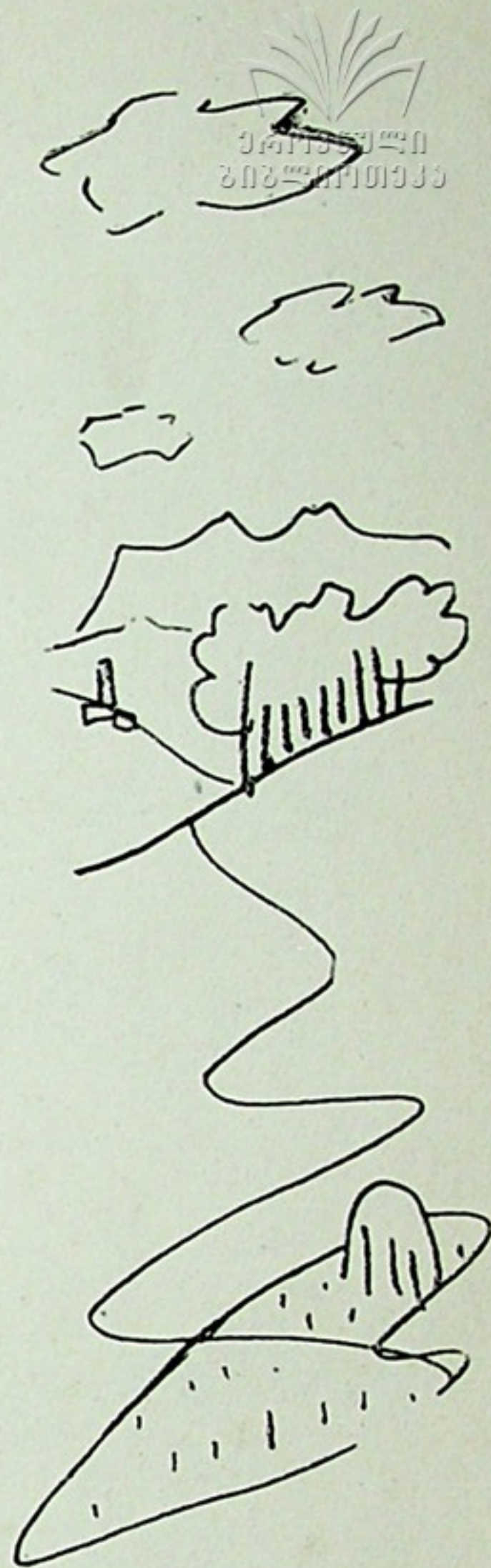
Да, девять дэвов, девять капель яда
на черных листьях, сникших тяжело.
Мой сон исчез, как всякий сон. Но я то,
я не забыл то древнее число.

Вот девять гор, сужающихся кверху,
как бы сосуды — на моем пути.
И девять пчел слетаются на квеври,
и квеври тех — не больше девяти.

Я шел, надежду тайную лелея
узнать дубы среди других лесов.
Мне чудится — они поют «Лилео».
О это пенье в девять голосов!

Я шел и шел за девятью морями.
Число их подтверждали неспроста
девять ворот, и девять плит Марабды,
и девяти колодцев чистота.

Вдруг я увидел: посреди тумана
стоят деревья. Их черты добры.
И выбегает босиком Тамара
и девять раз целует те дубы.

Я исходил все девять гор. Колени
я укрепил ходьбою. По утрам
я просыпался радостный. Олени,
когда я звал, сбегали по горам.

В глаза чудес, исполненные света,
всю жизнь смотрел я, не устав смотреть.
О девять раз изведавшему это
не боязно однажды умереть.

Мои дубы помогут мне. Упрямо
я к их корням приникну. Довести
меня возьмется буйволов упряжка.
И снова я сочту до девяти.

РАКОВИНА

Я, как Шекспир, доверюсь монологу
в честь раковины, найденной в земле.
Ты послужила морю молодому.
Теперь верни его звучанье мне.

Нет, древний череп я не взял бы в руки.
В нем знак печали, вечной и мирской.
А в раковине — воскресают звуки,
умершие среди глубины морской.

Она, как келья, приютила гулы,
и шелест флагов, буйный и цветной.
И шепчут ее сомкнутые губы,
и сам Риони говорит со мной.

О раковина, я твой голос вещий
хотел бы в сердце обрести своем,
чтоб соль морей и песни человечьи
собрать под перламутровым крылом.

И сохранить среди прочих шумов — милый
шум детства, различимый в тишине.
Пусть так и будет. И на дне могилы
пусть все звучит и бодрствует во мне.

Пускай твой кубок звуки разливает
и все же ими полнится всегда.
Пусть развлечет меня — как развлекает
усталого погонщика звезда.

ОТ ЭТОГО ПОРОГА...

От этого порога до того
работы переделал я немало.
Чинары я сажал — в честь твоего
лица, что мне увидеть предстояло.

Пока я отыскал твои следы
и шел за ними, призванный тобою,
состарился я. Волосы седы.
Ступни мои изнурены ходьбою.

И все ж от этой улицы — до той
я собирал оброненные листья,
и наблюдали пристально за мной
прохожих озадаченные лица.

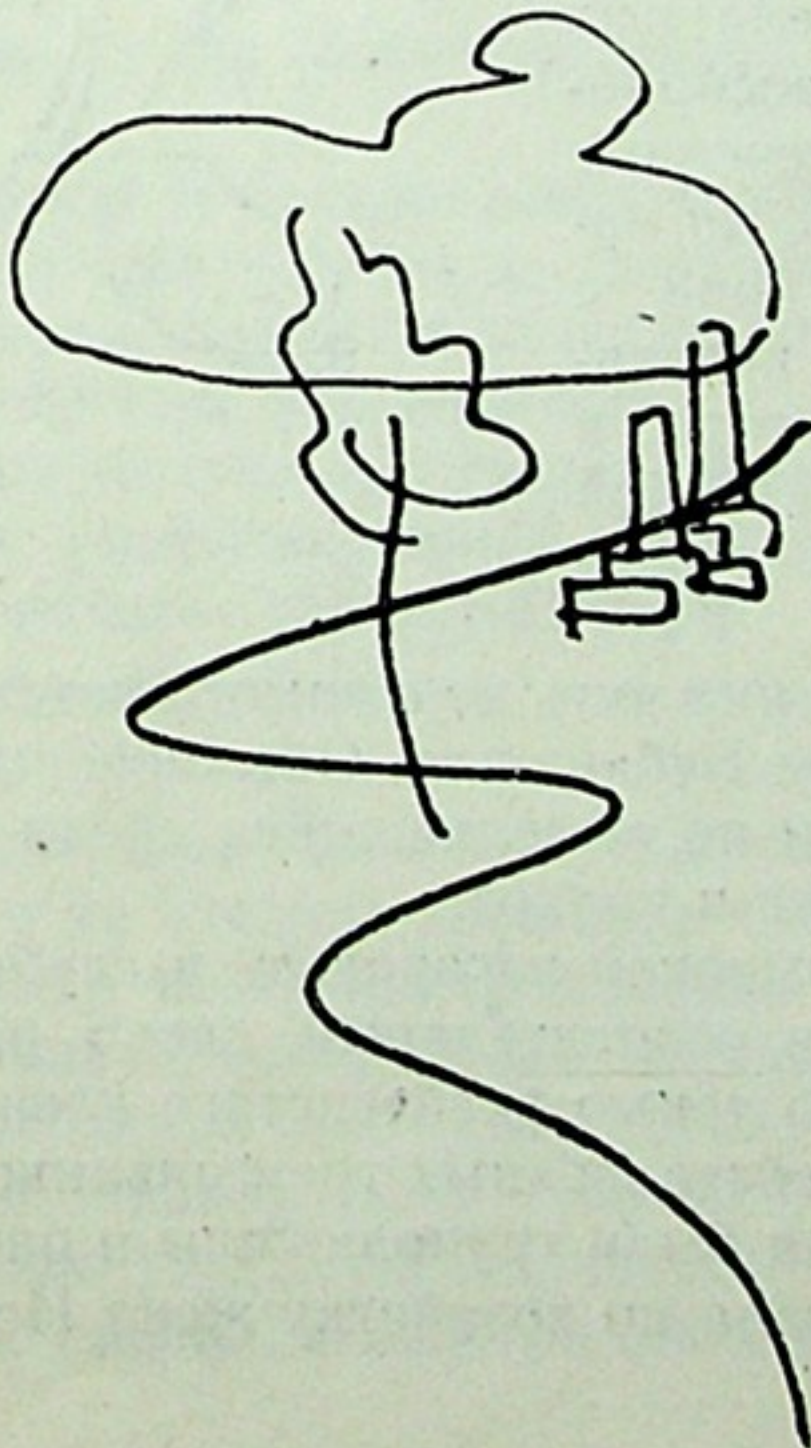
То солнце жгло, то дождик лил — всего
не перескажешь. Так длинна дорога
от этого порога до того
и от того до этого порога.

И все-таки в том стареньком доме
все нашими населено следами,
и где-то там, на чердаке, в дыму,
лежит платок с забытыми слезами.

От этого и до того огня
ты шила мне мешок для провианта.
Ты звездную одела на меня
рубашу. Ты мешок мой проверяла.

От этого порога до того
я шел один среди жары и стужи,
к бокам коней прикладывал тавро,
я воду пил, толоч я воду в ступе.

Я плыл по рекам и не знал — куда,
и там, пока плыла моя пирога,
я слышал, как глаголила Кура, —
от этого и до того порога.

Серго Клдიაшвили

МЛАДШИЙ СЫН

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Д. Мгеладзе

Если вам приходилось бывать в деревнях, расположенных за рекой Лихи, вы обязательно обратили бы внимание, что многие старики там носят длинные бороды. Это делает их похожими на древних ассирийцев, чьи портреты, высеченные на камнях, сохранились до наших дней. Держатся они с достоинством, вызывая невольное уважение. Даже в горе и несчастье не теряют они гордой осанки, не позволяют отчаянию сломить себя.

Я знавал одного из них чуть не с самого детства.

Звали его Иорданом Бубашвили. Обыкновенный крестьянин, бедняк без кола и двора, ничем не выделявшийся среди своих односельчан, он одним из первых вступил в колхоз.

Прошли годы. За высокой изгородью, в глубине двора вырос невысокий домик, прочный и основательный, слово рассчитанный на века. Полдвора было покрыто тенью развесистого клена. Рядом с добротным марани возвышался на составленных треугольником жердях кукурузник.

Все в семье Иордана были трудолюбивы и работащи. С рассвета до поздних сумерек хлопотала по хозяйству жена Иордана, старший сын и

Рис. И. Гурро

дочь — не больно красивая, но сильная и здоровая девушка — работали в колхозе, но тоже помогали по дому.

Младший сын, Александр, появился на свет тогда, когда никто уже не ждал прибавления в семействе. По правде говоря, появление новорожденного совсем не соответствовало изрядно поседевшей голове Иордана. Александр скорее походил на внука его, чем на сына.

Даже столь позднее появление младшего сына, конечно, превратилось бы в праздник в семье. Но жена Иордана умерла при родах, и осиротел его дом. Долго не мог забыть он своего горя, даже смотреть не хотел на младшего, чтоб не вспоминать о несчастье. Но скоро малыш начал ходить, научился первым словам, и тогда старик потянулся всем сердцем к сыну, окружил его теплом и лаской, словно стараясь вдвойне отплатить за свою прежнюю сдержанность. Он подолгу беседовал о чем-то с ребенком, потом подхватывал на руки, прижимал к груди и восклицал:

— Этот парень — моя надежда, мое будущее счастье!

Мальчик подрос, отдали его в школу. В тот день, когда он, перекинув сумку через плечо, отправился на свой первый урок, Иордан не мог найти себе места, бродил, как неприкаянный, по дому и двору.

Шло время. Много изменений произошло в жизни. Изменилось многое и в семье Бубашвили. Иордан женил старшего сына. И не успела войти в семью невестка, как вышла замуж дочка: старик сам отвез ее в соседнее село, в новый дом.

Молодая невестка оказалась хозяйственной и работающей. Особенно нравилось старику, что она с уважением относилась к нему, хорошо присматривала за Александром, да и со всеми соседями была в добром ладу. По вечерам, закончив все дела по хозяйству, она выносила во двор гитару и, казалось, не только люди, но и вся природа вокруг затихала и с удовольствием слушала ее негромкие песни.

Счастливым человеком считал себя Иордан, благодарил судьбу и без страха ждал приближающуюся старость.

Так, весело и безбедно протекала его жизнь, когда я в последний раз приезжал в эту деревню. Много лет прошло с тех пор.

Недавно довелось мне снова посетить края, где проходило мое детство.

Был тихий осенний вечер. Я больше всего люблю это время года.

За лето солнце, жаркое и беспощадное, согревает лучами землю, покрывает зеленью горы и доли, наливает сладким соком плоды деревьев. А к концу сентября утихает оно, успокаивается. Сейчас, когда зеленый цвет отступил перед многообразными оттенками желтого, все вокруг кажется еще более тихим, умиротворенным. Опустели огороды, в садах собраны фрукты, над дворами — запах маджари.

Иду я по знакомой с детства дороге и с интересом оглядываюсь вокруг.

Вот раскидистые осины. Под ними с наступлением сумерек собирались пожилые крестьяне и до поздней ночи вели беседы о разных разностях. Вот утес, под которым наша быстрая речка умеряла свой бег и спокойно текла меж высокими берегами. Я и сейчас слышу веселый шум, который подымали мы, ребятишки, купаясь здесь.

Все вокруг знакомо и близко, всюду узнавал я милые сердцу места, но нигде не мог найти свою ушедшую молодость. Много изменилось кругом. Дикий кустарник сменился виноградниками и садами. Там, где

стояли покосившиеся избы, теперь я видел новые дома. И редко, очень редко можно было обнаружить уголки, где все сохранилось по-старому. Как прежде, вздымал к небу свои могучие ветви старый клен во дворе Иордана, только теперь он казался одичавшим и странно одиноким. Не смог увидеть я там ни кукурузника, ни марани. Только какая-то хижина виднелась среди покосившихся черных бревен.

Не видно было нигде и самого Иордана. Картина, открывшаяся моим глазам, казалась просто непонятной на фоне общего расцвета знакомого мне края.

Я преодолел небольшой подъем и внезапно увидел Иордана. Он, сгорбившись, сидел на обочине дороги. Рядом паслась худая корова, рога ее были обвиты недлинной веревкой. Корова опустила голову в куст малины, выскивая сохранившуюся в тени траву.

Да, постарел Иордан, сильно сдал за эти годы. Длинная борода, покрывавшая грудь, отдавала желтизной.

Старик не узнал меня, пока я не напомнил ему прошлого. Удивленно и ласково взглянул он на меня снизу вверх, обрадованный, попытался приподняться, но я, опередив его, уселся бок о бок с ним, стал расспрашивать.

— Спасибо, дорогой, — глухо проговорил он. Потом замолчал, посмотрел мне в глаза испытующим взглядом и неожиданно чему-то ухмыльнулся. — Обо мне, братец ты мой, и спрашивать нечего. Жив кое-как, теплится еще во мне душа моя грешная. Ни в живых не числюсь и ни в мертвых.

Заметив изумление на моем лице, продолжал:

— Ты подумаешь: постарел Иордан и ворчит почему зря. Что ж, да славится господь праведный, как вспомню я свою жизнь, сам не могу порой удержаться от смеха. То, что я пережил, не во всякой сказке услышишь. Видно, дела нет у бога, иначе почему бы только на меня свалил он всякие беды. Самому смешно, как вспоминаю. Нет, братец ты мой, не думай: выжил, мол, старый из ума. И ты посмеешься, когда узнаешь все... Вот проходил ты мимо моего дома. Видел? Понравилось? Так-то вот, братец...

Ты, верно, слышал, старший мой сын не вернулся с фронта. Сообщили: погиб смертью храбрых под Карпатами. Есть где-то горы такие — Карпаты называются. Сообщение — сообщением, но долго еще ждал я сына. Ведь бывали случаи: все уже надежду потеряли, а человек возьмет и заявится домой, живой, здоровый... Парень есть один по соседству, его оплакали уже, погиб, думали, а он теперь бригадиром в нашей бригаде, из первых людей в деревне. Я и думал: бог милостив, может, ошибка произошла. Пока еще ждали мы сына, и невестка головы не теряла. Кто знает, был бы внук у меня, так она и сегодня со мной жила бы. Но не суждено было мне, видать, внука дожидаться. Между тем, война кончилась, успокоилось все. Зато в семье моей начался разлад. Невестке бес в ребро ударил, махнула на все рукой, ко мне всякое уважение потеряла. «Мой муж, — говорит, — в земле лежать должен, а ты, старый хрыч, по земле ходить?!» И без того жизнь моя не сладка была, а теперь вовсе мочи не стало. Рад бы умереть, да богу не до меня, видать, было. Не мог ведь я руки на себя наложить? Не мог ведь грех брать на душу?

Так и пошло. Однажды невестка объявила мне — не жить нам под одной кровлей. Поделила все, что в доме было, собрала вещи в узел и переехала в свое село. Остался я один со своим младшим, Александром. Ты знал ведь его, не правда ли? Эх, Александр, Александр... Думал, кон-

чит ребенок учебу, будет радостью мне под старость. Выучится, рядом со мной станет. Но обо мне сказано: человек предполагает, а бог рас-
полагает. Школу-то мой Александр закончил, но не на радость, а на горе мне, оказывается. Принес он аттестат, обнял я его, расцеловал. «Ну, говорю, парень, теперь мы заживем». А он мне: «Нет, отец, не для того я школу кончил, чтобы в глухомани жить. Не то время сейчас».

Это наши-то края — глухомань! Да и то, скажи, разве человеку с образованием в деревне делать нечего?

Пять лет никаких вестей не было от моего младшего. Где жил, как был — ничего не знал я. Потом вдруг вспомнил обо мне, приехал. Что скрывать от тебя, как увидел я его, забыл обо всех обидах и горестях. Он был такой нарядный, такой важный, что я даже не решился упрекнуть его за молчание. Подал ему стул. Он достал из кармана платок, расстелил его на сидении и только потом уселся. «Как живешь?» — спрашивает.

Что я ему мог ответить? «Как видишь», — говорю. Огляделся Александр вокруг, вижу — не понравилось. «Не смог, — говорит, — устроить ты жизнь свою, старый». Тут уж я не стерпел, высказал ему все, что думал. «Не нравится, говорю, сынок? А если все молодые люди, вроде тебя, будут убегать из родных деревень, что же таким, как я, делать?..».

В этот день он обедал у соседей. Разве то, что я приготовил бы по-стариковски, могло его удовлетворить! Там же он переночевал и на утро уехал. Вот и все. С тех пор я его не видел. И его не интересовало, жив я или умер. Говорили, работает он бухгалтером то ли в Тбилиси, то ли в Батуми. Бог с ним. Но скажи мне, неужели человек, как только получит образование, тут же должен уехать в город? Неужели нет для них в селе работы? Или в книгах так учат: бросайте свой дом, разрушайте свое гнездо, оставляйте близких и родных и уезжайте?

Правда, не все такие, как Александр. Многие здесь остались, живут, трудятся и, слава богу, не жалуются. Ты сам, небось, видел, сколько новых домов выросло вокруг, раньше при лампадках жили, сейчас всюду электричество. Но если все будут удирать из деревни, то скажи, братец ты мой, для кого оно будет светить, это самое электричество?

Да, сынок, ничто, видать, не может сломить человека. Сколько горя я видел. Старший сын погиб, младший... Думал я, хоть дочка приглядит за мной на старости. Ласковая она у меня была, приветливая. Собрался я раз, отправился в село, куда ее замуж выдал. Пришел. А их и след простыл. Соседи рассказали: мой зять устроился в пожарную команду и переехал в город.

Остался я один на свете. И всех близких растерял. Спасибо, колхозники помнят обо мне, помогают, да и просто зайти ко мне поговорить не забывают. А то бы так и умер когда-нибудь один, как бездомная ворона... Так-то, братец ты мой. Надоел, верно, я тебе своими разговорами. Душу отвел, легче немного стало...

Корова решила перейти к другому кусту и дернула за веревку.

— Геть, волчья сыть! — Иордан крепко держал веревку. Потом обернулся ко мне и, чуть улыбнувшись, повторил:

— Так-то, братец ты мой!

* * *

Вот и все. В жизни старого Иордана больше ничего не было примечательного. Очень простая история. Может, даже не стоило останавливать на ней ваше внимание. По всей вероятности, рассказ мой следовало

снабдить всякими украшениями, описать, как я попрощался с Иорданом, как опустилась на землю тьма и в небе по очереди зажглись звезды. Можно было, конечно, выбрать и более значительное лицо в героическом рассказе. Сколько знатных людей и прославленных героев прошлого остались не описанными в литературе. Сколько неизмеримого богатства, блеска и романтики в этих темах — пиры, любовь, скачки арабских скакунов, соколиная охота, шуршание парчовых платьев придворных дам... И вместо всего этого я предложил вам историю старика-крестьянина. Смешно, конечно. Но кажется мне, что вы вдумаетесь в историю, рассказанную мною, и не посетуете на меня.

ПОЭТЫ ГАНЫ И НИГЕРИИ

Огромный подъем национально-освободительного движения в Африке после второй мировой войны, вызвавший появление в Африке ряда независимых государств, сопровождался бурным расцветом поэзии. У нас, в Советском Союзе, пока более известны поэты Сенегала, Берега Слоновой Кости, Конго, Мадагаскара, пишущие на французском языке. Они получили признание советских читателей.

Эта подборка впервые знакомит советского читателя с поэтами Ганы и Нигерии, их стихами 50-х годов.

Почти все африканские поэты в той или иной форме стремятся утвердить национальное самосознание, иногда в прямой, публицистической форме, ратуя за независимость и единство Африки, иногда в более косвенной форме, — воспевая любимую родину, ее пейзажи, ее людей, иногда утверждая самобытность своей философии и своей поэзии, с ее характерными острыми ритмами барабанов.

Злободневна для Африки проблема литературного языка. Сейчас поэзия ее развивается преимущественно на европейских языках — французском, английском, португальском, что не может не стеснять самобытность поэтического выражения. Эта сложная проблема несомненно разрешится в будущем, поскольку политические и культурные деятели для освобожденной Африки предвидят установление одного или нескольких национальных языков, на которых будет развиваться в будущем культура освобожденных африканских народов. Но это дело будущего.

Остро ощущают африканские поэты свою историческую традицию, веками подавляющуюся колонизаторами. Африка знала в далеком прошлом великие цивилизации. Образы их нередко возникают в современной поэзии. Но основная тема поэтов современной Африки — пробуждение народа, вставшего на путь самосознания и поднявшегося против цепей колониализма.

Рафаэль Э. Г. Арматту
(Гана)

Одинокая душа

Перевод с английского Е. Гальперинной

На пустынной дороге
Старая мать
Идет и смеется одна,
И сама с собой говорит,
На пустынной дороге, одна
Сама с собой говорит.
Разве ты знаешь, дитя,
Отчего человек
Говорит сам с собой?
Если долгий путь позади,
А попутчиков нет,

95149

Человек говорит сам с собой.
Если горе хлынуло ливнем,
И беды, как стрелы, ложатся вокруг,
Одинокий путник
Говорит сам с собой.
Так и старая мать
По пустынной дороге
Идет и смеется одна
И бормочет что-то себе,
Чтобы ливень слез удержать.
Мать, велика твоя скорбь!
Но разве не то же со мной?

Габриэль Имомотими Гбаингбаинг Окара
(Нигерия)

Духи ветра

Перевод с английского А. Сергеева

Аисты возвращаются —
Белые крапинки в синем небе.
Они улетали на север
В поисках лучших гнездовий,
Когда у нас шли дожди.

И вот они снова со мною,
Свободные духи ветра,
Которые могут летать,
Пробуя силу крыльев,
И возвращаться домой
Из дальних чужих просторов.

А меня приковали боги
К этой скале, и я
Сажу и смотрю, как птицы
Летают в далеком небе,
И сердце мое летит им навстречу.

И кровь, закипая, клокочет,
И каждая капля ее —
Природы могучий зов,
Желание, что живет
В каждой клеточке плоти.

О бог всех богов и мой,
Разве я не могу
Со светлой душой обращаться к тебе
Лишь потому, что мой аист томится
В тюрьме моей черной кожи?

Израэл Кафу Хо
(Гана)

Малыш

Перевод с английского А. Сергеева

Малыш — совсем, как европеец,
Он отвергает нашу пищу,
И пьет он лишь из своего стакана.

Малыш — совсем, как европеец,
По-нашему он говорить не может
И сердится, когда его не понимают.

Малыш — совсем, как европеец,
Он о других не думает совсем.
Отца и мать он держит в подчиненье.

Малыш — совсем, как европеец,
Он так изнежен —
Малейшая царапина на теле
становится вдруг язвой.

Гьормбэи Адали-Морти
(Гана)

Пальмовые листья детства

Перевод с английского А. Сергеева

Когда я был совсем еще малыш,
а Джо и Фреду было лет по шесть,
Мы помогали нашему отцу
навоз месить с землею во дворе.
Три пальмочки тогда мы посадили,
своими именами их назвав.

Они росли куда быстрее, чем мы,
и много раньше, чем я стал мужчиной,
Они, цветя, своей достигли цели!

Подобные серьгам сестер, на них
качались золотистые цветы.
Их золото потом позеленело,
и выросли огромные орехи
Величиною с голову отца,
и я мечтал о молоке их сладком.

Я слышал голос листьев наших пальм,
я слышал шорох, шелест, шепот листьев,
Я слышал их неровное дыханье...

Я и поныне слышу шелест листьев,
их шепот, доносящийся сквозь щели
В стенах хибарки, где мечтал я в детстве,
мечтал о будущем.

Михаил Лохвицкий

Ирмисцкаро

Рис. Д. Нодия

ОТЕЦ

Пушистые хлопья снега медленно, словно птицы, опускаются на деревья, крыши домов, затвердевшую промерзшую землю.

Циала — щуплый, длинноногий подросток — стоит на крыльце и, зябко поеживаясь, смотрит на узенькую деревенскую улочку. На девочке старое байковое платье, она выросла из него. Худые красные руки торчат из коротких рукавов. Ей холодно, но она продолжает стоять на крыльце, потирая озябшие пальцы.

Циала ждет своего отца, Алексея — он ушел на собрание. Соседи давно уже возвратились, а его все нет. Совсем закочнев, девочка входит в комнату, садится у железной печурки, протягивает к ней руки.

В комнате горит керосиновая лампа с железным абажуром — желтый свет круглым пятном падает на стол. В полумраке прячутся старый комод, тахта и деревянная кровать.

Из цикла «Деревня в горах».

Циала согрелась. Она берет с подоконника тетради, книги, чернила и садится за стол готовить уроки.

Вскоре слышатся шаги — наконец-то вернулся отец. Алексей долго топчет на крыльце ногами, счищая снег, потом открывает дверь и заглядывает в комнату.

— Ты дома?

— Дома. А где мне быть? — сухо отвечает девочка.

Отец оставляет сапоги у порога и остается в грубошерстных белых носках. Пройдясь по комнате, он садится у печки, греется и поглядывает на дочку. Он видит, что Циала сердится, но желание поговорить пересиливает.

— Пospорил я с Симоном, — говорит Алексей.

— Собрание когда кончилось? — по-прежнему холодно спрашивает дочка. Тон у нее, как у взрослой.

— Собрание... — тянет с ответом отец. — Я к Шалико зашел после собрания...

— Вижу, что зашел, — ворчливо замечает Циала. — У меня задача не получается...

Алексий чувствует себя виноватым — действительно, он задержался. Выпил у Шалико стакан, другой и забыл, что дочь одна, ждет его. Поэтому Алексей обрадованно, даже заискивающе переспрашивает:

— Задача? Ничего. Ну-ка, скажи...

— Здесь сказано: с участка, площадью в четыре сотки, собрано 330 килограммов свеклы, а с участка, площадью в две сотки, 226 килограммов. Определить средний урожай свеклы с одной сотки всей площади.

— М-м, — бормочет Алексей, — так... значит... а где это столько свеклы получают, там не сказано?

— Да нет же, — с досадой говорит Циала, — это же из задачника...

— Надо сложить, по-моему, и потом...

Алексий подходит к дочке и наклоняется над столом. Циала уже нашла правильное решение и очень довольная спрашивает:

— О чем же ты спорил с председателем?

— С Симоном? Да я, понимаешь, говорю ему, что надо лесопилку у нас построить, а он говорит: смысла нет. Я говорю: как нет, лес под боком, река рядом и сплавлять лес можно, и на ту сторону перевозить, а там — на машину. А он...

Алексий рассказывает долго, многословно, возбуждается, начинает размахивать руками. Но, случайно глянув на дочь, замечает, что она не слушает. Заткнув уши, она сгорбилась над книгой и заучивает что-то наизусть. Смуглое, тонкое лицо Циалы сосредоточено, густые брови сошлись над переносицей, губы беззвучно шевелятся.

Отцу хочется подойти, погладить Циалу по голове, но он боится помешать ей. Вино еще шумит в голове, и Алексей начинает жалеть себя и дочку. Особенно дочку... Эх, что поделаешь, с тех пор, как умерла Маринэ, все у них в доме пришло в разор. За коровой Алексей смотреть не мог, обшивать девочку некому; а поди напасись на нее готовым, когда она растет, будто молодой тополек. В кого такая пошла, не поймешь. Маринэ была маленькая, полная, он тоже невелик ростом.

Алексий снова вспоминает жену и вздыхает. Может, жениться ему, привести дочке мачеху? На том конце деревни живет вдова Надя Гонга-

дзе. Она еще не стара. Муж у нее помер прошлым летом, детей нет и, как кажется Алексию, Надя ему не откажет. Он несколько раз толковал с нею о том, о сем. Послать к ней сватов или самому поговорить? Надя женщина поворотливая, она и дома порядок наведет, и за коровой посмотрит, а что не казиста, так он ведь тоже не красавец.

Алексий представляет себе, как на кухне возле тонэ суетится Надя. В сарае похрустывает, пережевывая жвачку, корова. Пахнет горячим хлебом и парным молоком... Циала уже давно приготовила уроки и сразу после ужина ложится спать в своей комнате.

— Умница девочка, — ласково говорит Надя, — только пятерки приносит.

Алексий, довольный ухмыляясь, смотрит, как Надя стелет постель.

— Ну иди же, — зовет она, — завтра тебе рано вставать.

Он проворно раздевается, ложится и крепко обнимает Надю, полный благодарности за то, что она приласкала его дочь, наполнила уютom дом, согрела холодную постель вдовца.

— Хорошая ты! — громко произносит Алексий.

— Что, папа? — спрашивает Циала. Она уже собрала тетради и стоит рядом, глядя на его задумчивое лицо.

Алексий треплет дочку по голове.

— Сядь рядом.

Циала садится на скамеечку и прижимается головой к коленям отца.

За рекой медленно ползет автомашина. Окно на секунду светлеет, и видно, как за стеклом пляшут снежинки. В трубе посвистывает ветер.

— Метель, — говорит Алексий. — Придется завтра дорогу расчищать.

Циала молча трется головой о колени отца.

— Папа, — спрашивает она, — пятнадцать лет — это взрослая?

— Шестнадцать—взрослая, а пятнадцать—еще нет. Для чего тебе?

— Я еще немножко вырасту и все научусь делать сама. И тебе станет легче. Накопим деньги и купим корову... А тройку по-русскому я исправлю, мне библиотекарьша Назико обещала помочь.

Алексий кашляет и отворачивается, чтобы дочка не видела его лица.

— Я скоро и шить научусь, — продолжает Циала. — Буду сама все шить. Как мама.

Алексий протяжно вздыхает.

— Папа, а почему люди снова женятся? — спрашивает вдруг Циала.

— Как снова?

— Ну, опять женятся... Дядя Теймураз женился, а Нина, жена его новая, бьет Тамрико. Тамрико мне сама показывала синяк на руке... Зачем дядя Теймураз женился? Он что, не любил свою жену?

— Любил, почему не любил, — пожимает плечами Алексий. — Ух, ветер какой. Давай-ка, дочка, ляжем спать.

— Ты утром эту рубашку сними, — сонно говорит Циала, — я постираю, а себе возьми в комод чистую.

Циала вскоре засыпает.

Алексий встает с тахты, подходит к кровати и целует дочку в щеку. Она, не просыпаясь, проводит по лицу ладонью.

Отец снова ложится, но ему не спится. Он старается осторожнее поворачиваться с боку на бок, чтобы Циала не проснулась от скрипа старой тахты.

ЛЮБОВЬ ЛЕСНИКА

С ружьем за плечом и топором за поясом высокий, широкоплечий Ило пробирается сквозь заросли. Брезентовая куртка и старые солдатские штаны сливаются с листвой кустарников, легкие шаги не слышны, смуглое, скуластое лицо задумчиво, но серые, острые глаза все замечают: и подрубленную кору сосны, и след оленя, а уши все слышат. Раздается звук, для любого похожий на постукивание клювом, а Ило понимает, что это не дятел, а далеко, за Медвежьим ущельем, осторожно обтесывает дерево порубщик.

Под вечер Ило и порубщик — колхозник Алексей идут в деревню. Топор Алексея заткнут за пояс у Ило. Лесник шагает впереди и то и дело останавливается, поджидая отставшего Алексея.

Оба молчат.

Алексей рад бы попросить, чтобы лесник отпустил его на все четыре стороны, а то и просто поделиться с ним печалью своей. Ведь не из жадности он поотрубал ветки у дерева, а так, случайно. Все некогда пойти, выписать дрова. Мотыжил он кукурузу, отошел на опушку леса и подумал: что, если собрать немного валежника? Стал собирать, а тут сосна проклятая подвернулась. Дай, решил, на растопку поотрубаю смолистых веток. Ну, и увлекся... Теперь, поди, и штраф платить придется, и разговоров нудных у председателя не оберешься, а Циала, дочка, укорять станет... Поговорить бы обо всем с лесником, да разве он станет слушать? Идет себе и молчит, как филин. Вылитый отец, тот такой же молчаливый был и суровый.

Плетется за лесником Алексей и не знает, что Ило тоже не прочь поговорить с ним. Только он привык молчать. В детстве бродил по горам с отцом — и говорили они друг с другом мало. А после того, как отца придавило деревом, он остался один и совсем разучился говорить.

Скажет коротко:

— Дай.

Или:

— Возьми.

И вся недолга.

Но с недавних пор Ило стал говорить — сам с собой, с деревьями, с облаками, со звездами, а больше всего с Цугой — своей собакой.

— Эх, ты, собачина, — бормочет он, присев на корточки и поглаживая пса по спине.

Непривыкшая к ласке собака визжит, катается по земле, лижет хозяину руку.

— Хорошая она, правда, Цуга? — говорит Ило, не замечая, что пес добрался уже до его лица и лижет щеку. — Красивая, высокая, сильная, — и, застыдившись вдруг, умолкает и отпихивает собаку: — Пошла вон! Ишь, обрадовалась...

Ило никогда не заглядывался на женщин, как-то не замечал их. Но прошлой осенью возвращался домой и догнал у самой деревни девушку.

Она вела из лесу козу и, услышав позади шаги, обернулась. Ило молча кивнул и перегнал ее. Он вроде и не заметил лица девушки, но, ^{ложась} спать, вдруг припомнил спокойные карие глаза, тонкий нос и ^{пухлые} измазанные соком молодого ореха губы. Держалась она прямо и роста была почти такого, как он. Неужто это Маро, дочь бригадира Шалико? Она ведь совсем недавно маленькой была... Ило прикинул, сколько ей лет, и получилось, что Маро всего года на три—четыре моложе его. Какой она стала румяной и красивой!

После того вечера лесник, к общему удивлению, стал появляться на железнодорожной платформе, где вечерами собирались попеть и потанцевать деревенские парни и девушки. Приходил разодетый, в новой шелковой сорочке, в новом костюме, который, казалось, вот-вот расползется по швам на его могучих плечах.

Ило не танцевал, не пел. Приходил, становился среди парней и, неловко опустив руки, не мигая, глядел на Маро. Подруги толкали ее в бок, хихикали и, немножко завидуя, шептали:

— Твой опять смотрит. Совсем с ума свела.

Маро отворачивалась от них:

— Нужен он мне...

Но в душе ее разгорелись любопытство и нетерпение. Когда же этот сильный, красивый парень заговорит с ней и скажет те слова, которые так хочется услышать каждой девушке?

Но Ило молчал.

Молчал всю зиму, молчал всю весну...

Маро сперва пыталась вызвать его на откровенность, проходя мимо, словно нечаянно, толкала его локтем, но он только краснел до ушей и продолжал молчать. Боясь его, другие парни совсем перестали обращать внимание на Маро. В конце концов девушка возненавидела лесника. Появится Ило на платформе, она тотчас домой уходит, завидит издали его высокую фигуру, — спрячется за изгородь.

Слух о молчаливой любви лесника дошел до отца Маро. Веселый и шумный Шалико сперва расхохотался, а потом рассердился и пригрозил дочери:

— Из дому выгоню, если узнаю, что ты с ним... Не по душе он мне.

Шалико живет неподалеку от Алексия, и Ило, который целую неделю слонялся по лесу, очень хочется сейчас спросить, нет ли чего нового в деревне, в доме Шалико. Но, конечно, спросить он не решается.

Так и идут они молчком: Ило — впереди, Алексий — позади, ковыляет угрюмый и злой. Собака где-то сбоку шныряет в кустах.

Вошли в деревню. Ило направился было к колхозной конторе, но, пройдя мимо клуба, остановился.

— Пошли, что ли, — уныло бормочет Алексий. Ему не хочется стоять здесь, на виду у всех. Но лесника словно громом оглушило. Алексий проследил за его взглядом. У дверей клуба стояла дочка бригадира Маро и болтала с молодым учителем.

— Иди, — пробурчал вдруг лесник, сунул в руки Алексию его топор и медленно пошел к клубу.

Алексий с трудом уразумел, в чем дело. Не чуя под собой ног от радости, он в один миг скрылся за углом.

А лесник подошел к Маро и молча встал рядом. Девушка надула губы, но, сделав вид, что не видит его, потянула учителя за рукав и скрылась с ним в дверях библиотеки.

Ило стоял, как вкопанный, губы его беззвучно шевелились, руки теребили куртку.

Мало-помалу на почтительном расстоянии от него собралась группа парней. Они издали наблюдали за лесником.

Он заметил их, смутился и ушел.

Лесник прибрел домой, согрел себе ужин, накормил собаку. До сих пор он просто любил — сейчас в нем проснулась ревность. Он впервые подумал о том, что в конце концов может оказаться молчаливым свидетелем свадьбы Маро.

Что он тогда будет делать?..

Лучше всего Ило думалось в лесу, и он ушел в лес.

Пробираясь под соснами, сквозь ветви которых не мог пробиться даже свет полной луны, мягко ступая по толстому покрову сухой хвои, много лет усыпавшей землю, он говорил что-то. Цуга останавливалась, наострив короткие уши, прислушивалась к словам хозяина и, убедившись, что хозяин говорит не с ней, бежала дальше.

— Мы будем хорошо жить с тобой, Маро, очень хорошо. Дом у меня просторный, всего в нем будет вдоволь. И кровати новые куплю, и радио проведу. Я на руках стану носить тебя, — нежно произносит Ило. — Я всегда буду любить тебя одну, только тебя...

Лесник вслушивается в свои слова и вздыхает — вот так бы сказать ей вслух все, громко и уверенно.

Ило взобрался на вершину горы. Южный склон ее, обращенный к деревне, был скалист и гол, лишь кое-где здесь росли кизил и шиповник; северный — порос мохнатым ельником и сосняком.

Усевшись на скале, лесник стал глядеть на залитую лунным светом деревню. Только в одном домике светится огонек — там живет председатель колхоза Симон. Левее прячется в тени сливовых деревьев дом Баграта, рядом с ним избушка вдовца Алексея, а забор о забор с ней стоит деревянный, построенный на новый лад — с застекленной верандой и двускатной крышей — домик Шалико.

До самого рассвета просидел Ило на скале. Лишь когда небо порозовело и обильно выпала роса, он поежился, встал и зашагал по тропинке, петлявшей по узкому хребту горы. Шел он угрюмый и опечаленный, поняв, что не хватит у него смелости прийти к Маро и прямо сказать ей обо всем...

Почти весь день бродил Ило по лесу. Но под вечер ноги сами понесли его в сторону деревни.

Выйдя на прогалину, лесник заметил, что Цуга заволновалась. Умчалась куда-то, вернулась, поглядела на хозяина своими коричневыми глазами, над которыми белели пятнышки-брови, твякнула и опять убежала вперед.

Ило ускорил шаг: он почуял горьковатый запах дыма.

Сбежав в овраг и мигом выбравшись из него, лесник увидел белый дым, пеленой обволакивающий кусты, и алые языки огня, лижущие ствол сосны. Собака залаяла на огонь, оглядываясь на хозяина.

Не раздумывая, Ило сорвал с плеча ружье, выпалил в небо из обоих стволов и протяжно крикнул:

— Эгей-гей, люди-и-и!

Отшвырнув ружье в сторону, он с топором в руке бросился в дымящуюся чашу.

Огонь низко стлался под кустарником, сжигая сухую хвою, и лишь в одном месте подобрался к дереву. Ило, задыхаясь от дыма, стал сру-

бать кусты, преграждая огню путь к сосняку. Прорубив широкую прогалину, лесник заметил, что огонь скачками, словно живой, поднимается от нижних ветвей сухой сосны к верхним. Сосна стояла особняком, но ветер легко мог перебросить искры на другие деревья.

Сбросив куртку, Ило сбил ею огонь с ближайших кустов и вновь взялся за топор.

Искры и тлеющие ветки падали ему на голову и спину, но Ило не замечал ожогов. Он яростно рубил сухостой, распалаясь все больше и больше. Топор звенел, как колокол.

— Вот тебе! На тебе! — вскрикивал лесник, нанося сильные удары.

Сосна с треском рухнула, разбросав по сторонам горящие ветки. Ило опустил топор, затоптал пылающие головни и остановился, захавшись. Глаза у него слезились, обожженные лицо и спина саднили.

Но тут же он увидел, как огненная змея поползла от догорающего валежника через сделанную им просеку к деревьям, и ринулся затаптывать ее...

В деревне услышали выстрел лесника, а вскоре приметили и дым, поднимающийся над лесом.

Старик Багрat собрал мужчин, которые случайно оказались в селе, женщин посмелее, и все вместе с лопатами в руках побежали к лесу.

Замелькали лопаты, посыпалась земля. Старый Багрat подбадривал всех, покрикивая:

— Живей, живей, парни! Хорошенько засыпьте огонь.

Лишь несколько позже кто-то разглядел стоящего в стороне лесника. Брови и усы у него обгорели, лицо, плечи, грудь и спина почернели от сажи и дыма, а кое-где вздувались багровые волдыри. Ило тяжело, с присвистом дышал, молча глядя, как колхозники добивают огонь.

Люди бросились к леснику.

— Ило? — с изумлением проговорила издали Маро.

Лесник, пошатнувшись, отошел от дерева. Ило?.. Она впервые назвала его по имени. Колхозники расступились. А Маро стояла неподвижно, глядя на Ило. Незнакомое почерневшее лицо склонилось к ней.

— Здравствуй, Маро.

— Здравствуй, — ответила девушка, удивляясь, что слышит его голос.

— Я хотел повидаться с тобой, Маро, — уверенно и легко, словно не впервые ему разговаривать с девушками, говорил лесник, — я давно хотел сказать тебе... — он закашлялся.

Маро опустила глаза, но, когда Ило перевел дух и хотел продолжать, прикоснулась кончиками пальцев к его губам...

— Как ты обгорел, — сказала она, — и усы себе спалил...

— Живей, живей, парни, — гремел голос Баграта. — Спешите, пока не стемнело!

ЛАДО ПРИЕХАЛ

Война, чтоб ее никогда больше не было, немало народу у нас в Ирмисцкаро забрала. Из рода Гонгадзе погибли в Германии трое, а Мито Гонгадзе—нынешний председатель сельсовета— потерял там руку. В роду Бидзашвили остался без отца Джамбул — тот парнишка,

который теперь в Тбилиси учится на скульптора. В роду Бицадзе был ранен в ногу огородник Сандро. В роду Буачидзе погибло пятеро под Севастополем, а один парень — Ладо — пропал без вести.

До сих пор все вспоминают Ладо. Как говорит пословица: человека нет, а имя его помнится. Он ведь был самым красивым, самым умным и смелым в селе. Парни его слушались — куда он, туда и они. А он больше смотрел вокруг себя, внимательными, добрыми глазами. Помню, у Гулико Девадзе дом сгорел. Пока в сельсовете и в правлении раздумывали да прикидывали, Ладо уже бригаду сколотил из своих друзей. Пришли ребята в сельсовет, потребовали лесу и через месяц построили Гулико дом — лучше сгоревшего.

Так вот, этот самый Ладо и пропал без вести. Старый Нико с женой долго убивались по нем, соседская девушка Лело плакала. А мы все, как соберемся за столом, так уж обязательно поднимем рог за Ладо, за то, чтобы он вернулся к своим близким.

И вот Ладо Буачидзе приехал. Где он пропадал?.. Слушайте. Я расскажу все по порядку.

В позапрошлом году это случилось...

Сидим мы, старики, у железнодорожной платформы, на бревнах, парни с девушками взад и вперед прогуливаются. Ждем поезда.

Подошла электричка. Высыпали из четвертого вагона односельчане — мы знаем, какой вагон у платформы останавливается, и всегда в него садимся, — повыпрыгивали с корзинками, сетками в руках, кто из Хашури приехал — накупил в магазинах подарков для дома, кто из Сурами вернулся, тоже кое-что привез.

Поезд свистнул и ушел. Мы потолкались, поговорили, обменялись новостями и стали расходиться. Тут, глядим: вдоль железной дороги идет медленно женщина. В руке чемодан деревянный, тяжелый, другой рукой мальчика держит лет пяти. И по лицу, и по одежде, и по тому, как беспокойно она осматривала все, было видно, что она приезжая и в нашей деревне впервые.

Сразу смолкли те, кто стоял на платформе, и повернулись к женщине лицом. Стоят, молча смотрят. А она, бедняжка, идет все медленнее и медленнее, смущается под чужими взглядами, да и трудно ей чемодан тяжелый нести. Баграт Девадзе первым смекнул, крикнул парням:

— А ну, ребята, помогите женщине!

Мигом отобрали у нее чемодан, мальчишку кто-то на плечо поднял, и привели их на платформу.

Стоим. Молчим. Разглядываем мы ее, она — нас.

— Здравствуйте, — по-русски сказала женщина.

— Здравствуйте, — нестройно отозвались мы.

— Это ведь Ирмисцкаро?

— Ирмисцкаро, конечно, Ирмисцкаро! — обрадовались мы.

Чему, спрашиваете, обрадовались? Во-первых, тому, что женщина не сбилась с пути и приехала туда, куда хотела. Во-вторых, раз она в Ирмисцкаро приехала, значит будет нашей гостьей. А может ли быть что-нибудь приятнее гостя, особенно, когда гость — молодая, красивая женщина? Что вы головой качаете? Думаете: не к лицу тебе, старый Андро, говорить о красивых женщинах? Э-э, дорогой, красота есть красота, и никому не возбраняется любоваться цветущим персиком — ни

старому, ни молодому. И, кроме того, окажись гость стариком, я бы сказал: что может быть приятнее гостя старого, мудрого? А будь гость здоровым усатым молодцом, я бы обрадовался тоже: вот и собутыльни-ка тебе бог послал, старый...

Ну ладно, не стану тянуть, вернемся к женщине.

— Мне нужно Буачидзе. Скажите, где он живет? — спросила приезжая.

— Какого тебе Буачидзе, дочка? Их у нас много, — сказал Нико, внимательно глядя на мальчика.

— А мне того Буачидзе, сына которого Ладо звали, — объяснила она.

Лицо Нико стало белым, как квишхетская известка.

— Звали, говоришь?.. Сына моего Ладо зовут. Я его отец. Я Буачидзе.

Гляжу, и приезжая побелела, губы у нее затряслись.

— Да, да, — говорит, — похожи вы...

Мы стоим, шелохнуться боимся, «что-то сейчас произойдет», — думаем.

Женщина положила руку на плечо мальчика и подтолкнула его вперед.

— Сын это мой, Ладо его зовут... как отца...

Нико медленно подошел к мальчику, присел на корточки и заглянул ему в лицо. Малыш схватился за материнскую юбку.

Не поднимаясь, Нико снизу вверх поглядел на женщину:

— А Ладо?

Она покачала головой:

— Я сама его похоронила...

Нико с трудом встал — все слышали, как хрустнули его колени, — протяжно вздохнул, потом наклонился, схватил мальчика, поднял и, прижав к себе, стал целовать.

— Внучек, внучек мой...

В деревне новости расходятся, как круги по воде, если в нее бросить камень.

У платформы собралась уже вся деревня.

Повели мы гостью к дому Нико. Впереди парни чемодан несут, за ними женщина и Нико идут. Старик, как взял на руки мальчика, так и не выпускает его. Малыш сперва вырывался, а потом притих, только внимательно разглядывал старика и осторожно трогал рукой его длинные усы.

Что дальше было, — не скажу. Довели мы их до калитки и разошлись. Так у нас полагается. Если надо, все придут разделить и радость и горе, помочь соседу. А тут было ясно, что без нас разберутся. Есть такие минуты в жизни, когда нужно побыть одним.

Крикнули нас вечером — сперва женщин, помочь столы накрыть, потом всех других.

Выпили мы за упокой души Ладо, который сгорел в автомашине во время бомбежки и которого похоронила в далекой кубанской степи русская женщина Маша, выпили за здоровье самой Маши, за Нико и его жену, и за счастье маленького Ладо.

И ведь как странно в жизни бывает: среди нас сидела и Лело — девушка, которая любила Ладо. Казалось, она должна была невлюбить.

Машу. Но женское сердце — странное сердце. Лело сразу так привязалась к Маше, так они подружились, словно знали друг друга всю жизнь.

Они до сих пор дружат. Маша по-грузински говорить научилась...

Что? Да, она осталась у нас. Не трудно ли ей? А что трудно? Ее любят, балуют. Она в долгу не остается — работает, о стариках заботится. Все вместе маленького Ладо воспитывают. А что она не грузинка, так какое это имеет значение. У нас в деревне не думают о том, откуда человек родом, нам важно, какая у него душа. Так в Грузии испокон веку было, так и сейчас ведется.

Карне Мумладзе

Девушка за рулем

РАССКАЗ

Перевод с грузинского А. Надирашвили

Рис. З. Церетели

Посвящается девушкам, которые по получении аттестата зрелости поступили на производство.

Работаю я водителем самосвала.

— Подумаешь, какая важная птица, — скажут некоторые. — Ну, была бы профессором — дело другое, а то — нашла чем хвастать... Шофером всякий может стать.

Пусть говорят, что угодно, но я твердо знаю — неправы они.

Во-первых, многие и не знают, что шофером может стать далеко не всякий. Разве у каждого найдется нужная для этого ловкость, смекалка, острый глаз? А способность соображать, не мешкая, любовь к машине, к каждой ее детали, не говоря уже об уважении к пассажиру...

А во-вторых, — кто меня принуждал?!

Ведь коли ты шофер, тут уж само собой, что любишь свое дело. Скажите, разве не к этому должен стремиться каждый: делать свое дело с любовью и удовольствием.

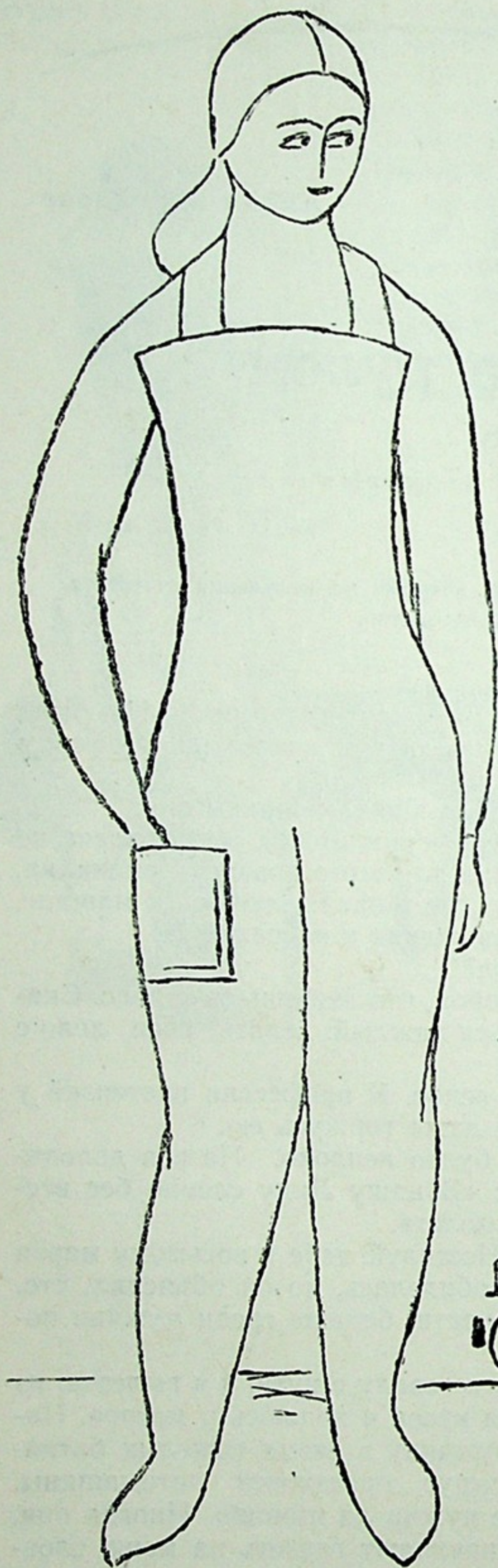
Право, прекратим этот спор, дело ясное. К профессии претензий у меня нет. Скажу откровенно: в душе я даже горжусь ею.

И справляюсь я со своей работой будто неплохо. Не раз доводилось слышать, как кто-нибудь говорит: «В нашу Лиду словно бес вселился, гоняет она свою машину, как самолет».

А недавно мне бригадир говорит: «Пожалуй, тебе к восьмому марта и подарка не полагается». Я, конечно, обиделась, но он объяснил, что, по его мнению, мне, при моей специальности, больше среди мужчин подобает значиться, чем среди женщин...

Действительно, стоит испортиться самосвалу в пути, и я вылезая из кабины, ложусь на пыльную дорогу под кузов и копаюсь в моторе. Наверное, я и впрямь похожа тогда на мужчину в своих тяжелых ботинках и замасленном комбинезоне... А вокруг проезжают автомашины, водители, сбавив ход, спрашивают — не нужна ли помощь. Иногда они, обнаружив, что перед ними женщина, начинают глазеть на меня, словно на диковинку, выставленную в витрине.

Правда, редко, но бывают и такие случаи: ехал раз со мной в кабине парень лет двадцати трех. Пассажир мой вначале молчал, словно воды в рот набрал. Потом, как сорвавшийся с цепи, принялся ерзать, болтать всякую всячину. Я его предупредила раз, второй, делала вид,

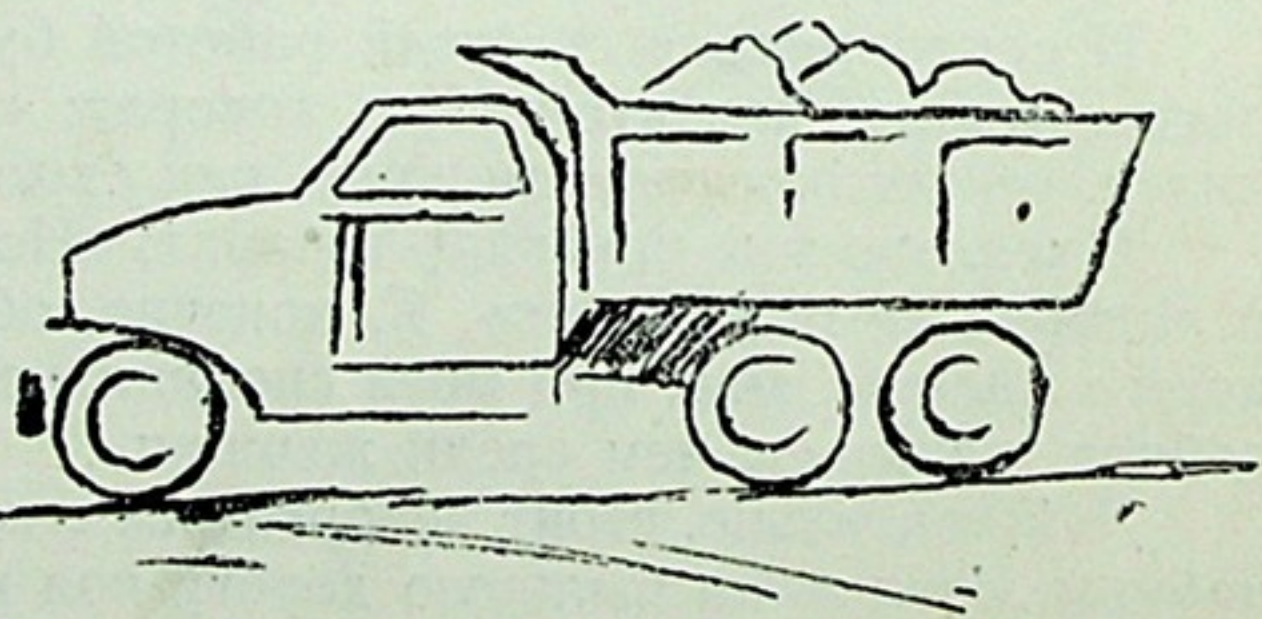
что не обращаю внимания на его комплименты. А он распоясался, дал волю рукам. Тут я взорвалась. Остановила свой «Мазик» и высадила наглеца. Вначале хотела было дать как следует по зубам, но пожалела. Все же пару оплеух надавала. Ну и опешил он, растерялся от неожиданности. Стоит на дороге, как вкопанный, и щеку трет. Потом я его отправила в кузов. Так и тряся на гряде руды до города.

Видели бы вы, что было, когда об этом узнали у нас в конторе! Смеялись, иначе, как на «вы», ко мне не обращались. Но зато и окрестили бессердечной.

Об этом, собственно, я и хочу вам рассказать.

Уже давно я работаю в нашем городе-красавце Рустави. Как-то особому полюбила я его. Быть может, виной этому то, что не осталось в нем такого места, где бы не пришлось мне поработать. Много разных стройматериалов перевез мой пятитонный «МАЗ-205». На первом месте он у меня и по числу пройденных километров, и по безаварийности.

И все же кое-чем я недовольна. Нет участков, закрепленных за нами, водителями, постоянно. Гоняют от одной строительной организации к другой. И месяца не прорабо-

таешь на одном месте. Только познакомишься с кем-нибудь — рабочим, техником, инженером, — а уже на новое место перебрасывают.

Бывают, правда, и исключения. Раз застряла я надолго при «Жилстрое». Свыклась с участком, и ребята будто привязались ко мне. Стоило им завидеть меня, как уже отовсюду слышалось: «Эй, Лида, давай».

сюда!» Молчал только бригадир каменщиков Гриша Цискаришвили: роста чуть выше среднего, крепко сбитый, а лицо такое нежное — не то, чтобы красивое, но очень симпатичное. А глаза словно прожигают насквозь.

Бывало, раньше приедешь на участок, перекинешься с ребятами парой слов, и айда назад. Пора горячая, времени для разговоров нет. Только успеешь сбросить груз, а уже даешь газа. И попробуй, догони!..

Но с некоторых пор меня словно подменили: теперь я схожу с машины, даже нахожу время для разговоров, а сама все ищу случая побеседовать с Гришей, да так, чтоб никто не заметил.

Постепенно для меня Гриша словно отделился от других, стал близким и дорогим.

Мне хочется смотреть только на него, быть с ним, хочу сделать для него что-нибудь особенное—пусть он только попросит, а я все сделаю. Даже товарищи стали замечать это, но мне уже все равно. Кому какое дело. Пусть! Мне от этого даже радостнее.

Часто между нами происходит такой разговор:

— Будешь проезжать мимо магазина, захвати папиросы,—с улыбкой просит Гриша.

— Курить папиросы вредно, тебе надо отвыкнуть от этого,—говорю я серьезно, но вместе с тем так, чтобы не обидеть его.

— Верно, но ведь пока отвыкнешь, покурить надо,—несется с лесов в ответ.

Вокруг смех.

— Ладно, давай деньги.

Сверху летит трехрублевка.

— Сдачу можешь оставить себе.

— С трех рублей не разживешься, давай десятку.

Он будто всерьез роется в кармане.

— Ладно, в следующий раз, — кидаю я и сажусь в кабину.

Бригада Гриши — одна из передовых. Выработывает он свыше двух тысяч в месяц. И у меня с деньгами неплохо. Иногда соблазнишься красивой косынкой или чем-нибудь другим. Ничто не скроется от глаз Гриши, все замечает.

Случалось: посажу после работы Гришу в кабину и отвожу его домой.

— Вот так дела,— говорю я ему,— вместо того, чтобы ты меня провожал, я тебя провожаю.

— Бывает, бывает, — пряча улыбку в усах, говорит он.

И все-таки я довольна. Ведь главное не в том, кто кого провожает, а совсем в другом...

Как-то утром, увидев меня на участке, Гриша сошел с лесов, отозвал меня в сторонку и с очень таинственным видом сообщил, что хочет создать из своих ребят бригаду коммунистического труда.

— Вся надежда на тебя, подвезешь материалы вовремя, справимся. Передай, пожалуйста, и остальным.

А с лесов, с высоты четвертого этажа, понимающе улыбались остальные ребята... Может, они думали, что Гриша объяснялся мне в любви?!

Старалась я изо всех сил, стоило выехать за пределы участка, как машина рвалась вперед, словно на крыльях.

Плоды нашей работы не заставили себя ждать. Через два—три месяца оказалось, Гриша сдержал свое слово. В газете появились портре-

ты членов бригады и статья. В ней упоминалась и я — Лида Квелидзе — как шофер, образцово обслуживающий участок.

Казалось бы, повода для грусти нет, а все-таки у меня нет-нет а заносит сердце. Гриша не говорил ничего, а я... не могла ведь я взять да и выложить ему все напрямик. Не раз мы бывали в кино или театре, но Гриша все больше молчал или шутил. Все оставалось по-прежнему.

Так прошло лето, и наступила капризная осень: то жарило солнце, то лило, как из ведра, словом, было ни грустно, ни радостно. И все-таки осень — счастливая пора для парней и девушек. Повсюду справляются свадьбы! Хотя и то надо сказать — кому свадьба, а кому и горюшко...

Однажды, как обычно, еду на участок, ссыпаю с кузова груз и собираюсь ехать назад, но... что-то притягивает мой взор ввысь, к поднимающимся этажам. Гриши почему-то не видно. Может, отлучился куда? Хочется спросить, но как-то неудобно. И так нет проходу от ребят.

Под самым носом у машины возникает человек. Слышу:

— Лида! Лида!

Но это не Гриша, и потому не останавливаюсь. Наверное, кому-то хочется побалагурить, а мне не до них.

Во второй заезд вновь всматриваюсь в леса. Сердце начинает колотиться: Гриши опять нет. Если он куда-то собирался, почему не сказал мне? Я уже решаюсь спросить кого-нибудь, но слышу голос гришиного товарища, того самого, который пытался заговорить со мной в предыдущий рейс.

— Ты чего про бригадира не спрашиваешь? — обиженно говорит он и, не дожидаясь ответа, продолжает: — Мы думали — у вас уже все в порядке, но теперь я вижу, что он тебя вовсе не интересуется.

Что он говорит?.. Впрочем, теперь все это неважно: повздорили мы или нет, и что думают об этом люди... Неважно и многое другое. Главное узнать, что случилось с Гришей. Но мой собеседник продолжает сам, не дожидаясь вопросов:

— Да, не рассчитали мы. Гришу ушибло бревном, у него перелом ноги. Отвезли в больницу. Я звал тебя, хотел все сказать, а ты даже не остановилась...

Мне кажется, будто кровь застыла в жилах. Колени не держат. Если не борт машины, я бы наверное свалилась. Не знаю, сколько времени я простояла так. Когда я пришла в себя, с трудом влезла в кабину и дала полный газ.

На мое счастье больничные ворота оказались открытыми. Влетаю во двор и оставляю машину тут же, у ограды.

У дверей больницы сестра. Она не хочет пропустить меня. Впрочем, я и не прошу у нее этого. Мне нужно узнать, привезли ли сюда Гришу, и где он находится. Но она не отвечает и твердит свое. В наш спор вмешивается мужчина в белом халате и говорит мне, что Гриша сейчас на втором этаже, в операционной.

Не знаю, что могло бы остановить меня? Я прекрасно понимала, что в операционную никого не пускают, но все же рвалась туда.

Наконец, сестра сжалилась надо мной, сказала: ничего опасного, но сегодня больного лучше не беспокоить.

* * *

Я навещаю Гришу каждый день. В больнице теперь хорошо знают меня и мой «МАЗ-205». Стоит мне затормозить у больничных ворот, как изо всех окон доносятся крики больных ребят: «Приехала, приехала!», словно это не я, а прибыла какая-то важная персона.

Мне больше не приходится ссориться с дежурными сестрами. Они сами открывают дверь, как старой знакомой,— они знают, что у меня пропуск...

Я усаживаюсь у изголовья Гриши и принимаюсь рассказывать обо всем, что на белом свете делается. Я чувствую, что мой разговор ему приятен. Иногда он так хохочет, что я даже начинаю опасаться, как бы это не повредило ему.

В больнице я познакомилась и с его родителями. Отец — инженер, работает на заводе, мать — врач. Но одна мысль не дает мне покоя: а что если я им не по душе?! Главное, конечно, он сам, но все-таки...

* * *

Вчера у меня был дальний рейс. На обратном пути за мной увязалась девушка, попросила взять в Рустави. В кабине места не было, рядом со мной сидел напарник. Что мне было с ней делать?! Девушка соглашалась на все, лишь бы доехать до Рустави. Я ее пожалела, и так мы и притулились все вместе в кабине.

Ей — около двадцати. Вся так и светится, и кудряшки вокруг лба. Сидит она рядом со мной и ни слова не говорит. Но могла ли я не расспросить ее обо всем! Куда, спрашиваю, едешь, зачем... Лучше бы я этого не делала!

— Вы, наверное, знаете Гришу Цискаришвили? — спрашивает она.

— Нет, — пришлось покривить мне душой.

— Несчастье с ним, оказывается, случилось на стройке. Разбился он. Я только сегодня узнала об этом, и места себе не нахожу...

А у меня словно язык к небу прирос, не могу ни слова сказать. Сердце подсказывало мне, что эта девушка не родственница Гриши, и фамилия у нее оказалась совсем другая.

Не зря говорят — у страха глаза велики. Гоню я машину, как слепая, уставившись на дорогу широко раскрытыми глазами...

За всю дорогу я не сказала больше ни слова. Тяжелый камень лежал у меня на сердце...

Девушку я ссадила на площади, а сама тут же отвела машину в гараж.

Встретили меня в больнице как обычно. Только, слышу, один из больных ехидно проговорил: «Одна уже здесь, а вот и вторая явилась». А может, и не говорил никто ничего, просто почудилось мне со страху.

Не переводя дыхания, взбежала я по лестнице. Знакомая сестра даже крикнула мне вдогонку: «Не волнуйся, все в порядке».

Дверь палаты я открыла в тот момент, когда моя недавняя спутница ласково целовала в лоб Гришу. Я вскрикнула, повернулась и одним духом сбежала по лестнице...

В ту ночь я не сомкнула глаз. Да и как я могла заснуть?! Много мыслей роилось в голове. Наконец, у меня родилось решение: сегодня же попрошу ребят из палаты Гриши, чтобы ему передали мое письмо, и тут же потребую от него ответа...

Я не искала красивых, необыкновенных слов. На листке бумаги написала следующее: «Дорогой Гриша! Прости за беспокойство, но меня мучает один вопрос: кто та девушка, которая приехала к тебе вчера из деревни? Не поленись и ответь мне, хотя бы одним словом. Жду твоего ответа во дворе. Лида».

Не прошло и пяти минут, как сестра принесла мою записку обратно. Я чуть в обморок не упала, но нашла силы взять бумажку. На записке было наспех нацарапано: «Лидочка! Я знаю, что беспокоит тебя. Все это глупости. Ко мне приехала из деревни сводная сестра. Заходи поскорее! Гриша».

И вот теперь сижу я за баранкой, гоню мой «Мазик» по широкой дороге и не могу удержаться: громко, во весь голос пою.

Вы хотите знать, что я пою? Я и сама не могу сказать точно, но песня моя веселая, радостная, от души.

Александр Абашели

Женщина в зеркале

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение

Перевод с грузинского Б. Гасса, М. Заридзе, К. Коринтели

Рис. А. Бандзеладзе

— Я ни на минуту не сомневался в том, — продолжал Вайсман, — что на Марсе есть жизнь. Действительно, как можно думать, что в необозримом просторе вселенной, в мире стольких небесных систем, бесчисленных планет, среди которых, безусловно, есть сходные с Землей — по своим химико-физическим свойствам, — как можно думать, повторяю я, что во всей вселенной жизнь ограничена только Землей, что только Земля является каким-то необыкновенным феноменом? Больше того, ученые давно уже пришли к выводу, что среди многих планет нашей солнечной системы именно на Марсе существуют наилучшие условия для развития жизни.

— Да, наши ученые уже не первый год бьются над изучением Марса, но, к сожалению, практические результаты пока не очень велики, — прервал его Камарели. — Ну, а в последнее время... — он махнул рукой. — Вы помните, в августе 1924 года, когда Марс приблизился на расстояние пяти миллионов километров и телескопы всех обсерваторий мира тщательно ощупывали каждую складку марсианского рельефа, им

не только не удалось обнаружить ничего нового, но вдруг исчезли и те удивительные каналы, которые прежде были видны даже на большом расстоянии.

— Вот, вот, именно об этом я и хотел с вами посоветоваться, — оживился Вайсман. — Поразительно: на протяжении нескольких столетий прямые линии этих каналов были отчетливо видны с помощью куда более примитивных телескопов и на гораздо большем расстоянии, нежели в 1924 году, когда крупнейшие и сложнейшие объективы современных телескопов не смогли обнаружить и следа каналов.

— Откровенно говоря, и я был поражен! — признался Камарели.

— Да, это заставило меня призадуматься, — продолжал Вайсман, — и с того времени я начал изучать каналы, вернее, сами загадочные линии по старым картам и фотографиям. Я не сомневался в действительном существовании линий. Оно подтверждено учеными многих эпох, рисунками и фотоснимками. Для меня ясно, что стройная, графически четкая система линий не могла явиться отражением происходящих на Марсе природных процессов. Значит, напрашивалось объяснение — линии проведены разумными существами с какой-то определенной целью. Наиболее убедительной, на первый взгляд, казалась гипотеза каналов. Убедительной, если забыть об их ширине: ведь они достигали от 60 до 300 километров! С нашей точки зрения технически невозможно проведение системы каналов подобной ширины от одного до другого полюса планеты, причем, заметьте, — каналы расположены в определенном порядке: параллельно и треугольниками. Добавьте сюда еще одно странное обстоятельство: в некоторых местах линии вдруг исчезали на несколько недель или дней, и тогда менялась вся система каналов.

— Да, это действительно очень странно! — подтвердил Камарели.

— Когда я стал изучать фотоснимки поверхности Марса, — продолжал Вайсман, раскрывая одну из своих тетрадок, — мое внимание привлекли результаты наблюдений Скиапарели. Зарисовав один и тот же участок Марса сначала в 1884 году, затем в 1886 году, он обнаружил совершенно непонятное и необъяснимое явление: за два года направление каналов не изменилось, но отдельные линии кое-где исчезли, а кое-где появились новые; изменилась и комбинация углов, — с этими словами Вайсман протянул Камарели фотокопию одного из рисунков.

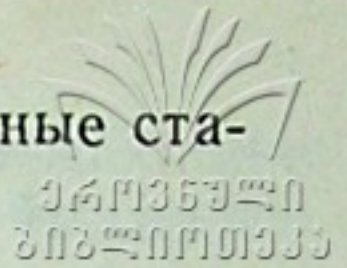
— Это рисунок 1884 года. Взгляните внимательно на всю систему, особенно на среднюю ее часть, и сравните вот с этим. — Вайсман указал на рисунок 1886 года. — Это та же система два года спустя. Как видите, параллели и треугольники так изменили свое расположение, что гипотеза каналов вообще теряет всякий смысл.

— Но существует еще и другая версия, — возразил Камарели, внимательно разглядывая второй рисунок, — эти черные линии могут представлять собой берега каналов, покрытые растительностью. Сами каналы не видны, но заросли растений, занимающие большие пространства, как тени, тянутся вдоль каналов.

— А почему некоторые линии порой исчезают? — спросил Вайсман.

— Осенью опадают листья, и линии пропадают, кажется, так это объясняют.

— А ну-ка взгляните на оба рисунка: территория одна и та же, а линии разные. Листопадом подобное явление никак нельзя объяснить. Ведь тогда линии не изменялись бы, а вовсе исчезали бы в определенное время года. Нет, нет, листопад — не объяснение. Выдвигался, правда, и еще один, скажу прямо, смехотворный вариант: якобы, линии эти —

дороги, по которым время от времени передвигаются колоссальные стада животных.

Вайсман придвинул к себе оба рисунка и задумался.

— Когда в 1924 году вдруг сразу исчезли все линии, — заговорил он после короткой паузы, — я сначала растерялся. Если на таком близком расстоянии мы ничего не можем разглядеть, то не являются ли эти загадочные линии просто зрительным обманом? Но хрустальные объективы — чрезвычайно объективны и не допускают галлюцинаций. Я продолжал изучение фотографий и обнаружил одну очень интересную подробность: число и характер параллелей менялись всегда в определенной последовательности. Я много думал над этим, и однажды меня осенило предположение: не являются ли черные линии сигналами, которые Марс упорно шлет Земле?!

Со светлой поверхности планеты, — невозмутимо продолжал Вайсман, — невозможна сигнализация лучами. Они затеряются, сольются со светом Марса. А теньевые полосы видны хорошо.

— Удивительно, — воскликнул Камарели, — что такая простая мысль никому, кроме вас, не пришла в голову!

— Правда, удивительно, — согласился Вайсман. — Тем более, что марсиане прибегли к чрезвычайно остроумному средству: они совершенно прекратили подачу сигналов, надеясь, что с Земли обратят на это внимание и, наконец, поймут, в чем дело.

— Мысль, сбившаяся с верного пути, долго бродит по закоулкам, пока не выберется на дорогу, — задумчиво проговорил Камарели.

— Нить была найдена, — с увлечением продолжал Вайсман, — и потянулся весь клубок. Ведь на Земле ожидали сигналы с Марса? Ожидали. Но задумался ли кто-нибудь об их возможном характере?

— Мне помнится, что тогда по радио слышались какие-то шумы, — ответил Камарели.

— Я знаю о них, но ведь это могло быть простым недоразумением, во всяком случае, шумы не повторялись. — Вайсман потянулся к портфелю, достал небольшую газетную вырезку и прочел ее вслух:

«23 августа 1924 года. Британский радиотелеграф сообщает из Канады: сегодня утром работники одной из радиостанций приняли неизвестные сигналы: странный комплекс звуков, не зафиксированный ни в одном радиокоде».

— Возможно, сигналы были поданы с Марса? — спросил Камарели.

— Конечно. Но я ставлю вопрос несколько иначе: на каком языке могут объясняться жители двух планет? Ведь применение сигналов, изобретенных на Земле, возможно только в пределах нашей планеты. Межпланетная же сигнализация должна быть основана на общих и понятных для всей вселенной знаках.

— Но где такие знаки?

— Эти знаки — пути движения лучей и планет! — произнес Вайсман и в упор посмотрел на Камарели. — Параллели, круги, треугольники, вообще все геометрические фигуры — поистине универсальны, они основаны на общих законах движения энергии и веществ. Если где-то во вселенной существуют разумные существа, подобные людям, то законы движения, несомненно, будут им так же понятны, как и человеку; лучи во всей вселенной распространяются одинаково. С таких позиций я и стал рассматривать загадочные линии на Марсе. Мое внимание привлекло постоянство суммы параллелей и треугольников. Тщательные наблюдения привели к окончательному выводу: фотографические карты показывали три различных цикла расположения параллелей и треугольников

(циклы с удивительной точностью сменялись на протяжении 100 лет). Каждый цикл состоял из 12 фигур. Заменяв фигуры на математические знаки, я получил исходную формулу для постройки экрана.

— Ура, друг мой! — воскликнул восхищенный Камарели, загоревшимися глазами глядя на Вайсмана.

— Я соорудил экран, и в течение трех месяцев посылал на северную полусферу Марса невидимые лучи. Наконец, пучок лучей наткнулся, как на удочку, на приемный аппарат Марса, и мой экран слабо засветился. Все время совершенствуя экран, я сумел принять сигналы марсиан. Затем выяснилось, что углы наклона осей Земли и Марса так противопоставляют северные сферы обеих планет, что лучше всего расположить экран в зоне между 40 и 43 градусами северной широты. Как вам известно, Тбилиси находится именно в этой зоне. Вот и объяснение моего приезда к вам.

Камарели впервые с открытым сердцем протянул Вайсману руку.

— Ну, надо полагать, пришло время воздать кесарево кесарю, — сказал он, радостно улыбаясь.

— То есть? — не понял Вайсман.

— То есть назвать настоящего изобретателя летаргина.

— О зачем так спешить! — с оттенком неудовольствия ответил Вайсман. — Меня беспокоит теперь совершенно новая загадка. Если вы не протестуете, я расскажу о ней в Тбилиси.

— Она связана с экраном? — осведомился Камарели, и вдруг перед глазами его возникло уже забытое (как ему казалось) лучезарное лицо марсианки. Что-то кольнуло в сердце.

Неужели сознание его вновь охвачено мечтой, воплотившейся в реальность благодаря величайшему техническому изобретению?

— Нет. — Ровный голос Вайсмана набатным звоном отдался в ушах Камарели. — Загадка родилась совершенно неожиданно. Я столкнулся с ней, наблюдая за путями движения светил, во время изучения формулы экрана. Но — об этом после! Вечером, перед отъездом, я еще раз повидаюсь с вами.

И, пожав Камарели руку, он вышел из комнаты.

Еще одна новая тайна!.. Только бы не была она связана с экраном, а уж все другое он одолеет, выдержит. Только бы избавиться от неизвестности! Неужто предстоит ему самое худшее: видеть в зеркале любимую, слышать ее голос, и, как ночная бабочка, биться о стекло, ломать крылья, но так и не преодолеть преграду; надеяться, что достаточно отворить дверь, чтобы прижать к груди любимую, коснуться ее светлого лица, услышать биение ее сердца, ощутить ее дыхание... и знать, что в действительности вас разделяют сотни миллионов километров и никогда-никогда ты не сможешь коснуться ее, приблизиться к ней; знать — за экраном не эта комната, не эта женщина, а леденящая душу черная бездна глядит суровыми глазами вечности.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Комета Биэлы

В комнате постепенно темнеет. Вайсман в глубокой задумчивости сидит у открытого окна. На вечернем небе четко вырисовываются черные верхушки кипарисов.

Солнце уже скрылось, но розовато-сиреневая вуаль заката еще окутывает вдали облака и горы. Звезды, как белые цветы, белые пыльные хризантемы, падают, осыпаются.

И среди них—кровоаво-красный цветок...

Серебристый декабрьский мороз заглядывает в распахнутое окно, но Вайсман не чувствует холода. Он смотрит на красную хризантему. В руках его — огромные черные очки. Он ритмично постукивает пальцами по черным стеклам, и этот несложный аккомпанемент сопровождает вихрь его мыслей.

На мгновенье вихрь затихает, и тогда в сердце его просыпаются тревожные воспоминания.

— Каро! Тебя посылают! — слышит он радостный шепот.

— Решилось?

— Почти единогласно! — Лба его коснулись нежные бархатистые волосы Геды.

— Ты должен осуществить задуманное, чего бы это ни стоило!

Его согревает горячее дыхание женщины, но в сердце маячит черная тень. И тень эта вопрошает: «Для кого, для кого горят эти глаза?»

— Я исполню все.

Она дрожит, как пойманный в силок дрозд.

— Ты слишком волнуешься, Гада, — ласково говорит он. — У тебя жар. Тебе нужен отдых. Верь мне, я выполню все. Хоть и знаю, куда устремлены твои мечты. Гада, зачем ты губишь себя?

— Каро, мой Каро! — шепчет женщина.—Да, я перед пропастью, но далеко-далеко я вижу счастливую звезду и слышу зов несказанного, жгучего счастья...

— Я выполню все, — повторяет он, пристально глядя в ее глаза. — Но если погибнет мечта? Если манящая издали Обра вдруг обернется зверем?

— Тогда погибну и я, — едва слышно шепчет женщина.

В дверь постучали.

Вайсман надел очки, закрыл окно и включил свет.

— Войдите!

Пришел Камарели.

— Я заставил вас ждать?

— Нет, нет, я как раз отдыхал. У меня сегодня свободный вечер.— Вайсман разложил на столе книги, бумаги.

Камарели сел против него.

— Я хочу побеседовать с вами об одной комете, — заговорил иностранец, раскрывая толстую книгу.

— Появилась новая комета? — поинтересовался Камарели.

— Нет, комета старая, комета Биэлы.

— Мне известна ее история.

— И все же я попрошу вас внимательно выслушать то, что я расскажу. — Вайсман, казалось, был несколько взволнован.

— Кое-что о комете Биэлы я должен прочесть вам из книг, — продолжал он. — Все, что вы сейчас услышите, вам, конечно, давно знакомо, но думаю, конец моего повествования вас удивит.

Камарели насторожился.

— Я слушаю вас с величайшим вниманием.

— Комета Биэлы была открыта в 1772 году; затем, 10 ноября 1805 года она была обнаружена вторично. — Вайсман торопливо пере-

листал книгу и, найдя нужную страницу, начал читать: «Бессель и Гаусс вычислили по Понсу ее орбиту и период обращения, который оказался равным шести с половиной годам. Комета должна была вновь вернуться к Солнцу в 1826 году. Зная об этом, чешский астроном Биэлы, находившийся в Богемии и внимательно следивший за движением кометы, 27 февраля 1828 года сумел засечь ее появление. Поэтому комета была впоследствии названа его именем. В 1832 году комета появилась снова, в точно предсказанный срок; однако на этот раз ее появление вызвало панический страх, так как по расчетам астрономов орбита кометы пересекала орбиту Земли. Считали, что стоило комете и Земле одновременно пройти точку пересечения их орбит, как катастрофа была бы неизбежна. Встревожился весь мир. Особенно волновался Париж. Достаточно сказать, что в Академии отменили публичную лекцию известного астронома Лаланда, когда распространился слух, что Лаланд, якобы, предвещал гибель мира».

Вайсман принялся листать вторую книгу.

— А вот, что пишет астроном Вольф: «Слухи породили страшную панику. Весь Париж с ужасом ожидал судного дня. Резко участились случаи нервных заболеваний. Этим пользовались бесчестные служители церкви, которые за неслыханно большую мзду обещали отпущение грехов обезумевшим от страха людям».

— Знаменитый геометр Лаплас, — обратился Вайсман к выдержке из третьей книги, — так описывал возможную катастрофу: «Среди множества комет солнечной системы может появиться и такая, которая столкнется с нашей планетой. Результаты подобного столкновения не трудно себе представить. Изменится характер вращения Земли, изменится угол наклона ее оси. Моря и океаны покинут свои ложа и устремятся к экватору; люди и животные все равно погибнут во всемирном потопе, даже если они уцелеют при страшном толчке в момент столкновения Земли с кометой. Погибнут все народы, погибнет все, созданное человеческим разумом и трудом...»

— Паника, как видите, была вызвана отнюдь не суеверием! — сказал Вайсман, откладывая книгу. — Ведь несущееся со скоростью нескольких километров в секунду, даже сравнительно небольшое, скажем, радиусом в 500 метров, небесное тело, столкнувшись с Землей, способно вызвать опасные последствия.

— Но опасения оказались беспочвенными, — заметил Камарели, — комета, как известно, прошла своим путем, а мы остались целы и невредимы.

— Действительно, — подхватил Вайсман, — страх оказался напрасным, и директор Венской обсерватории Литтров тогда же весьма справедливо указал на причину ошибки перепуганных ученых: «Хотя Земля и будет проходить точку пересечения с орбитой кометы Биэлы, столкновение между ними возможно лишь в том случае, если комета окажется в перигелии¹ 25 ноября. А такой случай, как показывают точные расчеты, возможен только один раз в 2500 лет».

— Отсюда и начинается то «новое», о чем я должен вам поведать, — и Вайсман снова взялся за книгу. — Литтров пошел дальше: он вычислил, что столкновение можно ожидать в 1933 году. Что вы скажете на это?

— Расчеты его были верны, — подтвердил Камарели, — но в 1872 году с кометой что-то произошло: она исчезла. 27 ноября, когда Земля мино-

¹ Перигелий — ближайшая к Солнцу точка орбиты планеты или кометы.

вала точку пересечения орбит, появился целый караван метеоритов. Ученые сочли их осколками погибшей кометы.

— И это была ошибка, какие мало помнит история науки,— прервал его Вайсман, откидываясь на спинку кресла. — Да, 27 ноября 1872 года Земля прошла точку пересечения орбит, но где тогда должна была находиться комета? Когда она должна была пройти точку пересечения? Расчеты показывают, что комета прошла ее 16 сентября. Значит, к 27 ноября комета уже обошла Солнце и со страшной скоростью мчалась к орбите Юпитера. Что же касается дождя метеоритов, который разразился в атмосфере Земли 27 ноября, то это была всего лишь обычная «ноябрьская группа» метеоритов, так называемые «леониды». Ни о каких остатках кометы Биэлы, даже если с ней и произошла катастрофа, в данном случае говорить не приходится.

— Но куда же исчезла комета?

— Комета не исчезала. Она продолжает двигаться по своей обычной орбите, и, по вычислениям гениального Литтрова, пересечет орбиту Земли 25 ноября 1933 года.

Камарели в упор посмотрел на Вайсмана.

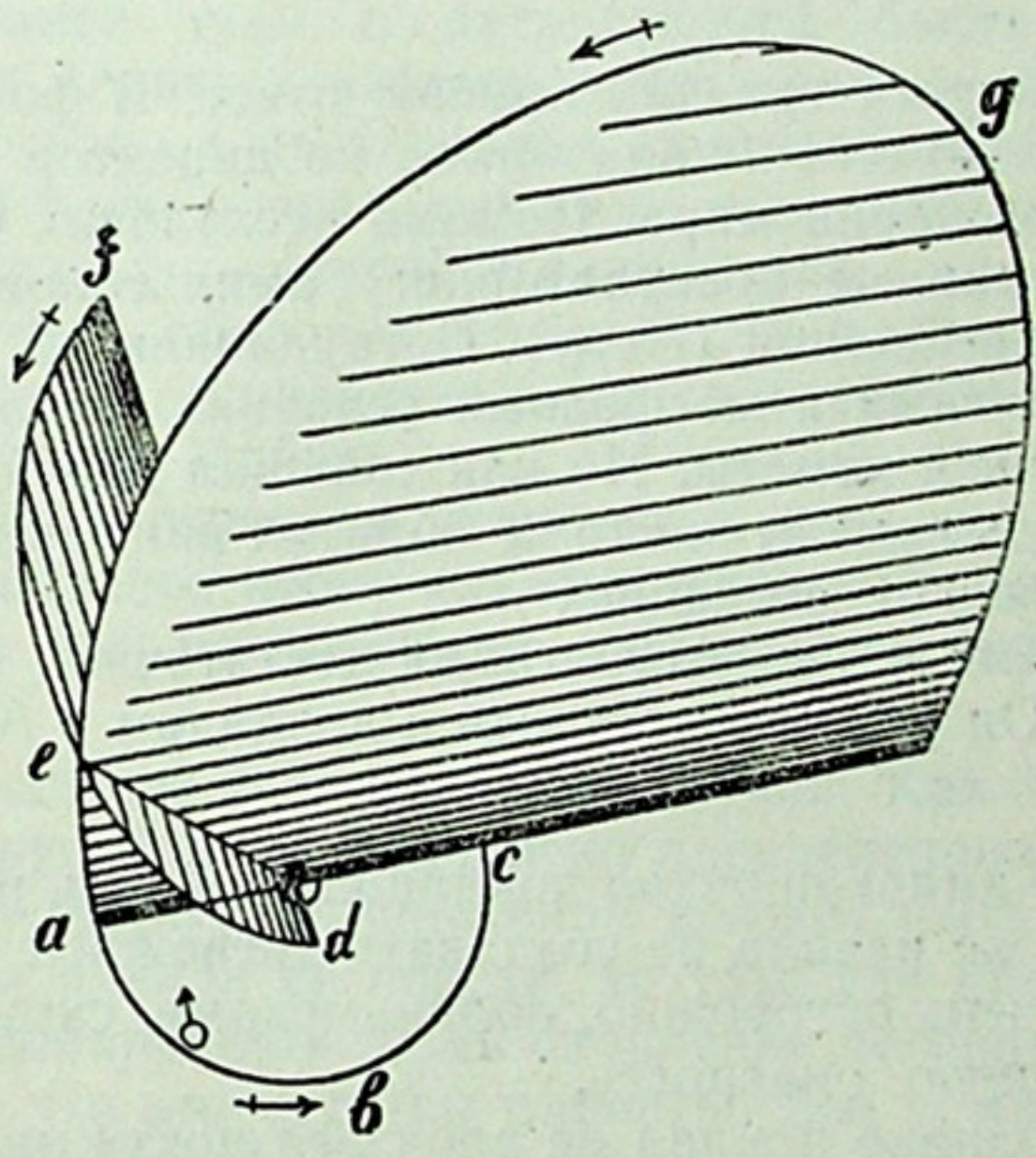
— И в это время Земля будет как раз в точке пересечения орбит,— ровным голосом закончил Вайсман.

— Итак?

— Итак, столкновение неизбежно.

— Нужны более веские доказательства, — возразил Камарели.

— Извольте. — Вайсман вновь придвинул к себе бумаги. — Орбита кометы Биэлы, пересекающая орбиту Земли, в свою очередь, пересекается орбитой соседней кометы. Она известна под названием Энке. — Вайсман развернул звездную карту и протянул ее собеседнику.

— Вот положение орбит Земли, Биэлы и Энке: a, b, c — орбита Земли; a, e, g — орбита Биэлы; d, e, f — орбита Энке. Как видите, сперва пересекаются орбиты Биэлы и Энке, а потом уже Биэла вторгается в орбиту Земли. По моим вычислениям, Биэла и Энке 2 августа 1872 года прошли очень близко друг от друга. Но столкновения не произошло. Энке только погасила сверкающую оболочку Биэлы, так как произошло неожиданное разряжение электромагнитных лучей, вследствие контакта атмосфер двух комет. А погасшая Биэла не видна в телескоп. — С этими словами Вайсман протянул Камарели испещренный формулами и цифрами листок.

Камарели начал спокойно разбирать вычисления Вайсмана. Но чем дальше он углублялся в лабиринт цифр, тем больше росла тревога в его душе. Наконец, он отодвинул листок, поднялся и зашагал по комнате.

— Вы правы, — после продолжительного молчания произнес он,—

ваш расчет абсолютно верен. К сожалению, когда не было никаких оснований для опасений, люди метались, как перед развернувшейся пропастью, а теперь, когда опасность реальна, никто ничего не подозревает.

— Необходимо предупредить мир, — спокойно сказал Вайсман.

Камарели удивился.

— Какой в этом смысл?

— Наука должна выполнить свой долг!

Камарели снова подсел к столу. Перед глазами его вдруг возник прекрасный образ марсианки, словно вдохнувший в него новую надежду.

— Да, вы правы, — сказал он, наконец, Вайсману, — человечество, конечно, должно знать, что его ожидает.

* * *

На следующий день Камарели отправил телеграмму директору Пулковской обсерватории:

«Есть основания считать, что комета Биэлы приближается к Земле. Необходимо тщательно проверить звездные фотокарты, чтобы удостовериться, прошла ли комета критическую точку 17 октября 1920 года и 21 апреля 1927 года».

Спустя три дня пришел ответ. В фотокартах Пулковской обсерватории комета не значилась, но директор послал запросы в крупнейшие обсерватории мира. Помимо нескольких советских, ответили также две иностранные обсерватории: Гамильтонская (Калифорния, США) и Бойден-Стейшн (Перу). Сотрудникам их, находящимся в наиболее благоприятных атмосферных условиях, удалось обнаружить неясную тень погасшей кометы. Но как сообщал директор Пулковской обсерватории, на тень кометы никто не обратил внимания и, конечно, появление Биэлы произведет сенсацию.

Камарели этого было достаточно.

Он решил выступить с докладом в Академии наук.

Камарели читал доклад спокойным, размеренным тоном, чтобы с самого же начала не создавать тревожной атмосферы. О главном он сказал очень осторожно, полунамеками, скрывая под расчетами и цифрами грозящую опасность.

Однако доклад не произвел почти никакого впечатления!

Общее молчание.

Безмолвие нарушил председатель:

— У кого есть вопросы?

— Разрешите? — поднялся молодой ученый-физик.

— Пожалуйста.

— По вычислениям докладчика, ожидается столкновение кометы с Землей. Как полагает докладчик, какими для нашей планеты могут быть результаты столкновения?

Аудитория насторожилась.

— У кого еще вопросы?

Молчание.

Что еще спрашивать? Главное — это.

— В настоящее время, — вновь взял слово Камарели, — я вычисляю массу кометы. Столкновение не повлечет серьезных последствий, если масса кометы не очень велика, но если ее масса и объем остались прежними, то Земле грозит значительная опасность.

— Что могло вызвать уменьшение объема и массы кометы? — снова спрашивает молодой ученый.

— Я уже говорил, что в 1872 году комета Биэлы столкнулась с другой, которая погасила ее оболочку.

— Насколько реальна опасность? Известны ли науке подобные случаи? Земля существует столько тысячелетий, и если ничего не случилось с ней за это время, почему мы должны ожидать гибель в ближайшем будущем?

В зале вздохнули с облегчением.

Камарели отпил воды из стакана.

— Науке известны подобные случаи во вселенной, — прозвучал его голос. — Вот что говорит Фогель: «В 1892 году была обнаружена новая звезда «Nova Aurigae». До 2 ноября 1891 года она принадлежала к звездам тринадцатой величины, совершенно не значительным и малозаметным. В первых числах декабря того же года она выросла до размеров седьмой величины. 7 декабря она достигла шестой величины. 20 декабря она сияла, как светило четвертой величины, а потом постепенно стала уменьшаться, и в апреле 1892 года погасла совсем. Возникает вопрос, как мы должны объяснить все эти факты, совершающиеся в космосе? Я думаю, что мы были свидетелями величайшей космической катастрофы. Огромное тело с потрясающей быстротой вторглось в систему нескольких планет и внезапно нарушило ее стройный порядок. Избежав столкновения с центральным светилом этой системы, которое мы должны считать уже почти остывшим, оно пронеслось так близко от него, что сила притяжения, которой обладает тело, вызвала волнение жидкого вещества светила, оболочка его треснула, и воспламенившаяся лава хлынула в небесное пространство в виде протуберанцев».

Такое же мнение высказывает Майер:

«Если сопоставить все факты и гипотезы, становится ясно, что происхождение новых и переменных звезд носит катастрофический характер: эти внезапно вспыхнувшие звезды являются осколками погибших миров».

Да и в нашей солнечной системе имелись такие случаи. Как известно, расположение планет вокруг Солнца подчинено определенным законам. По этим законам, между Марсом и Юпитером должна быть еще одна планета. Когда астрономы начали ее поиски, то там, где предполагалось ее местонахождение, обнаружили лишь скопление астероидов. Ученые пришли к заключению, что это остатки планеты. Без сомнения здесь произошла космическая катастрофа: столкновение кометы с планетой.

Воцарилось молчание.

Поначалу спокойное научное заседание принимало совершенно иной характер.

— Еще один вопрос! — раздался вдруг чей-то голос. Это был известный профессор математики.

— Пожалуйста!

— Могло ли столкновение 1872 года изменить, вернее, уменьшить массу кометы? И если комета потеряла массу, могла ли она продолжать вращаться по своей орбите, сохранив прежний период вращения?

Камарели понял, что скрывать истину дальше нельзя.

— Комета не изменила орбиту и период вращения, так что, надо полагать, масса ее тоже не изменилась.

— Таким образом, исходя из фактов, опасность очень велика?

— Безусловно! — ответил Камарели.

Стало так тихо, будто разом опустел весь зал. Только назойливо жужжала и билась об оконное стекло большая муха.

Кто-то встал и вышел из зала.

— Располагает ли современная наука средствами предотвратить столкновение? — прорезал тишину, наконец, чей-то голос.

— Человечество научится изменять или приостанавливать ход космических процессов, — глухо прозвучал ответ.

И опять тишина. Лишь кто-то скрипит стулом.

Поднялся юноша; видимо, молодой ученый. Попросил слова.

— Я хочу сказать... что... — начал он срывающимся от волнения голосом. — Как я понял из доклада, комета Биэлы и Земля должны раз в 2500 лет встречаться в точке пересечения орбит. Но Земля существует уже много миллионов лет. Почему же не произошло столкновения еще в первые тысячелетия ее жизни? И если этого не случилось тогда, почему же должно произойти сейчас?

— Я уже говорил об этом вкратце, но если кому-нибудь неясно, могу объяснить более подробно, — ответил Камарели. — Кометы отнюдь не исконные члены семьи нашей солнечной системы. Они приходят к нам из космических пространств и, испытав притяжение Солнца, устремляются к нему с удвоенной скоростью, а уже затем, по инерции, переходят на другую сторону параболы и снова исчезают в космосе. Но комета может пройти так близко от какой-нибудь планеты, что последняя изменит ее направление и удержит в своей семье. Так, Юпитер пленил уже 23 кометы. Колоссальная сила притяжения Юпитера превращает параболические орбиты комет в эллипсоидальные, и кометы становятся его спутниками.

Биэла как раз и относится к семейству комет Юпитера.

Мне думается даже, что она уже трижды встречалась с Землей и, возможно, что некоторые крупные земные катаклизмы — последствия этих встреч. Предстоящая теперь четвертая встреча произойдет в наиболее критической точке. Поэтому на этот раз Земле угрожает особенно серьезная опасность.

Незнакомое чувство ожидания чего-то неведомого овладело присутствующими.

И вдруг, резким диссонансом тишине, воцарившейся в зале, ворвался с улицы беззаботно-веселый тенор мальчишки-газетчика: «Коммунисти!» «Заря»!..

Улица пока ничего не знала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Паника

На другой же день Советское Телеграфное Агентство передало в эфир сообщение о докладе в Академии наук. И тотчас же посыпались вопросы ученых всего мира. В ответ был опубликован полный текст доклада Камарели.

Семнадцать европейских и американских обсерваторий подтвердили правильность его заключений. А некоторые американские ученые

принялись даже вычислять размеры катастрофы. И что же? «Масса кометы, — по утверждению одного из них, — столь велика, что при столкновении Земля должна воспламениться. В таком состоянии она будет с утроенной скоростью вращаться вокруг своей оси, пока, наконец, не расколется по линии одного из меридианов. Затем обе половины, приняв сферическую форму, отдалятся друг от друга на пятьдесят тысяч километров и устремятся в космос. Это произойдет 25 ноября 1933 года в 6 часов 43 минуты вечера по Гринвичу».

Подобные известия были сразу же подхвачены иностранной прессой, радио.

Капиталистический мир ответил на них небывалой паникой на бирже. В течение трех дней от многих крупнейших финансовых трестов остались только жалкие обломки. Монополиям не помогли бесчисленные призывы и увещевания, что жизнь общества не должна преждевременно оборваться, что есть еще «кое-какая надежда».

Английское правительство опубликовало даже специальное воззвание: «Британцы! Мужественные мореплаватели! Как часто проявляли вы беспримерную твердость духа и рыцарскую отвагу в минуту гибели на палубах обреченных кораблей. Вы погружались в холодную бездну океанов и морей с неразлучной трубкой в зубах, вы бестрепетно смотрели в глаза смерти. Моряки! Гибнет наш великий корабль, наша любимая планета, на которой испокон века гордо реяло непобедимое знамя Британии. Займите каждый свое место, и в последний раз покажите всем пассажирам — народам других стран — свой героизм, бесстрашие и мужество. Британцы! Пусть вслед за безнадежным «SOS» унесется в просторы героический гимн нашего народа:

Приближаюсь,
Приближаюсь
К тебе я, господи!..»

Примеру английского правительства последовали руководители многих других капиталистических государств. Но ничего не помогало. Весть о конце света летучей мышью билась над их странами.

И только на одной шестой части земного шара жизнь текла по обычному руслу.

* * *

Наступил январь 1932 года.

Капиталистический мир, за короткий срок окончательно изменивший свое лицо, жил лихорадочной жизнью обреченного на смерть и отчаявшегося человека.

11 января в Риме состоялся всемирный собор католического духовенства. В порядке дня стоял один-единственный вопрос: «Второе пришествие и тактика духовенства».

Собрание именем святейшего папы открыл главный епископ города Рима.

— Мир погубило неверие, — сказал он, — человечество забыло имя божье и поклоняется всякой нечисти. Кровью, ядом и ненавистью наполнен ныне сосуд любви и кротости. И вот грядет кара господня. Помолимся же всевышнему, чтобы он обратил к детям своим милостивый лик и утвердил нас в вере.

Вслед за ним на кафедру поднялся отец Бенедикт, почтенный прелат, и начал проповедь:

— Братья во Христе, достойные отцы! Свершается завет ^{господа} нашего Иисуса Христа. Сказал он: восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут землетрясения по местам, и будут ^{и смяте-} глады ^{и смяте-} ния... И сказал он далее, что предаст брат брата на смерть, и отец детей, и восстанут дети на родителей, и умертвят их... И в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил бог, даже доныне, и не будет...

И сказал он далее:

В те дни, после скорби той, солнце померкнет, и Луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. И тогда увидят сына человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою.

Первый делегат (с места): Знаем, отче, наизусть знаем! Поведай нам лучше — сын божий грядет или сатана, богом проклятый?

Председатель: Кто этот несчастный, прерывающий слово почтенного оратора?

Первый делегат: Смертная скорбь объяла меня, отец мой, и жду я слова светлого и ясного, чтобы разогнало туман, помутивший мой разум.

Отец Бенедикт (продолжает): И тогда он пошлет ангелов своих и соберет избранных своих от четырех ветров, от края земли до края неба... И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки ангела, пред богом стоящего. И взял ангел кадиланицу и наполнил ее огнем жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса, и громы, и молнии и землетрясение. И семь ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить. Первый ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю...

Второй делегат: Мы пришли сюда не затем, чтобы слушать священное писание, отче! Скажи, как быть нам?

Председатель: Закон божий — светоч наш. Возьмите терпение — и все узнаете.

Отец Бенедикт: Второй ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море. И вострубил третий ангел, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и стала на третью часть реки и на источники вод.

Председатель: Слышите? Упала с неба звезда!.. Все, что должно свершиться, все нам наперед сказано!

Отец Бенедикт: Четвертый ангел вострубил, и поражена третья часть Солнца, и третья часть Луны, и третья часть звезд... И видел я и слышал одного ангела, летящего среди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на Земле...

Первый делегат: Горе нам, горе, ибо не ведаем, где искать прибежища и спасения!

Отец Бенедикт: Пятый ангел вострубил, и я увидел звезду, упавшую с неба на Землю. И дан был ей ключ от кладезя бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как из большой печи, и помрачились солнце и воздух от дыма из кладезя.

Третий делегат (кричит): Не нужно нам панихиду, отче, скажи лучше — второе ли пришествие грядет, или же воистину гибнет мир, отринутый богом?

Председатель звонит в колокольчик.

Отец Бенедикт: И из дыма вышла саранча на землю... И по виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну, и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее, как лица

человеческие. И волосы у нее, как волосы у женщин, а зубы у нее были, как клыки у львов. На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее, как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну. У ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала...

Второй делегат: Не хотим мы такого доклада! Не смеешься ли ты над нами, святой отец! К нам приходят сотни верующих и спрашивают: почему бог отвернулся от нас и почему хочет покарать нас, верующих, за грехи неверующих? Что должны мы сказать им, чем утешить?

Отец Бенедикт: И видел я другого ангела, сильного и сходящего с тьмы тем; и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, фиолетовые и серные; головы у коней, как головы у львов, и изо рта их выходит огонь, дым и сера. Хвосты были подобны змеям, и имели головы, и ими они вредили...

В зале поднялся невероятный шум.

Первый делегат (к председателю): Ваше преосвященство! Мы не в силах более слушать все это! Видимо, глубокоуважаемый прелат, отец Бенедикт, не представляет всей тягости нашего положения. К чему нам слушать все то, что нам давно известно? Скажите нам, что угрожает Земле — второе пришествие или небывалое стихийное бедствие? И если это — второе пришествие, то почему молчат столпы церкви, почему провозвещают его недостойные и нечестивые?

Отец Бенедикт: И видел я другого ангела, сильного и сходящего с неба, облеченного облаком; над головою его была радуга...

Возгласы возмущения прервали речь оратора. Какой-то священник ринулся к кафедре и вырвал из рук прелата книгу, по которой он читал. Прелат, что-то бурча себе под нос, торопливо сошел с кафедры. А колокольчик председателя безудержно заливался, захлебывался звоном.

На кафедру поднялся второй делегат.

— Испокон века нам ведомо: верховный ангел возгласит трубным гласом о втором пришествии господина нашего Иисуса Христа... И что же мы видим? Вместо проповедей в храмах божьих, вопият богохульники-астрономы, ссылаясь на свои дьявольские машины... Где папа наш, наместник бога на Земле? Почему не выйдет он к нам и не возвестит волю Божию?

Председатель: Никому не ведома воля господня. Ибо завещал он: О дне же том, или часе, никто не знает. Ни ангелы небесные, ни сын, но только отец. Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время.

Ропот в зале, волнение.

Чей-то голос: Никому не ведома воля господня? Но откуда же узнали ее ученые?

Второй делегат: Я предлагаю пригласить на собрание папу.

— Папу! Папу! — подхватили десятки голосов.

— Пригласим папу!

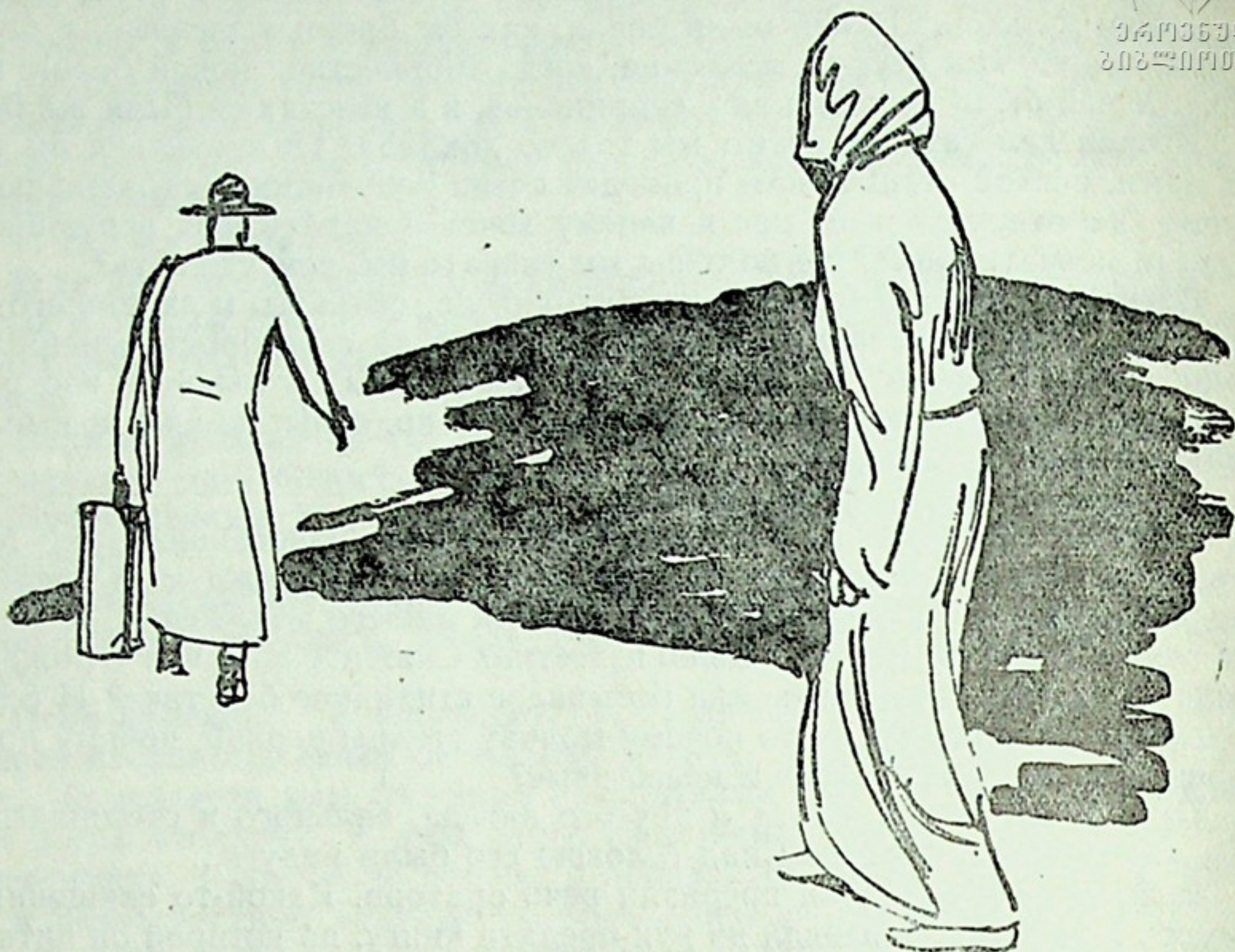
Собрание постановляет направить к папе делегацию.

• • •

И вот делегаты прибыли в Ватикан. Четыре часа продержали их в большой приемной папского дворца, и только после этого к ним, наконец, соизволил выйти кардинал.

Глава делегации, парижский аббат де-Брийон, доложил ему о цели прихода и потребовал проводить их к его святейшеству. Но...

— Папа не может принять вас сегодня, — равнодушно ответил кардинал.

— Почему? — удивился де-Брийон.

— Он занят.

— Могут ли быть у римского папы дела важнее тех, которые привели нас сюда? — с жаром произнес де-Брийон.

— Разговоры излишни, папа не может вас принять, — невозмутимо ответил кардинал и, резко повернувшись, вышел из приемной.

Самолюбивый и гордый де-Брийон был так возмущен оказанным приемом, что, позабыв все правила этикета, ринулся вслед за кардиналом во внутренние покои дворца. Но кардинал исчез в лабиринте комнат. Везде было пусто, безлюдно. Наконец, в одном из залов де-Брийон заметил человека в рясе, склонившегося над раскрытым чемоданом. Уложив в чемодан какой-то сверток, он захлопнул крышку и воровски, на цыпочках, скользнул в боковую дверь. Де-Брийона он не заметил, и тот последовал за ним по темным коридорам, лестницам и переходам папского дворца. Наконец, они очутились во дворе. И вдруг человек в рясе исчез, словно в землю провалился. Аббат, сделав еще несколько шагов, обнаружил люк и уходящую в землю лестницу. Он спустился по ней и очутился в узком полутемном коридоре. Аббат шел, почти вслепую — лишь кое-где тускло мерцали фонари. За коридором вскоре показалась винтовая железная лестница, обрывавшаяся, казалось, в самой преисподней. Потом — снова коридор, и вдруг аббат уперся в широкую одностворчатую дверь. Он толкнул ее и очутился в большой комнате с низким сводчатым потолком. Здесь было много людей, и все суетились над какими-то узлами, ящиками. Но папы среди них не было. Де-Брийон разглядел и того священника, который, сам того не ведая, оказался его проводником. Священник, подняв тяжелый чемодан, отворил дверь налево, и на мгновение яркий свет ослепил де-Брийона. Дверь тотчас захлопнулась. Де-Брийон поспешил за священником и очутился в ярко освещенной просторной комнате. Посередине, в деревянном кресле с

высокой спинкой, ссутулясь, сидел седовласый тщедушный старец в белом одеянии. Руки его с тонкими, по-стариковски сухими пальцами, неподвижно лежали на подлокотниках кресла. Безжизненным казалось лицо его с закрытыми глазами, и весь он, словно застыв в этом жестком деревянном кресле, напоминал каменное изваяние.

«Вот он, его святейшество, папа римский...»

Священник торопливо втискивал в шкаф принесенный чемодан. В углу три человека в черных сутанах стучали молотками.

Вдруг папа приоткрыл глаза.

— Кто этот человек? — слабым, надтреснутым голосом спросил он, воззрившись на аббата.

Священник обернулся. Увидев незнакомца, кинулся к нему:

— Кто вы? Как вы сюда проникли?

— Я глава делегации всехристианского церковного собора, аббат Жуан де-Брийон, — твердо ответил аббат и шагнул вперед, приближаясь к папскому креслу. — Мне поручено передать его святейшеству просьбу собора.

— Пусть говорит! — обратился папа к священнику.

— Четыре часа мы ждем вас, ваше святейшество! Именем вашим в Риме был созван всемирный церковный собор, чтобы обсудить тактику церкви перед концом света. И вот, отцы церкви, объятые страхом и смятением, ждут вашего животворящего слова, ждут, когда сообщите вы волю господа нашего Иисуса Христа...

— Я сам ничего не знаю! Что я могу им сказать? — резким, визгливым голосом воскликнул вдруг папа. Тонкая сеть морщин, как паутина от ветра, заиграла на доселе неподвижном лице его. — Христос здесь не при чем... Сатана губит мир, сатана! Слышишь ты? Сатана!.. Меня же оставьте в покое!

— Но что нам делать? — вспыхнул аббат. — К нам взывают, нас вопрошают тысячи и тысячи верующих, а у нас нет слов, чтобы утешить, ободрить их!

Папа молчал. Наконец, после долгой паузы, промолвил упавшим голосом:

— Ты прав, сын мой. Но ты ведь видишь, как я готовлюсь к судному дню?! Делайте и вы то же самое.

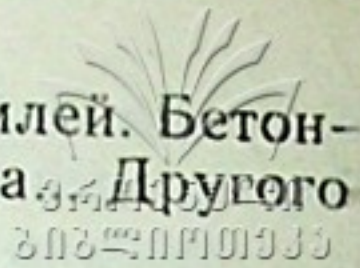
— Я не понимаю вас, ваше святейшество...

— Так слушай. — У папы тряслись руки, голова; глаза его лихорадочно бегали. — Никому неизвестно, что будет с нашей планетой. Ученым доверять нельзя. Быть может, разрушатся города, дома, огонь охватит всю землю, моря затопят сушу... Но после всего этого с божьей помощью усмирятся стихии—и мир примет свой прежний облик... И, кто знает, если мы как-нибудь избежим гибели в тот страшный час, может быть, спасемся...

— Чего же ждать нам — потопа или второго пришествия? — спросил аббат, взволнованный сумбурной речью папы.

— Это — тайна и для меня, господь не признал меня достойным... — Папа воздел руки, обратив потухшие глаза к низкому потолку. — Но сказано, — он возвысил голос: — произошло великое землетрясение, и Солнце стало мрачно, как власяница, и Луна сделалась, как кровь, и звезды небесные упали на землю, как смоковница, сотрясаемая ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись, как свиток, и всякая гора и остров сдвинулись с мест своих. И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор... Так сказано в писании,

сын мой... И вот, я скрываюсь, готовлю себе убежище под землей. Бетонные своды и стены... Пищи и кислорода хватит на два месяца. Другого пути я не знаю... Я ничего уже не знаю!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Маска

Десять часов утра.

Инженер Гурген Камарели сидит перед распахнутым окном в своем рабочем кабинете и разбирает бумаги.

С шелестом едва распустившейся изумрудной листвы в комнату врывается солнечное тбилисское утро. Камарели смотрит на календарь: 14 апреля, четверг.

Ровно год назад, в этот же час его впервые посетил Вайсман, так изменивший жизнь и его и всего мира. Камарели хорошо помнит: 14 апреля, только не четверг, а вторник. Столько переживаний за один год! Столько побед — и неожиданно это последнее открытие, потрясшее весь мир!

Все это очень похоже на сон. И особенно остро переживает он прошлое именно сегодня, в годовщину странного визита. Сколько надежд и стремлений пробудил в нем тот день, безмятежный и мятежный апрельский день!..

В дверь постучали.

— Войдите!

На пороге показался Вайсман.

— Я как раз думал о вас! — Камарели поднялся, приветствуя иностранца. — Присаживайтесь, где вам удобнее.

Вайсман расположился на диване.

— Сегодня ровно год, как вы впервые переступили порог этой комнаты. — Камарели взглянул на часы. — И, если память мне не изменяет, тогда тоже было десять часов утра.

— О, первая годовщина должна быть чем-то ознаменована, — отозвался Вайсман.

Камарели горько улыбнулся:

— Эта роковая дата будет торжественно отмечена 25 ноября 1933 года.

— Кажется, вы становитесь прорицателем: день 25 ноября 1933 года действительно будет праздником для человечества.

— Да, и этот беспримерный праздник устроит человечеству невидимый режиссер слепых сил природы.

— Нужно оторвать режиссера от слепых сил, — очень серьезно ответил Вайсман.

— Но кто может это сделать?

— Человек! — Черные стекла сверкнули голубоватой молнией.

— Мечта! Но мечта, в которую я тоже не могу не верить!

— Весь мир объят паническим страхом, — проговорил Вайсман. — Страх может размыть фундамент всей человеческой цивилизации, подобно тому, как волны реки размывают крутой берег. Если так будет долго продолжаться, человеческое общество погибнет и без вмешательства космических сил.

Камарели сосредоточенно слушал Вайсмана.

— Люди во многих странах смирились с судьбой. Но разве можно

сдаваться, даже не попытавшись бороться? — Вайсман выжидающе замолчал. Черные стекла его очков не отрывались от лица Камарели.

— Мы допустили ошибку. Человечество не должно было ничего знать о грозящей ему опасности, — с трудом выговаривая слова, возразил Камарели. — Наше предупреждение принесло только вред.

— Нет, нет, вы убедитесь, что я был прав, — прозвучал спокойный голос Вайсмана. — Известить человечество о том, что ждет его, было совершенно необходимо. Правда, я надеялся, что в этот критический момент люди во всех концах земного шара напрягут все силы своего разума, чтобы найти выход; но моя надежда не оправдалась, и теперь я вижу, что миру необходима помощь.

— Но кто может здесь помочь? — с нескрываемым удивлением воскликнул Камарели. — Ведь не бог же?!

— Бога создали мы, люди, и мы же свергли его с престола. Человек должен заново воздвигнуть этот престол.

— Для нового бога?!

— Для единственного бога, который только и может существовать на свете.

Камарели вдруг ощутил необычайную усталость. Неужели перед лицом смертельной опасности меркнет и такой яркий ум?

— А я-то думал, — произнес он с плохо скрытой насмешкой, — что мы похоронили последнего бога. Оказывается, есть еще один. Как же он называется, этот ваш бог?

— Человеческий разум. Он должен подняться на такую вершину, с которой можно единым взором окинуть всю природу.

— К сожалению, человек еще только у подножья этой вершины.

— Он должен ее достигнуть, если хочет победить. Пропасть видна только с высокой вершины, — возразил Вайсман. — И я хочу, чтобы вы поднялись на нее.

— Что ж, я готов.

— Время не терпит, друг мой. Мы должны действовать.

— Действовать или мечтать? — улыбнулся Камарели.

— Я знаю, вы сочли фантазией мою мысль об уничтожении невидимого режиссера. Я хочу ее научно аргументировать. Прошу вас слушать меня очень внимательно.

Камарели насторожился: «Опять иностранец драпируется в мефистофельский плащ!»

— Земля и Биэла должны столкнуться. Возможно ли предотвратить встречу? Мы говорим — невозможно, так как здесь действуют силы, нам не подчиняющиеся. Верно это?

— Мне кажется, в этом не приходится сомневаться, — заметил Камарели.

— Да, верно, но лишь отчасти: из двух сил только одна не подвластна нам, а именно — комета. Но зато на Земле-то носителями высшей силы являемся мы, люди?

— Конечно, не нужно отрываться от реальных масштабов.

Вайсман повелительно поднял руку:

— О масштабах после. Допустим, что мы в состоянии управлять движением Земли так, как машинист — движением паровоза. Чтобы избежать столкновения, Земля и комета должны пройти точку пересечения орбит в разное время. Но мы не властны изменить скорость или направление движения кометы. Значит, необходимо изменить скорость движения Земли, чтобы она обогнала комету или пропустила ее раньше себя.

— Да, это очевидно, — подхватил Камарели. — Но кто может ^{взять} на себя миссию машиниста?

— Мы. И хотя наш разговор, конечно, очень условен, ^{добавил} Вайсман, — все же надо решить, какой вариант более приемлем: первый или второй?

— То есть?

— То есть, обогнать нам комету или пропустить ее вперед?

— Это нетрудно рассчитать. Ясно, что в первом случае машинисту придется затратить значительно большую энергию. Ведь, чтобы обогнать комету и избежать всех неприятных последствий, Земля должна отдалиться от точки пересечения орбит приблизительно на 400.000 километров. Иначе вместо нашей планеты в опасной зоне окажется Луна, удаленная от Земли всего на 380.000 километров.

Во втором же случае Земле нужно так снизить скорость, чтобы быть удаленной от точки пересечения на 10.000 километров. Тогда она избегнет неприятной встречи, 10.000 километров Земля преодолет за шесть минут (как вам известно, она проходит в секунду 30 километров — $30 \times 60 \times 6 = 10.800$). Таким образом, Земля должна задержаться на три часа...

Камарели замолк. Сжимая подлокотники кресла и наклонившись всем телом вперед, он сверкающими глазами смотрел на бесстрастное лицо иностранца, на блестящие черные стекла, за которыми таились бог знает какие мысли и чувства.

— Итак, — размеренно заговорил Вайсман, — все дело решают три часа.

— Да, но какая сила в состоянии затормозить движение Земли? — спросил Камарели.

— До момента столкновения остался год и семь месяцев. Для трехчасового опоздания Земля должна в течение года замедлять свое движение на полминуты ежедневно. В нашем распоряжении семь месяцев для сооружения тормозов.

— Вы уверены, что подобная задача под силу современной технике? Ведь Земля — не необъезженный конь, которого можно укротить стальными удилами!

— Мы обязаны чуть-чуть осадить нашу планету, если хотим избежать серьезных неприятностей.

— Но как вы себе это практически представляете?

— Я подсчитал почти все. Принимая во внимание массу земли и скорость ее движения, необходимо, чтобы ежесекундно полусфере ее противодействовала мощность, равная трем миллиардам атмосферного давления.

— Во-первых, современная техника пока не в состоянии обеспечить нас таким колоссальным запасом мощности, во-вторых, как вы намерены противопоставить эту силу Земле? — спросил совершенно озадаченный Камарели.

— Мы говорим о торможении Земли, — поспешно ответил Вайсман, — так что нет необходимости заботиться о противодействии извне. Наиболее приемлемо для нас, пожалуй, устройство современных ракетных машин. Наука не сомневается в том, что ими возможно будет управлять в безвоздушном пространстве. А между Землей и ракетными машинами нет принципиальной разницы.

— Совершенно верно! — подтвердил Камарели.

— Что же касается необычайного запаса мощности, который ну-

жен для достижения желаемого эффекта, современная наука и техника уже сегодня почти готовы оказать нам помощь.

— Вы имеете в виду атомную энергию?

— Да, высвобожденная атомная энергия будет мотором Земли. Нам понадобится энергия всего-навсего семнадцати килограммов урана.

— Допустим, все это реально и возможно, — раздумчиво заговорил Камарели. — Но вы же сами говорите, что современная наука стоит пока у порога великой тайны! Какое у вас основание полагать, что за семь месяцев наука сделает такой скачок? Тем более теперь, когда невозможно рассчитывать на помощь всего мира.

Вайсман молчал. Поднялся, медленно прошелся по комнате. Пальцы его сцепленных за спиной рук нервно сжимались и разжимались.

— Вы правы. Но человечество не одиноко. Оно может рассчитывать на помощь извне.

Камарели готов был услышать от Вайсмана все что угодно, но это... Помощь извне?

— Я вас не совсем понял: вы сказали, что человечество может рассчитывать на помощь извне? — почти шепотом спросил он. Вайсман смотрел в окно, стоя спиной к Камарели. Внезапно он обернулся, закинул голову назад, словно желая из-под очков взглянуть на собеседника. Молчал несколько секунд. Наконец, отчеканивая каждое слово, произнес:

— Земля нуждается сейчас в помощи внешних сил.

Камарели прикрыл глаза рукой, как от яркого света. Он не ослышался? Казалось, в комнате не хватает воздуха — он задыхался...

Снова перед глазами засветился экран, лишь недавно изгнанный из памяти огромным напряжением воли, и на экране ее глаза, ее лицо...

Поразительно, как не испепелилось сердце от этого тайно тлеющего огня!

...После рокового дня Камарели ни разу не подходил к экрану, стремясь отогнать от себя обманчивое видение неосуществимой мечты. Но к чему было притворяться, когда он знал, что мечта ли это, видение, или мираж — что бы это ни было — навсегда завладело его сердцем.

Как наивна, порой, человеческая психика! Ведь если бы он с самого начала знал, что с экрана глядит на него не земная женщина, а марсианка, разум его восстал бы против сердца, в зародыше убив это удивительное чувство, называемое любовью. Но он узнал правду, когда было уже поздно. И кто знает, сумел бы он хоть на время заглушить в себе мучительную боль, если б не новое, невероятное открытие Вайсмана, потрясшее весь мир! Но теперь, когда Вайсман снова заставил его взглянуть в неведомые дали, все существо его охватила безудержная радость. Значит, можно рассчитывать на помощь извне... при посредстве экрана? Да, ведь Вайсман получал инструкции оттуда... но... если это произойдет... тогда тлеющие в золе угля вспыхнут ярким огнем, тогда с еще большей силой зазвонит почти замершая песнь его сердца... тогда...

— О чем вы задумались?

Камарели вздрогнул, протер глаза, как после долгого сна.

— Я совершенно забыл о вашем экране, — произнес он хрипло.

— А я хорошо знаю, почему вы о нем забыли.

Камарели не отозвался.

— Но, уверяю вас, для этого нет никаких оснований. Завтра вы

убедитесь в моей правоте. Я уйду теперь, и жду вас у экрана в 10 часов утра.

Вайсман вышел из комнаты.

საჩინვესი
სიზნორი

Камарели стоял как оглушенный. Порыв ветра, ворвавшись в окно, играл страницами раскрытой книги, шелестел листьями исписанной его крупным, угловатым почерком бумаги. Камарели ничего не замечал. Резкий и настойчивый телефонный звонок несколько отрезвил его, но пока он поднял трубку, на другом конце провода уже устали ждать. Камарели рассеянно положил трубку на рычаг.

* * *

Весь вечер он рассеянно бродил по улицам, и только за полночь вернулся домой.

«Завтра вы убедитесь в моей правоте!..» Какое новое чудо ожидает его у озаренного далеким светом экрана?

Тысячи мыслей, сменяя друг друга, проносятся в сознании Камарели. Теперь уже ничто не может сдержать его чувство. Так бывает, когда река прорывает плотину.

Но Камарели все же, в который раз, пытается доказать себе всю нелепость своего поведения. Ведь он не ребенок, не какой-нибудь фантазер! Что сулит ему эта любовь? И как можно любить отражение, тень? Да, может быть, когда-нибудь разрешится проблема межпланетных сообщений. Но сегодня их—его и эту женщину—разделяет мрачная бездна, через которую пока невозможно перекинуть мост. И, наконец, он должен помнить о своем долге ученого перед миром, особенно теперь, в это тяжелое время.

Да, Камарели вырвет сердце из груди, если оно будет мешать ему, но выполнит свой гражданский долг.

Постепенно утихает буря в его душе. Он откидывает голову на мягкую спинку глубокого кресла, закрывает глаза, и незаметно дрема охватывает его. Только где-то вдалеке маячит освещенный экран, и чуть слышно звучит мелодичная речь: *ნორ დენ ობრა, ვენ გარა ობრან, სა პოგენ იარ :* “

* * *

Камарели проспал в кресле всю ночь. На утро он проснулся в отличном расположении духа, бодрый, энергичный, как всегда. Он вышел победителем из вчерашней борьбы, и теперь ему казалось, словно с глаз его упала пелена тумана, и он, впервые за семь месяцев, ясным взором глядит на мир.

Лучи солнца, льющиеся в окно, ласкали лицо, смеясь, заглядывали в глаза.

До десяти часов оставалось еще много времени. Камарели неспеша с аппетитом позавтракал и вышел из дому.

У подъезда его ждал черный сверкающий автомобиль.

— В Дидубе, — с улыбкой сказал он шоферу, усаживаясь на пружинное сидение.

Заряженный летаргином автомобиль бесшумно мчался по веселым тбилиским улицам. Взад и вперед сновали по мостовым трамваи, автобусы, автомобили. И нигде не было слышно грохота моторов. Летаргин

окончательно вытеснил все другие виды энергии. Не видать было электрических столбов, бесконечных проводов, еще совсем недавно густой сетью покрывавших улицы. По Куре скользили пассажирские и грузовые лодки, без весел, без парусов. У Верийского моста, там, где прежде высилось здание теплостанции, строился большой пятиэтажный дом.

В Дидубе Камарели осмотрел новый аэродром. Дня два назад были получены части огромного воздушного корабля новой конструкции, и теперь здесь, в одном из специальных ангаров, велись монтажные работы.

На белом поле борта самолета Камарели еще издали заметил черную надпись «Геда». Это название дал самолету Вайсман. Он так осторожно, робко попросил об этом Камарели, что отказать ему было невозможно, — хоть вначале и думали назвать самолет иначе. Больше того, Камарели даже не спросил, что означает это имя, интуитивно чувствуя, что Вайсману не хочется об этом говорить.

Воздушный гигант имел пятнадцать пропеллеров: девять на горизонтальных осях, расположенных в три ряда, и шесть — на вертикальных, в два ряда.

Двигатели работали на летаргине.

Корабль, сконструированный Камарели, почти полностью разрешал сложную проблему воздушных сообщений. «Геда» могла взлететь по вертикали и приземлиться на любой скорости, могла надолго застыть в воздухе на любой высоте.

Около самолета Камарели встретил молодой инженер-пилот Бакур Шеварднадзе, который руководил сборочными работами.

— Ну, сокол! Когда собираешься лететь? — с улыбкой приветствовал его Камарели.

— «Геда» пока еще птенец, вот через месяц у нее вырастут крылья, тогда и полетим, — в тон ему ответил Шеварднадзе и с любовью посмотрел на белый корпус самолета.

Смуглое, обветренное лицо Бакура с прямым носом и чуть покатым лбом, голубые глаза его, как два осколка безоблачного южного неба, дышали волей, энергией и мужеством. Казалось, Бакур был рожден только для того, чтобы в стремительном полете рассекать небесную голубизну.

Камарели нравился этот парень, и он, как будущий капитан «Геды», выбрал его в помощники среди многих претендентов.

Вдвоем проверяли они ход монтажа внутреннего оборудования воздушного корабля. Сточетырехместный салон был почти совсем готов. Кухня и ванная пока еще оборудовались.

— В каком состоянии монтаж рабочей части? — осведомился Камарели.

— Завершим через неделю, — ответил Бакур, входя вслед за Камарели в пилотскую рубку со стенами из хрусталя. Слева и справа поблескивали глубокие ниши, где должны были быть размещены различные приборы.

— Правда, они похожи на огромные глаза? — обратился Бакур к Камарели, указывая на ниши. — Я представляю, как будут они сиять, когда «Геда» подыметесь в воздух.

Тяжело вздохнув, он добавил:

— Ну, не грех разве, что вместе с Землей опасность угрожает и этому удивительному кораблю!

Камарели, спохватившись, взглянул на часы: было без десяти десять.

— Нет, Бакур, Земля должна по-прежнему вращаться вокруг своей оси. А вместе с ней, конечно, и наша «Геда», — произнес Камарели.

— Как? — удивился Бакур.

— Да, луч надежды сверкает все ярче.

— Эх, никак, и вы ожидаете чуда? — едко произнес Бакур.

— Чудо уже свершилось, парень, а через десять минут появится сам ангел. Я спешу к нему.

И Камарели, распрощавшись с Бакуром, счастливый, сияющий заспешил к своему черному автомобилю.

Бакур с недоумением смотрел ему вслед.

* * *

Через десять минут Камарели был дома.

Стараясь сдержать нетерпение, он заставил себя посидеть в комнате, просмотрел газеты.

Но с каждой минутой волнение его росло.

Он прилег на диван. Сердце гулко билось.

Вчерашние благие самообещания были сметены новым порывом душевной бури. Нет, он не в силах вырвать сердце из груди, не в силах проститься со своей мечтой...

Камарели поднялся, подошел к маленькому настенному зеркалу, оправил костюм и, глубоко вздохнув, вышел из комнаты.

В лаборатории было светло. Вайсман, сидя за столом, что-то писал.

— Наконец-то! — радостно воскликнул он. — Я уже было потерял надежду вас увидеть: жду целых полчаса. — Закрыв тетрадь, Вайсман положил ее в ящик стола.

Камарели невольно взглянул на часы: половина одиннадцатого. Удивительно! Неужели он пробыл в кабинете тридцать минут!

— Извините, Густав! Я был в Дидубе, и вот задержался...

— Как поживает «Геда»? — прервал его Вайсман.

— Через месяц она будет совсем готова.

— Мы опоздали на целых три недели.

— Что вы имеете в виду?

— Я только что получил известие, что намечено открытие линии воздушного сообщения Москва—Тбилиси, а летаргиновые зоны еще не подготовлены.

— Да, с подготовкой зон мы несколько запоздали, — подтвердил Камарели.

— Но сборка «Геды» задерживается еще больше. Впрочем, ничего, мы быстро наверстаем потерянное время. — Вайсман дернул за шнур бархатного занавеса. Показался черный блестящий экран.

— Я вызываю теперь вашу приятельницу. Надеюсь, эта встреча будет более значительной, нежели предыдущие случайные свидания.

Камарели несколько удивил непривычный, покровительственный тон Вайсмана.

«Не случилось ли чего-нибудь до моего прихода? — подумал он, приближаясь к экрану. — Или, может быть, пришло время сбросить маску?...»

— Вы, правы, — неожиданно прозвучал знакомый голос Вайсмана. — Маска более не нужна, но я хочу, чтобы при разоблачении присутствовала та далекая женщина. — С этими словами Вайсман открыл ящичек и повернул ручку.

Камарели вздрогнул. Как часто казалось ему, что Вайсман буквально угадывает его мысли, но так явно, бесцеремонно, как на этот раз, иностранец еще никогда не вторгался в его душу. Камарели не мог сдержать себя:

— Вы же читаете мои мысли! — возмущенно воскликнул он.

— Не удивляйтесь, — невозмутимо ответил Вайсман. — Мысль физически подчиняется почти тем же законам, что и электромагнитные излучения.

— Неужели вы всегда знали, о чем я думал? — продолжал Камарели, гневно глядя на собеседника.

— Когда я считал это необходимым.

Камарели вспыхнул.

— Я не знаю, кто вы и с какой целью обхаживаете меня. Но я должен вам сказать, что каждый интеллигентный и культурный человек считает недостойным для себя копаться в чужой душе.

Вайсман мягко ответил ему:

— Не обижайтесь. Я никогда не использовал эту свою способность в злых целях.

— Но и добра нельзя ждать от подобной бесцеремонности...

— Если бы я не узнал ваших сокровенных мыслей, — продолжал Вайсман, — некому было бы вам помочь 11 сентября прошлого года, когда с вами произошел тот несчастный случай у экрана.

И доверительно добавил:

— А ваша приятельница была бы очень обеспокоена.

Камарели стало не по себе: целый год он, сам того не ведая, был пленником какого-то мага: каждая мысль его, каждое сокровенное движение сердца было известно иностранцу, как в открытой книге, читающему в его душе. Он почувствовал себя так, словно его, обнаженного, выставили перед толпой и всенародно в чем-то уличили.

Вайсман удобно расположился на диване.

— Присядьте, — так же мягко обратился он к Камарели. — Нам придется подождать, пока наша знакомая отворит свое окно.

Продолжение следует

Гурам Гвердцители

Без скидок на тему

Нынешний подъем грузинской прозы несомненен. Но, радуясь этому подъему, нельзя пройти мимо того весьма и весьма важного обстоятельства, что тематика нашей прозы носит недостаточно широкий характер, что поле ее наблюдений ограничивается деревней. Конечно, деревня эта социалистическая, колхозная и значение преобразований, в ней свершающихся, для дальнейшего развития нашей страны по пути к коммунизму огромно. Но, сосредоточив свое внимание на деревне, писатели наши, порой, забывают о городе, о рабочем классе нашей страны, и лишь изредка вспоминают об интеллигенции.

Может быть, основной причиной этого является то обстоятельство, что жизнь деревни знакома нашим писателям лучше, чем жизнь рабочего класса и технической интеллигенции.

Писателю, создающему художественное произведение, посвященное, к примеру, создателям космической ракеты, недостаточно будет тех дилетантских знаний, которые каждый может почерпнуть из газет и популярных брошюр. Конечно, писатель и не может и не должен детально показывать работу какого-либо производства, роман — это не учебник по технологии. Дело писателя — человеческие души. Но для того, чтобы показать человека, надо знать его, надо вникнуть в его интересы, понять его мысли, его тревоги и радости. Следо-

вательно, надо изучить жизнь, и, как призывает обращение ЦК КПСС к писателям, глубже вникать в быт трудящегося народа, еще больше приблизиться к людям, в их повседневной, поистине героической деятельности черпать источник своего вдохновения.

Необязательно, подобно Митчелу Уилсону, проделать путь от физика до писателя для того, чтобы изобразить жизнь современной технической интеллигенции правдиво и художественно. Ведь смог же Леонид Леонов в своем высокохудожественном произведении «Русский лес» отобразить жизнь современной интеллигенции и, вместе с тем, поднять в романе весьма волнующие и актуальные вопросы научного характера. С таким же успехом писатель может проникнуть и в другие области жизни, надо только до конца соблюдать первейшее требование реалистической литературы — знать жизнь, быть тесно связанным с нею.

Да, изучать нашу замечательную действительность, изображать ее всесторонне и многогранно — вот требование читателей, требование, раздающееся со страниц газет и журналов, трибун съездов и конференций.

Грузинская литература в долгу перед читателем, который с теплым вниманием и интересом встречает каждое новое произведение, в особенности, если писатель поднимает в нем новые тематические пласты, вы-

двигает новых героев, новые характеры.

Не удивителен, поэтому, читательский интерес к произведениям о рабочем классе Грузии, появившимся за последние годы, в особенности к романам «Новый горизонт» Ладо Авалиани и «Рустави» Акакия Белиашвили. Романы эти уже переведены на русский язык и, таким образом, доступны всесоюзному читателю. Об этих романах и хотели бы мы побеседовать...

Оба романа посвящены рабочему классу, один — шахтерам, другой — металлургам, причем главное внимание их авторы сосредотачивают на воспитании молодых кадров. Объединяет оба романа и время действия.

* * *

Первая книга романа Ладо Авалиани давно уже вышла в свет, с нею знакомы и грузинский, и русский читатели, вторая же еще пахнет типографской краской. Правда, автор, задумавший создать большое художественное полотно, еще не закончил роман, но и две первые его книги являют собой законченное произведение и, так сказать, подлежат обсуждению.

Роман задуман автором, как многоплановое произведение. И все же несколько неожиданно для себя приходишь к выводу, что основной проблемой в романе оказывается не жизнь и труд ткибульских шахтеров, а проблема... искусства.

Основным героем романа, на наш взгляд, является Шатбия Арабидзе. Правда, довольно скоро молодой шахтер уезжает на фронт, и после этого автор мало что сообщает о нем читателю. Но нельзя не почувствовать, что именно судьба молодого шахтера, наделенного талантом скульптора, больше всего волнует писателя, и что в последующих книгах романа найдет развитие именно та сюжетная линия, которая связана с ним. По-видимому, основной замысел писателя заключается в том, чтобы показать, как находит дорогу к большому искусству талантливый человек из народа.

Как мы уже сказали, эта сюжетная линия пока лишь намечается в романе, обрываясь, она уступает ме-

сто картинам напряженных будней шахтерского городка военных лет.

В первых двух книгах романа на передний план выдвигается образ молодой девушки Тамарелы. С большой любовью рисует автор эту героиню. Она располагает к себе женственной ласковостью и обаянием, детской непосредственностью, в то же время есть в ней смелость и отвага.

В образе Тамарелы писатель сумел раскрыть прекрасные духовные качества нашей молодежи, показать ее идеалы, ее самоотверженность. На первый взгляд, кажется странным, что именно Тамарела с первых же дней войны решила заменить ушедших на фронт шахтеров. Уж слишком неприспособленной казалась она к тяжелому шахтерскому труду. Но писатель сумел так показать патриотические чувства Тамарелы, что этот ее поступок воспринимается как вполне закономерный.

Удался автору и образ старого шахтера Нико Арабидзе, романтически влюбленного в свой тяжелый труд. Правда, иногда автор недостаточно мотивирует его мысли и поступки, и тогда они перестают быть убедительными.

В романе Авалиани есть картины напряженного, самоотверженного труда шахтеров. Но, вместе с тем, многие страницы его написаны бледно, вяло.

Начнем с того, что в «Новом горизонте», на наш взгляд, недостаточно полно раскрыт дух эпохи. Мы знаем, что в годы войны победа над врагом ковалась и на фронте и в тылу. Успех романа В. Ажаева «Далеко от Москвы» объяснялся и тем, что, на примере одной из сибирскихстроек, автор с большой художественной убедительностью и полнотой смог передать общее настроение народа, дух того времени. В поступках, мыслях, повседневной деятельности героев романа чувствовалось, что народ движим единой целью, что линия фронта тянется не только вдоль передовой, а проходит и далеко от Москвы, в глубоком тылу, по одной изстроек Далекого Востока. Живое и образное воплощение этой большой и правдивой мысли в художественном произведении — вот в чем победа писателя В. Ажаева. К сожалению, именно этого главного не оказалось

в романе Авалиани. Правда, мы становимся свидетелями замечательных поступков грузинских женщин, заменивших в шахтах ушедших на фронт мужчин — своих мужей, отцов, братьев. Но психологическая мотивировка этих поступков настолько схематична, патриотический порыв женщин описан настолько вяло и трафаретно, что, увы, мало волнует читателя.

Крупнейший недостаток произведения — его композиционная рыхлость. Писатель часто теряет основную сюжетную нить и весьма пространно повествует о вещах незначительных, порой просто о мелочах. В качестве иллюстрации сошлемся на описание наводнения, буквально затопившего первые главы романа. Это описание понадобилось автору для того, чтобы показать отвагу и благородство главного героя. Пусть поверит нам автор, что для этого достаточно было нескольких абзацев. Шаблонно и опять-таки растянута описаны пресловутый любовный треугольник, происхождения отщепенца Бидзины, карьеристов...

К сожалению, такие описания у автора — это не случайность, а манера письма, манера, вызывающая принципиальные возражения. Дело в том, что в своем довольно-таки объемистом романе Авалиани в основном сам ведет рассказ о характере героев, вместо того, чтобы раскрыть и показывать все это в их действиях, поступках, размышлениях. Между тем, современный читатель предпочитает быть непосредственным свидетелем происходящих событий — и суждения о них выносить самостоятельно, без подсказки автора.

Приведем один, на первый взгляд, незначительный, но характерный пример. Женщины, готовясь к первому спуску в шахту, с недоумением рассматривают шахтерские спецовки, — не потому, что раньше их не видели, а потому, что теперь эти спецовки предстали перед ними в своем новом качестве — их собственной рабочей одежды. Воссоздать эту напряженную и живую картину — заманчивая задача писателя, ведь какие сложные чувства владели, по-видимому, в этот момент героинями, но Авалиани об этом рассказывает так:

«Несмотря на невеселое настроение, девушки, впервые надевая брюки, от души хохотали. Стоило одной пройти по комнате, как со всех сторон сыпались шутливые замечания». Разве не лучше было нарисовать эту сцену при помощи живого действия и диалога, дать возможность читателю самому услышать эти шутливые замечания, которыми новоиспеченные шахтеры прикрывали свое волнение. Приведенный пример, увы, только один из множества возможных.

Мы сочли своим долгом высказать свое мнение, не прибегая к смягчающим формулировкам. Роман еще не завершен, и хочется думать, что писатель, тщательно доработав его, даст нам художественно убедительное произведение, хоть частично восполняющее пробел, имеющийся в нашей литературе о рабочем классе.

* * *

С большим интересом ждали читатели появления нового романа видного представителя грузинской прозы Акакия Белиашвили. Роман, как сообщалось, посвящался строителям металлургического гиганта в Рустави. И вот, долгожданная книга у нас в руках. По мере чтения романа выяснилось, что произведение посвящено не столько строителям Рустави, сколько воспитанию будущих сталеваров, проходящих обучение на одном из крупных уральских заводов. Но суть не в этом. Вопрос стоит так: оправдал ли роман ожидания читателей, стремившихся получить от Белиашвили полноценную книгу о современности, написанную им с той же силой мастерства, что и его известные исторические романы. Отмечая, прежде всего, как несомненно положительный, самый факт обращения Белиашвили к столь важной и столь мало и слабо разрабатываемой в грузинской литературе теме, как воспитание молодых кадров рабочего класса Грузии, мы считаем необходимым и более подробно высказаться по существу этого романа.

В книге Белиашвили немало удачных страниц, в которых отчетливо выявляются и талант, и профессиональное мастерство писателя. В первую очередь, к числу их следует от-

нести те страницы, в которых повествуется о дружбе будущих руставских сталеваров со своими русскими учителями и товарищами. Можно назвать и некоторые другие. Но при всем том роман «Рустави» не оставляет впечатления художественно завершенного произведения и, главным образом потому, что автору не удалось создать галерею впечатляющих, запоминающихся героев. Исключение составляют, пожалуй, молодой горец Вепхиа Халибаури и уральский мастер Булатов. Но, как известно, не по исключениям принято судить о произведении... Роман Белиашвили населен густо. Здесь и там мелькают имена и фамилии, но за ними мы, очень часто, к сожалению, не видим живых людей. Понятно, конечно, что такой опытный писатель, как Белиашвили, не мог не придать своим героям черты, отличающие друг от друга и как-то оживляющие их. Так, Бисмарк у него нахален и надоедлив, а Шурочка красива и похорошему любит Арчила. Почти о каждом герое можно сказать «что-то». Но «что-то» — это, как известно, немного.

Главное внимание писатель уделяет двум героям — Арчилу Санеблидзе, участнику Великой Отечественной войны, возвратившемуся после ранения к мирному созидательному труду, и молодому горцу Вепхиа. Арчил и Вепхиа — представители двух поколений. Один — человек с большим жизненным опытом, другой, собственно, такого опыта вовсе не имеет. Автору удалось убедительно показать, как это важное обстоятельство влияет на размышления и поступки обоих героев. Впрочем, пора уже говорить о каждом из них в отдельности.

Когда читатель знакомится с Арчилом Санеблидзе, к которому, кстати, он сразу же проникается интересом и симпатией, выясняется, что личная жизнь этого героя сложилась неудачно. Любимая им и любившая его девушка вышла замуж за человека, покинувшего ее после того, как у нее родилось двое детей. По возвращении Арчила она пишет ему письмо, полное раскаянья, и Арчил протягивает ей дружескую руку, помогает найти свое место в жизни. И

хотя Арчил и Талико не говорят о любви, читатель ждет, что если даже прежнее чувство не заговорит в них, какие-то сложные переживания будут и у Арчила с Талико, отправляющихся на Урал вместе с будущими металлургами, и у родителей Арчила, на попечении которых остаются дети молодой женщины. Положение родителей не из легких, им очень, очень нелегко простить Талико обиду... Но читатели переживали напрасно, ибо сами герои словно и не думали принимать все происходящее близко к сердцу.

Казалось бы, выяснятся, по крайней мере, дальнейшие взаимоотношения Талико и Арчила. Но не тут-то было. Писатель вновь разлучает героев. Талико возвращается в Грузию, возвращается, еще раз оценив доброе и благородное сердце Арчила, проникнувшись еще большим уважением и любовью к нему, и вдруг, неожиданно для самих героев (не говоря уже о читателях), Талико выходит замуж за человека, намного старше ее самой, своего бывшего лектора, обещающего ей обеспеченную жизнь. Арчил, разумеется, тоже не остается одиноким. Родители же его, с такой любовью воспитывавшие детей Талико, без особых переживаний расстаются с ними...

Легкость, с какой разрешаются все конфликты, подчас вызывает досаду. Более же всего, однако, досадует тогда, когда убеждаешься, что писатель не сумел раскрыть характер своих героев в процессе их труда, что он не использовал имевшейся у него великолепной возможности развернуть перед читателем увлекательные картины созидательной деятельности советских людей.

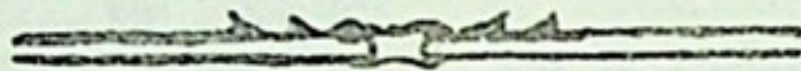
Как уже было сказано, один из удачнейших образов романа — хевсур Вепхиа, и удача эта заключается в том, что характер Вепхиа выдержан от начала и до конца. Другая сторона вопроса — насколько сообразуется его характер, или, вернее, насколько некоторые его поступки сообразуются с характером современного молодого человека, если даже он из горной хевсурской деревушки.

...С молоком матери всосал Вепхиа любовь своих предков к хорошему оружию, к выделке стали. Удиви-

тельно ли, что пытливый юноша становится прекрасным сталеваром. Споры нет, писатель интересно рассказал о Вепхиа, но интерес читателя он вызвал не столько глубоким раскрытием характера героя, сколько приключенческо-экзотическим характером повествования. Так, писатель хочет уверить нас, что Вепхиа согласился пойти учиться на сталевара потому, что надеялся достать сталь для шашки, которую он считал символом мужской доблести, а затем сразу же собирался вернуться в горы. И хотя писатель рассказывает об этом пространно, трудно отказаться от мысли, что таким наивным в наши дни не может быть ни горец, ни, тем более, читатель, которому предлагается это принять на веру. И разве можно не удивиться искренне тому,

что наш современник Вепхиа почти ничем не отличается от героев Казбеги и Важа Пшавела?

Мы сознаем, что резко судили о недостатках романа, что не сказали ни о его интересном сюжете, мастером которого не раз проявлял себя Белиашвили, ни о юморе, так украшающем многие страницы этого произведения (и отчетливо различимом, к примеру, в письме Вепхиа Халибаури к тетке), ни о том, что нарисован в нем ряд правдивых картин, словно воскрешающих перед читателем эпизоды военных лет. Но мы считаем, что истинная критика теневых сторон произведения, как бы резко она не звучала, нужней и полезней преувеличенных восторгов, слишком часто, к сожалению, раздающихся в нашей печати в адрес многих и многих книг.

Нет, в одной книге — и переводчик и автор!

Недостаток внимания к той или иной стороне литературного процесса сказывается очень быстро, если не немедленно. Справедливость сего положения еще раз подтверждается письмом Лины Хихадзе, опубликованном на страницах «Литературной Грузии» и, на мой взгляд, в общем правильно фиксирующем некоторые существенные недостатки в таком важном деле, как практика художественного перевода.

Однако заметим, что переводчики вряд ли могут всерьез пожаловаться на полное пренебрежение к их труду со стороны литературной критики. Их упреки могут быть несколько иного рода: как правило, объектом критических статей являются переводы поэтически убогие, примитивные, весьма далекие от уровня сегодняшней русской поэзии (поскольку речь идет о переводе на русский язык), а соотношение перевода и оригинала, их адекватность — главное в любом переводе! — зачастую остается вне поля зрения и критики, и вообще любителей стихов.

Лина Хихадзе почти не анализирует — задача, которую она, по-видимому, ставила перед собой, и скромнее, и несколько иного рода — она стремилась только привлечь взоры нашей литературной общественности к поэтическим произведениям, которые выдаются за переводы, но на поверку таковыми не являются. Автор письма только фиксирует факты, большей частью оставляя в тени их анализ и обобщение и как бы предлагая другим заняться выводами и заключениями. И если очевидна сила ее письма — она в обилии и разительности примеров — то нельзя не

Настоящей статьей редакция продолжает обсуждение вопросов поэтического перевода, поднятых в письме Л. Хихадзе «Переводчик или автор?»

заметить и его уязвимость — она в отсутствии самой попытки поставить на обсуждение важнейшую проблему о границах творческой свободы переводчика, о точности подлинной и мнимой, о многообразии путей и художественных решений в современном поэтическом переводе.

Подчеркнуть же это разнообразие, по-моему, было тем необходимым, что сегодня нет, пожалуй, в нашей литературе ни одной области, где бы мысль о разнообразии путей художественного воспроизведения жизни — во всей ее многогранности и многокрасочности — не стала бы очевидной. Ни одной, если не считать поэтический перевод, которого эта мысль вовсе не коснулась! Впрочем, справедливости ради, надо заметить, что в стороне оказались, скорее, критики, занимающиеся теорией, обобщением опыта стихотворного перевода, а не сами поэты-переводчики, многие из которых идут своими собственными путями, все время ищут новые нехоженые тропы, которые должны, по их убеждению, привести (а в ряде случаев и действительно приводят) к принципиально новым решениям главной задачи любого поэтического перевода — наиболее полному и верному воспроизведению оригинала средствами другого языка. Путь поисков — всегда был единственно возможным для каждого подлинного художника! Плодотворность его подтверждается во многом и некоторыми переводами Евгения Евтушенко, собранными поэтом воедино в его книге «Лук и лира».

Из чего исходит Евг. Евтушенко в своих переводах? Прежде всего, из абсолютной веры в неограниченные возможности родного языка и, в то же время, из понимания того факта,

что нет двух даже близких языков, внутренние законы которых бы не разнились в чем-то существенном. Да, материал строительный у всех поэтов мира один и тот же (язык) и одновременно во многом несхожий (особенности разных языков). Отсюда — важнейший, настойчиво декларируемый тезис: перевод не имеет ничего общего с заурядным копированием, это труд творческий, требующий не только большого знания родного языка, не только особо острого — шестого для переводчика — чувства «угадывания», проникновения в сущность и смысл произведения чужого сердца и ума, не только отличного владения техникой поэтической речи, но и незаурядного владения формой, умения схватить ту гармонию частей и целого, без которого немислим подлинный художник.

Но попытаемся на мгновение забыть обо всем этом, необходимом для художника (слова, кисти, резца — все равно), комплексе творческих качеств. Ограничим его условно лишь одним, первейшим, — умением пользоваться материалом, облюбованным для художественной работы. И тогда, даже тогда, — при всей очевидной узости подобного подхода, — скорей всего придется признать, что и понятие «копирование» далеко не однозначно понятию плоского ремесленничества. Право, вспомним живопись. Ведь и здесь (повторяю, речь идет только об умении художника выбрать наиболее подходящий материал: холст, краски и т. д.) перед копиистом отнюдь не только один, заранее обозначенный путь. Если приступая к копированию, как об этом недавно сообщалось в печати, по заказу Всесоюзного комитета по празднованию 600-летнего юбилея со дня рождения Андрея Рублева, знаменитой «Троицы» — работе очень и очень сложной — художник-реставратор В. Кириков стремится повторить всю технологию древнего живописца: для основы берет липовые доски, краски растирает на яичном желтке и т. д., то другой художник-реставратор, готовя для одного из республиканских музеев копию «Украинской ночи» А. Куинджи, пошел совершенно иным путем. Причина? Она в самих особенностях картин

А. Куинджи, чрезвычайно трудных для копирования, помимо прочего, в силу особой звонкости их красок. Выход был найден не на путях использования каких-то особых, предположим, светящихся красок, а при помощи усиленного, по сравнению с оригиналом, освещения объекта изображения. Этим компенсировались, по мнению художника-реставратора, потери от использования обычных красок.

Аналогия с живописью, конечно, очень и очень условна (как условна, впрочем, в той или иной степени, вообще любая аналогия), но она, думается, в какой-то мере помогает яснее представить взаимозависимость средств художественного выражения и многообразие путей, открывающихся перед всяким художником. И это, учтем, в такой специфической области, как обычное копирование.

Что же говорить о переводе, где творческое начало не идет ни в какое сравнение с простым подражанием, где индивидуальность переводчика проявляется с такой откровенной силой и очевидностью! Здесь, тем более, не может быть единого пути, заранее проторенной и утрамбованной дорожки. Грубо говоря, закон математики, по которому единица складывается отнюдь не только из двух половинок, но и, скажем, из четверти и трех четвертей, применим и к переводу. И здесь к гармонии целого, к необходимейшей для любого произведения целостности формы ведут различные пути.

Да что говорить, разнообразие путей не трудно заметить даже в самой книге переводов Евг. Евтушенко, цель которого сформулирована поэтом с завидной отчетливостью:

Не страшен вольный перевод,
Ничто не вольность, если любишь...

Я верю лишь в одни стихи,
Не верю в просто переводы.

И надо сказать, что эта декларация отнюдь не оторвана от практики поэта. Два главных русла в ней прослеживаются очень легко. Одно — это переводы стихотворений поэтов, тяготеющих к эпическому образному мышлению, к последовательному развитию повествования, сюжетному, балладному развитию стиха. Здесь

главное — не утратить развития мысли, ее оттенков, максимально снизить потери при передаче ее поэтической выразительности и способности порождать многочисленные ассоциативные связи.

Пример? Лучшим, пожалуй, будет перевод стихотворения А. Мирцхулава «Лук и лира», которое-то и дало название всему сборнику. Перевод стихотворения, мы уверены, не вызовет нареканий даже у самых строгих ревнителей «точности». Вот первые строфы (приведу их в подстрочном и художественном переводе Евг. Евтушенко):

Подстрочный перевод:

Был он воин и охотник,
Пытливо шел он в лесу по следам,
Жадно разведывал берега вод,
Вооруженный кизилковым луком
и стрелами.

У Евг. Евтушенко:

Воин и охотник,
шел он лугом,
над речной гремящей быстринной,
шел один,
вооруженный луком,
деревянным луком и стрелой.

Здесь переводчик настойчиво следит за развитием поэтического повествования, ибо главное в стихотворении — не подспудное, не междустрочное развитие мелодии, а строгая завершенность очень яркой (и в силу ее неожиданности и, вместе с тем, абсолютной естественности) поэтической мысли:

Человек стоял,
большой,
тревожный,
тетиву понявший,
как стрелу...

Характер стихотворения диктовал и метод его перевода — последовательное, большей частью стиховое, воспроизведение его на русском языке. Ибо в данном случае переводчик имел дело, повторяем, с эпическим образным мышлением (и хотя здесь не место об этом говорить подробно, все же хочется подчеркнуть, что эпическое мышление в равной степени может проявляться и в больших поэмах и в маленьких стихотворениях)...

Иное дело перевод лирики. И не случайно, именно лирические стихо-

творения приводят критики всегда, когда хотят доказать факты своеобразия Евтушенко-переводчика. Критики в таком случае забывают, думается, о самой специфике лирической поэзии, о ее близости к мелосу, а, стало быть, о ее особенно сильной внутренней эмоциональности, непрерывной музыкальности стиха, своеобразном, подчас очень прихотливом движении мелодии, нередко определяющей общую атмосферу, общее настроение поэтического произведения. В лирике — путь простого переложения — далеко не всегда лучший путь!

Все сказанное, могут возразить нам, достаточно очевидно. А посему не полезней ли попросту разобраться в том, как на практике претворяется в жизнь признание особенностей эпической и лирической поэзии. Ведь лишь тогда можно будет выяснить: не грозит ли оно, в конце-концов, полным отказом от оригинала и не приведет ли к всепрощению переводчика?

Ну что ж, с такими опасениями нельзя не считаться. Все, конечно, решает практика, результаты, сами переводы.

Переводы Евг. Евтушенко — и многочисленны, и разнообразны, и далеко не равноценны. Поэтому в них следует разобраться с особенным тактом и осторожностью, — все время помня о живой душе поэзии, но и не забывая, конечно, о данном стихотворении, данном образе. Иначе очень просто отмахнуться, скажем, и от перевода стихотворений Георгия Леонидзе «Осень» и Симона Чиковани «Тбилисская ночь» только на том основании, что и здесь и там есть-де некоторые «отступления».

Но ведь «отступления» отступлениям рознь. Ведь вряд ли можно, согласитесь, серьезно упрекать переводчика за то, что в оригинале говорится о «взъерошенной гриве дождя», а у него — «трется сизой гривой дождь о скользкие стволы», или же за такую замену:

В оригинале:

Эта осень, приковылявшая,
Как она печальна и как гола...
Мерцает солнце с обломанными рогами,
Из окошка дождь брызжет... и душа
мокра...

В переводе:

Липы голы, словно палки, —
все в раздумье, все в дожде.
Мокро, мокро в старом парке.
Мокро, мокро на душе.

Нет, всерьез за это упрекать нельзя, ибо старое стихотворение Г. Леонидзе, написанное еще в 1926 году, зазвучало на русском языке с такой проникновенностью, главное, такой верностью самому духу, самой внутренней жизни грузинского оригинала, которого никакой буквальной точностью достичь невозможно. Здесь действительно достигнута созвучность эмоционального строя грузинского стихотворения и его русского перевода.

Да, иной язык требовал от русского поэта ответственных решений, — и, в данном случае, говоря применительно к стихотворению «Осень», ориентация переводчика на главные, несущие наибольшую смысловую и эмоциональную нагрузку образы, на образы, так сказать, **опорные**, оказалась полностью оправданной, — и в плане большой жизнестойкости произведения на русском языке, и в плане передачи особенностей его как создания грузинской поэзии.

Вместе с тем, и это необходимо подчеркнуть, добиваясь точности интонационного рисунка, переводчик как бы отказывается от дробного прочтения стихотворения (а значит, и от упрощенного «сшивания» — нередко на живую нитку — его образов), он стремится вдохнуть в читателя свое целостное восприятие всего произведения, как единства его идейно-художественных компонентов.

Но ведь общее звучание стихотворения — оставим в стороне его размер, ритмику, инструментовку — зиждется на его образной структуре, на тех метафорах, сравнениях и т. д., в которых по-своему, до крайности уплотненно проявилось постижение мира поэтом? Да, конечно, интонация, эмоциональная наполненность лирического стиха — это не что-то самостоятельное, изолированное от его образного строя. Однако разница в языках, так же как необходимость учитывать прошлый опыт читателя — весьма неоднородный, естест-

венно, у грузинского и русского читателя — заставляет переводчика, стремящегося к подлинной верности, к воссозданию всего богатства ассоциативных связей, порой словно бы проявлять скрытые в поэтическом произведении, рождающиеся лишь в процессе взаимодействия образов живые впечатления ума и сердца.

Прошлый опыт читателя, бесспорно, играет роль очень значительную. После поэтов-классиков для выявления нужной поэту картины напряженно-пронзительной тишины и настороженности южной ночи, спящего города, современному грузинскому поэту достаточно лишь одного намека, одной, будто бы невзначай брошенной фразы.

Переводчик, адресуя свое произведение русскому читателю, не может удовлетвориться одной фразой, ему нужно нарисовать читателю совершенно новый образ, а не вызвать в его сознании старые впечатления — образы, только обогащенные иными подробностями.

Лирика, бесспорно, диктует свои законы. Но она дает переводчику не только право на творческую смелость, но и накладывает на него большие обязательства, заставляет с особой чуткостью, порой даже с самоотречением вслушиваться в звучание еще недавно чужого произведения, иначе читатель легко отличит органичное для поэта от привнесенного переводчиком. И надо сказать, что даже в цитированном выше переводе стихотворения Г. Леонидзе не обошлось без явно чуждых звучаний:

Осень, ты усталость лета,
преждевременность ответа
на неопеченный вопрос.

Ясно, что эти строки не имеют никакого отношения ни к поэзии Г. Леонидзе вообще, ни к его стихотворению «Осень» в частности.

Подобных, рожденных переводчиком стихов, стихов, весьма далеких от интонации, внутреннего духа переводимого поэта, в книге «Лук и лира», к сожалению, весьма и весьма много, причем, дело, порой, не ограничивается даже отдельными стихами.

У А. Мирцхулава есть небольшое стихотворение «Жизнь» — стихо-

творение очень ясное по мысли и тону: поэт сравнивает нашу жизнь с никогда не замерзающим течением:

Зимой и летом, ночью и днем,
Победоносно звучит быстрина,
Наша жизнь — подобна ее волне,
Она никогда не замерзает.

Переводчик же радикально меняет самую суть произведения. (Заметьте, что ниже приводится та же строфа):

И, в жизнь входя,
вы знать должны, —
ступить в ней часто
некуда.
В ней тоже часто
нет стены
и прислониться негде...

Комментарии, как говорится, излишни! Здесь попросту другое стихотворение, которое написал Евг. Евтушенко и автором которого является только он. Может быть, кому-нибудь и понравится его новое стихотворение, вполне возможно. Но все же это не довод в пользу печатания стихотворения, как перевода из А. Мирцхулава.

Тут же замечу, что все разговоры о том, что талантливый поэт Евг. Евтушенко, отступая от оригинала всегда, мол, добивается результатов лучших, чем автор переводимого произведения, — кажутся мне и далекими от сути дела (ведь речь идет о переводах!), и чрезмерными по существу.

Вспомним в этой связи имеющийся в сборнике единственный перевод из грузинской классики. Должен признаться, что найти на грузинском языке стихотворение Важа Пшавела, руководствуясь только русским переводом, озаглавленным «На смерть И. Чавчавадзе» (в нем двадцать четыре строки) оказалось делом весьма затруднительным. Не могли помочь и специалисты, посвятившие многие годы изучению творчества великого грузинского поэта. Один из них высказал даже предположение: не получили ли мы перевод какого-то доселе неизвестного стихотворения Важа Пшавела?

Но нет. Все обстояло значительно проще. Оказалось, что из разных частей известного стихотворения Важа Пшавела «Памяти Ильи Чавча-

вадзе» (в нем пятьдесят строк) переводчик взял всего пять стихов:

Храм чувства над вселенной ты поставил
На мысли, как на каменной скале.

А что же делать нам живым на свете?
Еще живых, нас вороны клюют.

И волки нам отходную поют.

Остальные сорок пять строк одного из лучших стихотворений Важа Пшавела оказались опущенными. Правда, переводчик предлагает свои замены, но, говоря по совести, вряд ли они в состоянии восполнить всю философскую глубину произведения Важа Пшавела, явиться возможной и достаточной компенсацией.

Но сказанное имеет отношение не только к классике. Мне кажется, что резко изменилась после перевода тональность, сама национальная окраска и такого популярного в Грузии стихотворения, как «Непогода» Ал. Саджая. Сделано же это в переводе очень просто: из оригинала взята только первая строка, все же остальное — к Ал. Саджая, поэту, погибшему в годы Великой Отечественной войны, не имеет никакого отношения.

У Ал. Саджая:

Мой корабль избежал непогоды.
И он владеет сокровищами,
Звезды были у него пленниками,
Он пленил даже ветер.

Путь моего корабля — любовь,
Белая и подобная прыжку оленя...
Мы знаем цену тайны сердца
И нерастрченных слез.

У Евг. Евтушенко:

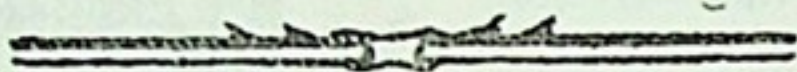
Я понимаю все —
Я не обманут.
Я ничего хорошего не жду.
Пусть мой корабль туда еще
не втянут —

Я сам его
на камни
поведу!
И все свои страдания и муки
благословлю я в свой последний час,
и я умру,
умру,
раскинув руки,
на темном дне твоих зеленых глаз.

Количество подобных примеров совершенно самостоятельного, не имеющего почти никаких точек со-

прикосновения с оригиналом, творчества поэта-переводчика можно было бы, говоря о книге Евг. Евтушенко, значительно умножить. Но суть не в этом. Нам хотелось лишь, имея в виду дальнейшую дискуссию на страницах «Литературной Грузии», провести **необходимый водораздел** между мнимым «своеволием» переводчика, на поверку оказывающимся нередко удачными поисками новых путей в переводе лирики, путей, обеспечивающих подлинную верность переводов и их высокие художественные качества, — и стихами,

только по невнимательности редакторов и непонятной щепетильности поэтов (и авторов оригиналов и переводов), получивших гриф — переводы. Истинное же их место, в данном случае, в книге стихов самого Евг. Евтушенко. И его право дать любой подзаголовок: «по мотивам грузинской поэзии», «после чтения стихов М. Мачавариани» и т. д. Но это уже другой вопрос. К переводам, (в том числе и к подлинным, полюбившимся читателям переводам Евг. Евтушенко) он имеет, во всяком случае, отношение весьма отдаленное.

И. В. Тюленев,
генерал армии

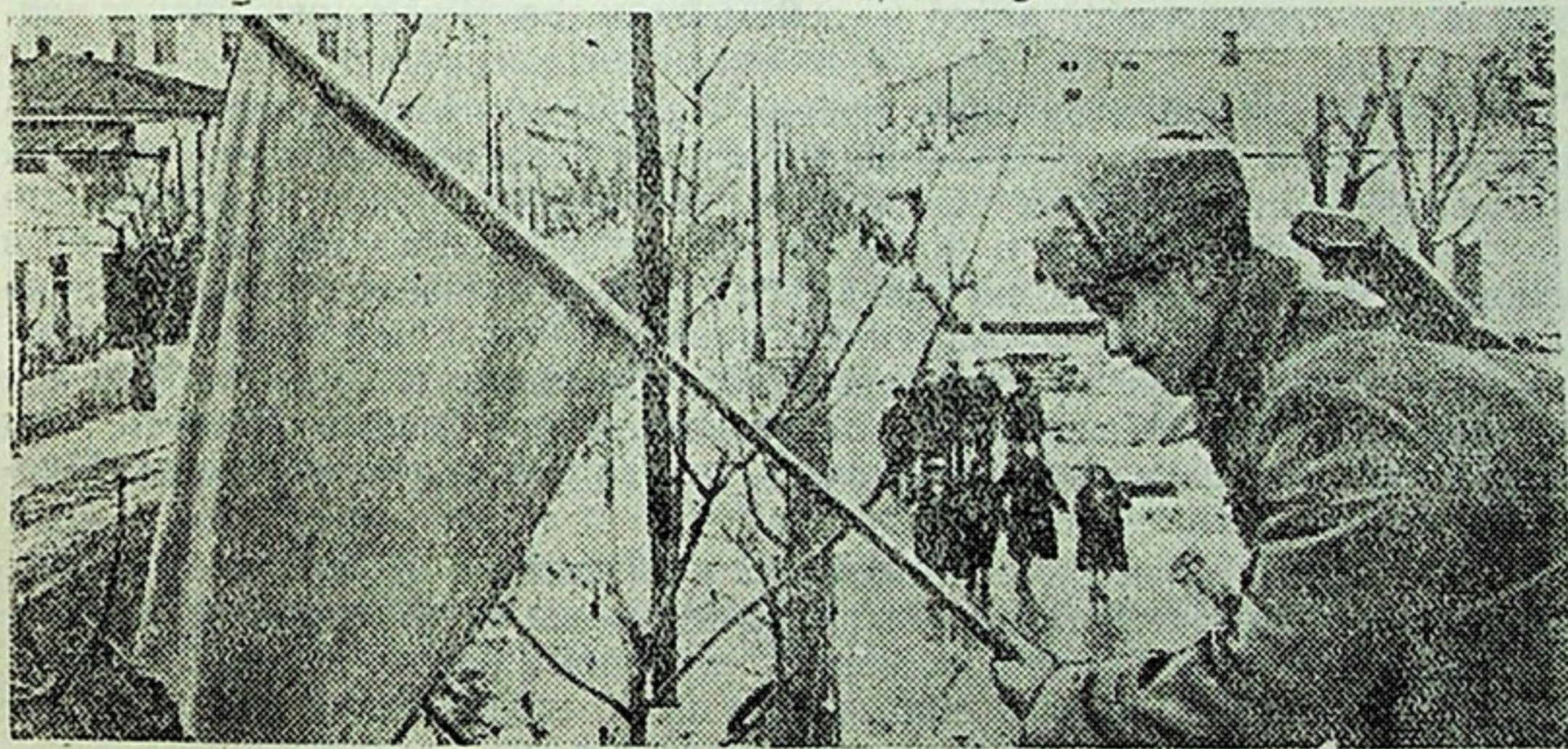
Битва за Кавказ

Из книги «Через три войны»

Продолжение

После двух дней относительного затишья началось новое немецкое наступление. На небольшом участке противник собрал до 500 танков, усилил свои боевые порядки артиллерией и тяжелыми минометами, надежно прикрыв их вновь прибывшими бомбардировщиками и истребителями.

Прошли сутки, вторые, пятые. Фашистские войска, атакуя нашу оборону, захлебывались в своей собственной крови. На полях под Моздоком остались десятки обгоревших изуродованных танков. Лишь ценою огромных потерь противнику удалось вбить клин на стыке двух наших соединений. Стрелковая дивизия, оборонявшая южный и восточный берег Терека и междуречье к юго-востоку от станции Прохладный, оказалась почти в полном окружении. Но выстояв и дождавшись, покуда немецкий клин притупится, дивизия стала извлекать пользу из своего, так сказать,

1943 год. Моздок — снова советский!

«островного» положения. Решительным ударом ее подразделения вышибли врага из селения Верхний Курп и подошли к южным окраинам селения Хамидья.

Первыми ворвались в Хамидью бойцы командира Каракоза. Ни одного живого человека не встретили бойцы в этом мертвом селе. Страшная картина разрушения, когда камень, и тот плавился в огне, предстала перед ними.

Одновременно на другом фронте стрелковая часть захватила лес, а за ним степной плацдарм в районе Ищерская. На противоположном берегу реки, на сильно укрепленных врагом высотах появились наши гвардейцы-конники. У Закавказского фронта тогда не было сил для большого контрнаступления. Но эти контратаки основательно спутали карты противника. На участке Терек — Малгобек, то есть на самом важном направлении, ему пришлось перейти к обороне.

Бои переместились на соседний участок. Весь их ход неоспоримо показал, что ограничивать себя только отражением вражеских атак ни в коем случае нельзя. Это стоит несравненно больше крови и, в конечном счете, все-таки приводит к потере известной территории. При каждой возможности надо самим наносить удар и уж ни в коем случае не уступать противнику такое оружие, как внезапность и активность.

Два наших соединения имели все данные для серьезного улучшения своих позиций. Навязанные противнику местные бои неминуемо должны были сорвать его операцию. Это было запланировано, но войска готовились к наступлению нерешительно и медленно. В результате противнику снова удалось упредить нас.

Он бросил в бой одновременно до 150 танков и не менее двух пехотных полков. И вместо улучшения позиций нашим войскам пришлось отойти.

— Опоздай созданные подвижные группы артиллеристов и бронейщиков, подзадержишь наши танкисты — и дело могло бы принять еще более серьезный оборот, — докладывал мне тогда командующий Северной группы войск фронта генерал И. И. Масленников.

Однако бои, длившиеся, с небольшим перерывом, весь сентябрь, ничего существенного противнику не дали. В Алхан-Чуртскую долину в районе Малгобека он пробиться не смог. Не удалось ему прорваться и через ворота, ведущие на орджоникидзевское и грозненское шоссе. За несколько захваченных селений, за небольшой тактический успех противник заплатил дорогой ценой — 18.700 трупов, 384 сожженных и подбитых танка.

Вера фашистов в близкую победу была подорвана. Пленный лейтенант из 685-го отряда полевой жандармерии Гергард Шейбнер, имевший письменную благодарность Клейста за успешную службу, компетентно показывал: «Вера солдат в победу очень поколеблена. Вооружения и техники у нас достаточно, но победа все время ускользает от нас и надежда на нее уменьшается. Операцию по захвату Кавказа нам обещали закончить еще в июле. Уже прошел сентябрь, а признаков победы нет. Мы все еще топчемся под Моздоком. Солдаты не хотят больше воевать, они хотят домой, их приходится заставлять идти в бой силой, угрозами. Многих приходится арестовывать».

В начале октября Гитлер выступил в Берлине с программной речью. Изливания бывшего ефрейтора были размножены в миллионах экземпляров и в виде «экстренного сообщения для войск» разосланы во все роты. Каждый фашистский солдат обязан был своей подписью засвидетельствовать, что он с восторгом прочитал речь фюрера.

Вот оно, это «экстренное сообщение для войск»:

«Верховное командование
германской армии

Октябрь 1942 года, № 227

Гитлер о военных задачах 1942 года.

В своей речи в берлинском Спортпаласте Гитлер изложил в нескольких кратких предложениях военные цели текущего года.

На этот год мы составили для себя весьма простую программу:

1. Удержать во что бы то ни стало то, что удержать нужно.
2. Обязательно наступать там, где во что бы то ни стало требуется наступать.

Мы приступили к нашему собственному наступлению. Целью было: во-первых, лишить противника его последнего зернового (пшеничного) района;

во-вторых, лишить его последних остатков коксующегося угля;

в-третьих, подойти к его нефтяным источникам, взять их или, по крайней мере, отрезать их;

в-четвертых, продержаться до тех пор, пока не будет отрезана его последняя и самая крупная водная магистраль — путь по Волге... Теперь особенно важно овладеть Сталинградом. Вы можете быть уверены, что никому не удастся сдвинуть нас с этого места».

На Кавказе фашистские войска продолжали отыскивать обходные пути к нефтяным источникам. В районе Моздока, у Малгобека, близ Эльхотовских ворот — на всех направлениях враг завязывал бои. Изодня в день танки и мотопехота атаковали наши позиции. Однажды схватка, разыгравшаяся в прибрежной терской долине, длилась десять с половиной часов. К ночи гитлеровцы не досчитались 53 танков. На поле сражения осталось свыше 1200 трупов вражеских солдат и офицеров.

Штаб Северной группы прилагал все усилия к тому, чтобы ускорить разгром врага на Кавказе. Но офицеры штаба убедили себя в том, что противник может наступать только на моздокском направлении, что другие пути, минуя Алхан-Чуртскую долину и Эльхотовские ворота, самой природой гитлеровцам заказаны.

— Да ведь противник только на моздокском направлении проявляет активность, да и эсэсовцев в бой только здесь бросает, — старался убедить меня в этом командующий Северной группой войск генерал Масленников.

Тем не менее я самым настоятельным образом обратил его внимание на слабость левого фланга его войск. Но, как потом выяснилось, он не придавал этому предупреждению должного значения.

К слову сказать, даже фашистские приверженцы шаблонной тактики поняли, что искать успеха надо в ином месте, а не атаковать наши позиции в лоб, у Моздока. Теперь удар наносился на Нальчик, чтобы обойти Эльхотовские ворота с юга, выйти в тыл одной из наших армий и захватить Орджоникидзе. Ради этого немцы и вели несколько раньше бои за Котляревскую, Майское, Пришибскую, для этого-то они и захватили еще 25 сентября небольшой плацдарм на западном берегу Терека.

Потерпев поражение в попытке прорваться в Алхан-Чуртскую долину в районе Малгобека, а также в попытке наступать через Эльхотовские ворота на Орджоникидзе и Грозный, противник начал готовить наступательную операцию на фронте 37-й армии — на нальчикском направлении, с целью наступления на Орджоникидзе и Грозный в обход Эльхотовских ворот с юга, а затем выйти в тылы 9-й армии и захватить Военно-Грузинскую дорогу.

Командование Северной группы войск фронта не придавало в свое время должного значения захвату немцами названного выше плацдарма, хотя это ярко показывало, что противник готовится здесь к активным действиям. Не было принято никаких мер по усилению левого крыла группы на участке 37-й армии. Со стороны командования Северной группы не было предпринято и достаточных мер для того, чтобы выбить противника из района Котляревская — Майское — Пришибская и этим самым лишить его плацдарма на западном берегу, откуда противник потом

и наносил главный удар в нальчикской операции. Все внимание было обращено в этот период на усиление моздокского направления.

Надо сказать, что немцы, чтобы замаскировать готовившееся наступление на Нальчик, постоянно проявляли активность в районе Моздока, на малгобекском и эльхотовском направлениях. Они усилили 2-ю горно-пехотную дивизию румын двумя батальонами 1-й горно-альпийской дивизии и частями 23-й танковой дивизии, затем скрытно сняли с фронта действовавшие против 9-й армии 13-ю и 23-ю танковые дивизии, пополнили их людьми и материальной частью и сосредоточили все эти силы на западном берегу реки Терек в районе Котляревская, Майское, Пришибская.

Воздушной и наземной разведкой противник тщательно вскрыл систему нашей противотанковой обороны на фронте 37-й армии, а также расположение штабов, узлов связи и группировку частей армии.

К началу так называемой «гизельской операции» соотношение сил было таково:

Противник: солдат — 33.894 человека, орудий всех калибров — 212 (из них орудий противотанковой обороны — 88), минометов — 248, станковых пулеметов — 234, ручных пулеметов — 1.228, танков — 178, бронемашин — 34, мотоциклов — 600.

Наша 37-я армия: всего людей — 37.759 человек, орудий полевых — 95, орудий противотанковой обороны — 51, минометов — 408, противотанковых ружей — 764, станковых пулеметов — 89, ручных — 204, танков — 14.

25 октября 1942 года — первый день наступления немцев на Нальчик. В 8 часов 25 минут начался налет немецкой авиации на наши позиции и тылы. Семьдесят бомбардировщиков волнами пикировали на штаб 37-й армии и узел связи в Долинском. В результате налета были убиты девять работников штаба, повреждено много автомашин, разрушен узел связи. Проводная связь между частями армии и штабом Северной группы прервалась.

Штаб армии, не имея подготовленного запасного КП и дублирующих средств связи, как этого требует устав, сразу же после авиационного налета передислоцировался из Долинской в Хасанья, потеряв всякое управление войсками. Позднее выяснилось, что недель за пять до начала наступления противник разведкал расположение командного пункта, точно знал, где находятся штаб и узел связи. Более месяца фашистские самолеты не появлялись даже поблизости, и надо сказать, что эта уловка фашистам удалась. Вражеская авиация группами в 10—12 самолетов бомбила также передний край обороны 295-й стрелковой дивизии.

Одновременно с этим, под прикрытием дымовой завесы немецкие танки с десантом автоматчиков устремились на первую линию наших окопов. Вслед за танками неслись мотоциклисты.

В 10.00 2-я горно-пехотная дивизия войск Антонеску, усиленная отдельным мотоциклетным батальоном, частями горно-альпийской дивизии и частями немецкой 23-й танковой дивизии, после десятиминутного артиллерийского налета по переднему краю нашей обороны, при поддержке авиации и танков с десантом автоматчиков, прикрываясь дымовой завесой, перешла в наступление из района Баксана, нанося удар в стык 295-й и 392-й стрелковых дивизий в общем направлении на Нальчик.

Авиация противника в течение всего дня группами до пятидесяти самолетов поддерживала наступление наземных войск, нанося удары по штабам и частям 37-й армии. Для затруднения маневра противотанковыми средствами все дороги, выходящие к месту прорыва, были взяты под неослабный контроль авиацией противника, которая группами в 4—6 самолетов, а на основных путях до 20 самолетов, парализовала днем всякое движение по этим дорогам. В тот же день авиация противника несколько раз бомбардировала Нальчик и нальчикский аэродром, где базировался 446-й смешанный авиаполк 37-й армии. В этом налете участ-

вовало до 25 самолетов разных типов, сделавших 42 захода на бомбометание и штурмовку.

Наша авиация (части 4-й воздушной армии), продолжая вести боевые действия на фронте 9-й армии, 25 сентября частично перенесла свои боевые действия в районы наступления противника на фронте 37-й армии. Частям 4-й воздушной армии была поставлена задача уничтожить живую силу и технику противника, воздушной разведкой установить группировку наступающих частей, прикрыть свои войска в районе Нальчика.

Противник полностью господствовал в воздухе, и наша авиация в первые дни не смогла повлиять на ход боевых действий сухопутных войск.

До самых сумерек над нашей головой висели немецкие бомбардировщики. Массированными ударами они старались расчистить дорогу танкам. К исходу дня в центре участка противник узким клином расчленил две наши соседние части и проник в их оборону на глубину до семи километров.

День спустя бои шли уже у самого Нальчика. Несколько раз гвардейский полк бросался в контратаку, но на выручку пехоте врага приходили танки и авиация. В бой вступили и основные силы противника, сосредоточенные на западном берегу Терека. После продолжительной бомбежки перед нашими окопами появилось несколько групп легких немецких танков, по шесть-семь машин в каждой. За ними на полной скорости шло более 100 средних и тяжелых танков, плотно прикрытых «юнкерсами». Как только начинали стрелять наши противотанковые пушки, на них пикировали бомбардировщики. Бронетранспортеры подвозили один за другим батальоны вражеской пехоты.

28 октября, ожесточенно отбиваясь от наседавших немецких танков, наши части отошли к северо-восточному предгорью Главного Кавказского хребта. На участке Старый Урух—Хазнидон вражеские дивизии круто повернули на юго-восток. Они попытались было с ходу захватить лежащее на большаке селение Чикола, но, получив несколько чувствительных ударов от наземных войск и авиации, двое суток топтались на месте и вынуждены были изменить направление атак. В конечном счете танки противника ворвались в осетинские селения Ардон, Дур-Дур, Дигора и с юга обошли Чикола.

Необходимо отметить, что наша разведка перед наступлением противника засекала перегруппировку его войск в районе Прохладный и перед фронтом 9-й армии, но не сделала вывода, что противник готовит наступление на Нальчик. Внимание штаба и командования Северной группы было обращено в тот период на другие задачи.

Дело в том, что в тот период мы готовили наступление на ищерском и малгобекском направлениях с целью окружения и уничтожения моздокской группировки противника, и штаб группы оценивал все перегруппировки и передвижения противника как подготовку парирования нашего наступления. Предполагалось, что враг узнал о нашей подготовке к наступлению. В действительности же противник сам готовил наступательную операцию на нальчикском направлении.

В результате такой предвзятой оценки обстановки наступление противника на нальчикском направлении для штаба Северной группы и штаба 37-й армии оказалось неожиданным.

Серьезным недочетом командования и штаба Северной группы войск следует считать и безосновательное затягивание начала наступления на ищерском и малгобекском направлениях. Опередив противника наступлением в момент перегруппировки им своих сил, мы, возможно, сорвали бы план немцев.

Противник продолжал атаки на нальчикском направлении. Решением командующего 37-й армии 875-й полк 2-й гвардейской стрелковой дивизии переходил в контратаку в направлении Чегем-2, но этого было явно недостаточно, и враг, отбросив части нашей 295-й дивизии, ко второй половине дня вышел на западную окраину Нальчика.

В это время части 13-й и 23-й танковых дивизий немцев и до полка мотопехоты из района Котляревская, Майское, Пришибская нанесли главный удар в направлении Аргудана с ближайшей задачей, совместно с войсками, наступающими на Нальчик, окружить и уничтожить части 2-й гвардейской и 295-й дивизий.

Они применили следующий способ атаки нашей обороны.

После авиационной подготовки перед фронтом 626-го полка появилось несколько групп легких танков, по 6 — 7 машин. Они привлекли на себя огонь нашей артиллерии и всех противотанковых средств, затем быстро последовал удар основной массы танков (до 100 машин), на большой скорости атаковавших нашу оборону.

Одновременно с танками над полем боя появились немецкие пикирующие бомбардировщики, которые обрушивались на нашу противотанковую артиллерию, как только она открывала огонь.

Прорвав оборону 626-го стрелкового полка, танки противника стали быстро продвигаться в юго-западном направлении и к исходу дня вышли на рубеж: Старый Лескен — Аргудан — Нижний Черек.

С выходом противника на этот рубеж обстановка на фронте 37-й армии сложилась для нас неблагоприятно. 275-я дивизия вынуждена была отойти на реку Урух, 2-я гвардейская дивизия оказалась в полуокружении и также начала отход в южном направлении; 295-я дивизия понесла большие потери и оказывала весьма слабое сопротивление противнику в районе Нальчика; 392-я дивизия, имея перед собой отдельные вражеские группы, действовала изолированно от остальных частей армии.

Немецкая авиация интенсивно поддерживала наступление своих наземных войск, бомбя наши штабы и боевые порядки, блокируя аэродромы и дороги в районах Орджоникидзе, Ардонская, Чикола, Нальчик.

В первые дни немецкого наступления в штабе Северной группы войск оценивали обстановку так: противник, мол, предпринял наступление с целью выравнивания фронта, чтобы ликвидировать угрозу со стороны частей 37-й армии, выдвинувшихся в район Эльхотово и нависших над его правым флангом. Командование и штаб Северной группы не предполагали, что противник ставит себе целью наступление на Орджоникидзе, в обход Эльхотовских ворот, с юга и, исходя из своей ошибочной оценки, не проводили мероприятий по усилению обороны подступов к городу.

Только к исходу 26 октября было установлено, что противник поворачивает ось своего наступления в юго-восточном направлении в тыл 9-й армии. Чтобы не допустить распространения наступления противника, командующий Северной группой генерал Масленников решил: 10-м стрелковым корпусом (59-я и 164-я стрелковые бригады) в ночь на 27 октября занять оборону по восточному берегу реки Урух на участке Терек — Чикола, подчинив командиру 10-го корпуса 275-ю дивизию, отошедшую на Урух, и в оперативном отношении подчинив ему также 351-ю стрелковую дивизию, оборонявшую Военно-Осетинскую дорогу в районе Алагира.

Одновременно с этим было принято решение 11-м гвардейским корпусом к 28 октября занять оборону по внешнему обводу Орджоникидзевского укрепленного района на рубеже Беслан — Дзуарикау; снять с фронта 9-й армии 3-й стрелковой корпус и сосредоточить его в районе Заманкул, сменив его частями 317-й стрелковой дивизии; 319-ю стрелковую дивизию из состава 58-й армии перебросить по железной дороге в район Верхнего Ачалуки; воздушную армию полностью использовать на фронте 37-й армии.

Этим решением временно откладывался вопрос перехода в наступление 9-й армии на малгобекском направлении. Лишь части 44-й армии на ищерском направлении продолжали вести подготовку к наступлению вдоль северного берега Терека.

28 октября противник продолжал наступление к северо-восточным предгорьям Главного Кавказского хребта, выйдя на рубеж: Хазнидон, Толдзгун, Лескен, Жемтала, Кашкатау, Герпегеж, Нальчик.

С его выходом на этот рубеж разрозненные части 37-й армии отошли в ущелья северо-восточнее предгорий Главного Кавказского хребта. Плохо управляемые, потерявшие большую часть артиллерии, они уже не были в состоянии оказывать серьезного сопротивления.

Противник, оставив на дорогах и тропах у выходов из ущелий 2-ю горно-пехотную румынскую дивизию и лишив этим 37-ю армию маневра, обеспечил себе тыл и фланг, основные же силы 13-й и 23-й танковых дивизий повернул в юго-восточном направлении — на Орджоникидзе, сосредоточивая их на западном берегу реки Урух, на участке Старый Урух — Хазнидон перед фронтом 10-го стрелкового корпуса, не успевшего прочно занять оборону по восточному берегу Уруха.

В последующие два дня части 37-й армии продолжали отступать.

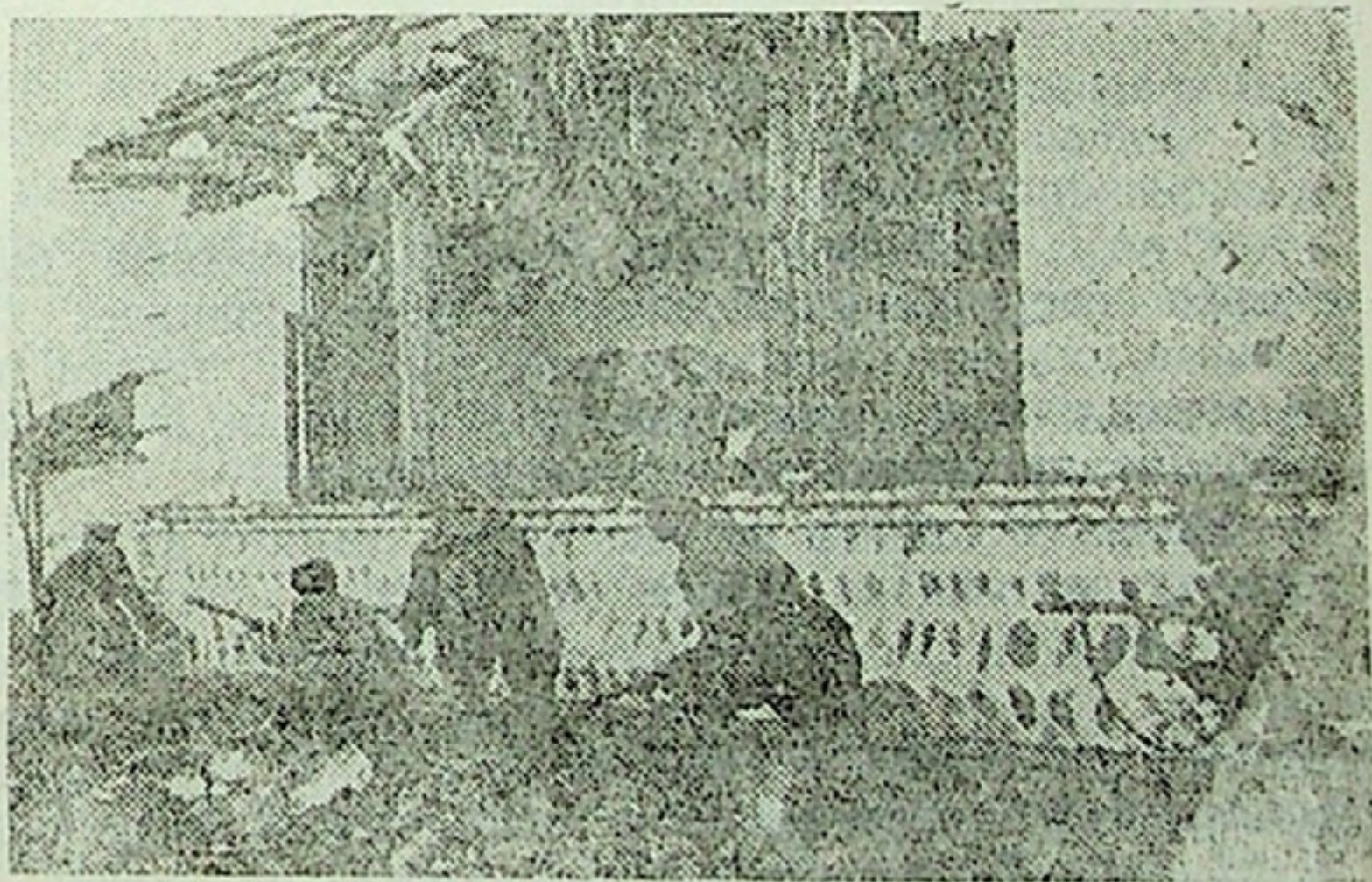
С переносом всех усилий 4-й воздушной армии на участок боевых действий 37-й армии превосходство вражеской авиации стало незначительно.

31 октября противник, подтянув основные силы 13-й и 23-й танковых дивизий в район Средний Урух — Новый Урух — Хазнидон, обошел Чикола с юга, где почти не оказалось частей 10-го стрелкового корпуса, и быстро стал продвигаться в юго-восточном направлении. К исходу дня он занял Ардон, Дигора, Дур-Дур, выйдя в тыл обороны 10-го стрелкового корпуса; штаб корпуса, находившийся в районе Дигора, был занят прорвавшимися немецкими танками, управление частями было утеряно. Прорыв противника у Чикола и быстрое продвижение его танковых групп, поддерживаемых авиацией, создавали непосредственную угрозу Орджоникидзе. 1 ноября противник занял Алагир и переправился через реку Ардон. Сложившаяся обстановка, угроза захвата противником Орджоникидзе и выхода его частей на тылы 9-й армии требовали перенесения усилия войск Северной группы на это направление.

Прибыв 2 ноября из Туапсе (Черноморская группа войск Закавказья) на командный пункт в штаб Северной группы войск в Орджоникидзе, я решил перебросить из района Ищерская в двухдневный срок 10-й гвардейский стрелковый корпус и 63-ю танковую бригаду. Кроме того, я приказал подтянуть в этот район дополнительно пять артиллерийских противотанковых полков, три гвардейских минометных полка с задачей остановить наступление врага, а с подходом 10-го стрелкового корпуса перейти в решительное контрнаступление и разгромить наступающую группировку противника.

Я принял решение 276-ю дивизию, расположенную во втором эшелоне, подтянуть непосредственно к Орджоникидзе, а также выдвинуть на Мамисонский перевал 25-й полк НКВД с целью высвободить 351-ю дивизию и дать возможность ее основным силам действовать в направлении на Алагир.

В Орджоникидзе была вызвана группа командиров оперативного отдела штаба Закавказского фронта, которая прибыла 1 ноября и во многом способствовала улучшению управления войсками этого направления.

1943 год. Уличные бои в Прохладном

Штаб Северной группы из района Орджоникидзе был переведен в Грозный, оставив КПУ с ограниченным количеством командиров и без достаточных средств управления и связи. Он не мог справиться с управлением войсками. Связь с частями была неустойчивой, и только посылка в части прибывших командиров оперативного отдела Штаба фронта восполняла этот пробел.

Позднее командованием фронта было дано указание: части, действующие на Орджоникидзевском направлении, подчинить командующему 9-й армии, который имел сколоченный штаб, и управление войсками значительно улучшилось.

...На командном пункте в развалинах дома, где некогда часто бывал Серго Орджоникидзе, шло совещание с руководителями Осетии, с посланцами грудящихся-горцев.

— Мне достаточно известно, — сказал я, — что, играя на старом имени города — Владикавказ, — «Владей Кавказом», Гитлер собирается в самый святой наш день, в годовщину Октября, оповестить мир, что ключ от Кавказа в его руках, что фашистские колонны маршируют по Военно-Грузинской дороге. Да, фашисты у стен города! Но судьба города в наших руках. Вот мое слово солдата: шестого ноября вечером мы соберемся здесь, в городе. По зову партии наши войска пойдут завтра в наступление.

Председатель Орджоникидзевского Комитета Оборона Николай Мазин, позабывший в эти дни, что такое сон и что такое опасность, докладывал:

— Бойцы народного ополчения заняли отведенный им рубеж. Продолжается производство боеприпасов и горючей смеси для истребления танков, работают все пищевые предприятия, действует водопровод. На русском и осетинском языках печатаются газеты и листовки. Стараемся во всем выполнять указания и волю нашей родной Коммунистической партии.

Я посоветовал:

— Прямо так и напишите в листовках на стенах домов, на земляных стенах оборонительных сооружений: любить и оборонять свой город так, как это подобает советским патристам!

* * *

С утра 2 ноября 1942 года дальнбойные батареи врага начали обстрел северо-западной окраины Орджоникидзе. С небольшими промежутками налетали бомбардировщики. Сто танков прорвали внешний обвод укрепленной полосы между Фиагдон и Дзуарикау и начали бой за овладение пригородным селением Гизель.

Прославившийся на весь мир... кражей картин из хранилищ Ростовского музея генерал Макензен телеграфировал в Берлин:

«Находившиеся до последнего времени перед фронтом корпуса на западном берегу реки Терека силы противника можно считать уничтоженными... Остатки, отброшенные в горы, идут навстречу своей гибели... Преследование противника в направлении Владикавказа продолжается».

Разразился очередным хвастливым приказом и временно командовавший 13-й танковой дивизией полковник Кюн:

«Взята исходная позиция для наступления на Владикавказ... Атаки на Владикавказ связаны с именем 13-й танковой дивизии, и здесь гордая, прославленная 13-я танковая дивизия из Альтмарка будет в первых рядах».

О том же твердит и ефрейтор Отто Мейеркац, пусть не в победонос-

ном приказе по дивизии, а в своем цветистом послании фрау Анни в местечко Недлиц:

«Сегодня мы отправились для занятия новой линии, теперь мы находимся перед городом Владикавказ. Наши пикирующие бомбардировщики воют непрерывно и сбрасывают свои бомбы на русские позиции...»

...В то время, когда фашисты составляли свои фальшивые реляции, в Орджоникидзе, у братской могилы 17 тысяч бойцов, павших за Советскую власть в годы гражданской войны, состоялся митинг представителей народов Северного Кавказа.

Три тысячи человек — осетины, чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, черкесы, адыгейцы, карачаевцы, аварцы, лаки, даргинцы, кумыки, лезгины, посланцы других народов Дагестана и Калмыкии, донских, кубанских, терских и сунженских казаков, объединенных единой волей и священной ненавистью к гитлеровским захватчикам, собрались в этот грозный для Кавказа час, чтобы продемонстрировать свою ненависть к фашистским поработителям, свою боевую готовность отстаивать свободу и независимость Родины.

Митинг открыл представитель советского казачества генерал-майор Книга, мой старый соратник по фронтам гражданской войны.

— Боевые друзья! — сказал он. — Пусть враг почувствует силу шашки в руках джигита и казака! Пусть захлебнется он своей черной кровью!.. Мы будем драться так, как призывает нас к этому Родина. Мы не отступим ни на шаг! Предгорья Кавказа станут могилой для врага.

На трибуне все новые и новые ораторы — народная артистка Дагестанской АССР Рагимат Гаджиева, представитель ингушского народа, председатель колхоза Магомед Эльканов, терская казачка Лидия Любченко, представитель кабардинского народа тов. Шомахов, доцент Северо-Осетинского педагогического института Ольга Туаева, адыгеец Чомаков, аварец Абдурахман Даниялов. На разных языках они выразили единодушное стремление народов Северного Кавказа отстоять свою горячо любимую Родину — Советский Союз.

В этот день противник, бросив в бой до ста танков, к исходу дня прорвал внешний обвод Орджоникидзевского укрепленного района на участке Фиагдон — Дзуарикау, а его передовые части переправились через реку Гизель-Дон (Архонка) и вышли в район Гизель. Снаряды немецкой дальнобойной артиллерии уже ложились на северо-западной окраине Орджоникидзе.

Авиация противника непрерывно бомбардировала и штурмовала боевые порядки частей, оборонявших Орджоникидзе. Летчики нашей 4-й воздушной армии вели свою боевую работу с максимальным напряжением. Было произведено 358 самолето-вылетов, из них около 300 — на уничтожение мотомехчастей противника. В воздушных боях было уничтожено семь и подбито восемь самолетов противника.

4 и 5 ноября немцы все еще пытались расширить узкий клин, вбитый в районе Орджоникидзе. Они бросали в атаку колонны танков, моторизованную пехоту, мотоциклистов. У пригородного шоссе 60 немецких танков напали на 16 наших. Бой длился 13 часов, гитлеровцы трижды вызывали на подмогу авиацию и, потеряв 32 машины, убралась на исходные позиции.

5 ноября стало переломным днем Нальчикской операции. Противник был остановлен. Закончив перегруппировку, наши части с утра 6 ноября перешли в контрнаступление с тем, чтобы уничтожить Гизельскую группировку немецко-фашистских войск.

Наш план наступления предусматривал удар из района Фиагдон на Орджоникидзе с задачей уничтожить прорвавшуюся группировку врага, не допуская ее отхода в западном направлении, а по выходе в район Орджоникидзе — наступать на Гизель. Наступающие части усиливались четырьмя полками гаубичной артиллерии, семью противотанково-истреби-

тельными и четырьмя полками гвардейских минометов, поддерживались 4-й воздушной армией.

Из всех войск, действовавших к началу наступления на орджоникидзевском направлении, решением командующего Северной группой войск к активным действиям переходили всего лишь три стрелковые и четыре танковые бригады. Основная же масса войск — четыре стрелковых дивизии и пять стрелковых бригад занимали пассивную оборонительную позицию, не имея перед собой противника, за исключением небольших сил перед фронтом 319-й и 351-й дивизий. Переброшенный из 44-й армии свежий боеспособный 10-й гвардейский стрелковый корпус этим же решением переходил в наступление всего лишь двумя гвардейскими бригадами, а три других занимали оборону, причем две из них — в глубоком тылу северо-восточнее Орджоникидзе.

Это решение командующего группой свидетельствовало о его неуверенности и боязни при переходе в наступление. Видимо, сосредоточивая большинство сил в обороне, причем две лучших бригады — на путях к Грозному, он не надеялся удержать Орджоникидзе.

В этот план командованию Закавказского фронта пришлось внести свои коррективы. Мы решили 10-й гвардейский корпус целиком использовать для нанесения удара на Гизель, а 276-ю и 351-ю стрелковые дивизии двинуть в наступление с юга для быстрейшего уничтожения противника в этом районе.

Эти указания штаба фронта сыграли положительную роль в разгроме противника в районе Гизель.

Гвардейцы заняли северную окраину Гизеля и вплотную прошли к нему с северо-запада, по Ардонскому шоссе. Наши танкисты прорвались в тыл врага и в нескольких местах перерезали его главную коммуникацию. Тогда гитлеровцы для подвоза боеприпасов и продовольствия создали узкий коридор шириной в 2 — 2,5 километра. По обеим сторонам они соорудили очаги сопротивления, каждый из 3—9 танков, врытых в землю, 2—3 противотанковых пушек и 20—25 автоматчиков. Промежутки прикрывались артиллерийским и минометным огнем. Тут же, по руслу высохшей речки, беспрерывно курсировали танки — подвижной резерв — на случай атаки какого-нибудь узла нашими войсками. Против советской пехоты очаги эти себя не обнаруживали, в бой вступали лишь танки подвижного резерва. А как только появились наши бронемашины и танки, в действие вводились все без исключения огневые средства.

Пришлось прибегнуть к более тонкому маневру. Для штурма немецких узлов обороны вперед высылались два — три легких разведывательных танка. Порядком напуганные, изнервничавшиеся гитлеровцы не выдерживали, открывали огонь, и тогда наша пехота немедленно обходила очаги сопротивления с флангов, создавая угрозу окружения. За стрелками следовала основная масса танков и артиллерии, расстреливая немецкие огневые точки прямой наводкой. Когда большая часть узлов сопротивления была подавлена, советские танки на большой скорости обогнали свою пехоту и, ворвавшись в расположение немцев, закупорили коридор.

«Гордая, прославленная 13-я танковая дивизия из Альтмарка», а заодно и все другие немецко-фашистские части, почувствовали непреодолимое желание бежать, но бежать было некуда. Лейтенант Карл Гойшильд жаловался в письме своим родственникам:

«Восточный фронт, 8.XI.42 г. Что сейчас случилось, ты меня не спрашивай, это настоящий ужас. Как только человек может выдержать это безумие? Мы находимся в районе Владикавказа и уже три раза были отрезаны».

«О, это была жуткая вещь! — писал пленный стрелок 45-го велосипедного батальона Альфред Майер. — 8 ноября мы начали отступление. Мы переходили много раз через речку, и все были мокрые. В это время нам было уже не до того, чтобы искать брод. Продовольствия в последние дни не подвозили, и солдаты были голодны, как собаки».

Ему вторил унтер-офицер Вильд Гергардт из 93-го моторизованного полка 13-й танковой дивизии:

«Солдаты, которые подвозили в последний раз боеприпасы и продукты питания, говорили, что дивизия, очевидно, окружена, ибо они еле проскочили. Подвоз прекратился, и артиллерия не могла больше действовать, ибо кончились боеприпасы. Машины были или разбиты, или брошены на поле боя. Когда дивизия двигалась вперед, машины шли в несколько рядов, во время же отступления все мы тащились пешком. Командование сообщило, что дивизия потеряла почти всю свою технику».

Поначалу немецкие офицеры еще пытались сохранить видимость порядка, сдерживать натиск советских войск, хотя бы на время, потребное для отвода основных своих сил и вывоза награбленных вещей. Ефрейтор танкист Д. Вернер рассказывал:

«Первое время танки старались подвозить продовольствие и боеприпасы, но скоро мы должны были оставить все, взяв только мешочки с хлебом. Офицеры пытались регулировать движение, чтобы спасти машины. Солдатам приказали сдерживать русских на время, пока проедут автомобили офицеров. Но из этого ничего не получилось. Наша рота имела 38 автомобилей, а после Гизеля осталось только 4».

...И вот я в Гизеле, большом осетинском селении в шести километрах от Орджоникидзе. Та же чудовищная картина разрушения, уже знакомая мне по другим селениям, где побывали фашисты. Ни одного целого строения, пустые улицы — в дымящихся руинах. У сиротливо торчащей трубы в грудке черных от пожара камней сидит старуха. Она только что спустилась с гор, чтобы попасть в родной дом, но кирпичного домика больше нет...

Старуха-осетинка не знает имени бойцов, которые освободили ее родное село, но каждого из них она провожает благодарным взглядом наполненных слезами глаз.

А они идут через село — герои боев за Гизель: старший сержант Сергей Качусов, красноармейцы Аркин Курбадзе и Юсуп Касимов, прославившийся на весь фронт бронбойщик Иван Остапенко... Лицо Ивана Остапенко сурово, скорбные складки потянулись к углам потрескавшихся губ. Еще недавно Иван сражался плечом к плечу со своим братом Дмитрием — командиром отделения. Тринадцать фашистских танков подбил Дмитрий Остапенко, дрался до последнего патрона и погиб в неравном бою. Теперь Иван прибавил к общему счету мести и месть за брата: на подступах к Гизелю остались семь немецких танков, которые подожгла его бронбойка.

К исходу 11 ноября части 10-го гвардейского стрелкового корпуса вышли на реку Майра-Мадаг и полностью очистили от противника район Гизель — Новая Санива.

Несмотря на целый ряд недостатков в подготовке операции, о которых я говорил выше, разгром наступающей группировки врага на подступах к Орджоникидзе имел исключительно важное значение в битве за Кавказ. Это был по существу провал плана наступления немцев на основном операционном направлении.

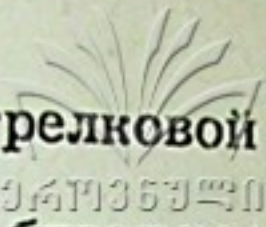
19 ноября Советское Информбюро сообщило:

«В последний час»

Удар по группе немецко-фашистских войск в районе Владикавказа (город Орджоникидзе).

Многодневные бои на подступах к Владикавказу (город Орджоникидзе) закончились поражением немцев.

В этих боях нашими войсками разгромлены 13-я немецкая танковая дивизия, полк «Бранденбург», 45-й велобатальон, 7-й саперный батальон, 525-й дивизион противотанковой обороны, батальон 1-й немецкой горнострелковой дивизии и 336-й отдельный батальон. Нанесены серьезные по-

тери 23-й немецкой танковой дивизии, 2-й румынской горно-стрелковой дивизии и другим частям противника.

Наши войска захватили при этом 140 немецких танков, 78 бронемашин, 70 орудий разных калибров, в том числе 36 дальнбойных, 95 минометов, из них 4 шестиствольных, 84 пулемета, 2.350 автомашин, 183 мотоцикла, свыше 1 миллиона патронов, 2 склада боеприпасов, склад продовольствия и другие трофеи.

На поле боя немцы оставили свыше 5000 трупов солдат и офицеров. Количество раненых немцев в несколько раз превышает число убитых».

Орджоникидзе отстояли русские, украинцы, белорусы, грузины, осетины, армяне, азербайджанцы. Они не только не впустили в город врага, но и отбросили, разгромили его.

В захваченных почтовых машинах лежали кипы неотправленных писем в Германию. Многие из них кончались кичливой фразой: «Завтра мы будем в Орджоникидзе». Немалая часть авторов этих писем находилась среди пяти тысяч мертвых, оставшихся у стен города, который называют «воротами Кавказа».

Об этих боях английская газета «Таймс» писала:

«Советская мощная контратака, проведенная на прошлой неделе в районе Владикавказа, уже предвещала в дальнейшем более крупное событие и в действительности за этим незамедлительно последовал новый, более сильный удар».

Мы же говорим — не просто удар, а сражение, которое явилось предвестником поражения немецко-фашистских полчищ на Кавказе.

* * *

С некоторых пор «кавказские» немцы стали несравненно больше интересоваться железными печками и высокими барашковыми папахами, нежели обетованными замлями Индии и нефтяными вышками Баку. После поражения под Орджоникидзе, после очередных неудач в районе Туапсе гитлеровцы по всему Кавказскому фронту глубоко зарылись в землю, помышляя лишь о тихой зимовке. Наши части все увереннее брали инициативу в свои руки.

24 декабря по приказу Ставки Верховного Главного Командования началось наше генеральное наступление.

Битва за Кавказ была тесно связана со сражением у Сталинграда. Много раз герои-сталинградцы оттягивали на себя силы гитлеровцев, предназначенные для захвата Кавказа, и, наоборот, неудачи на Тереке, под Моздоком и Туапсе вынуждали немцев поворачивать дивизии, шедшие на штурм волжской твердыни, гнать их в предгорья Кавказа.

Основные бои разыгрались в долинах Терека и Ардона. На берегах быстрого Терека враг был остановлен, обескровлен и здесь же, на этих славных берегах, начался его разгром.

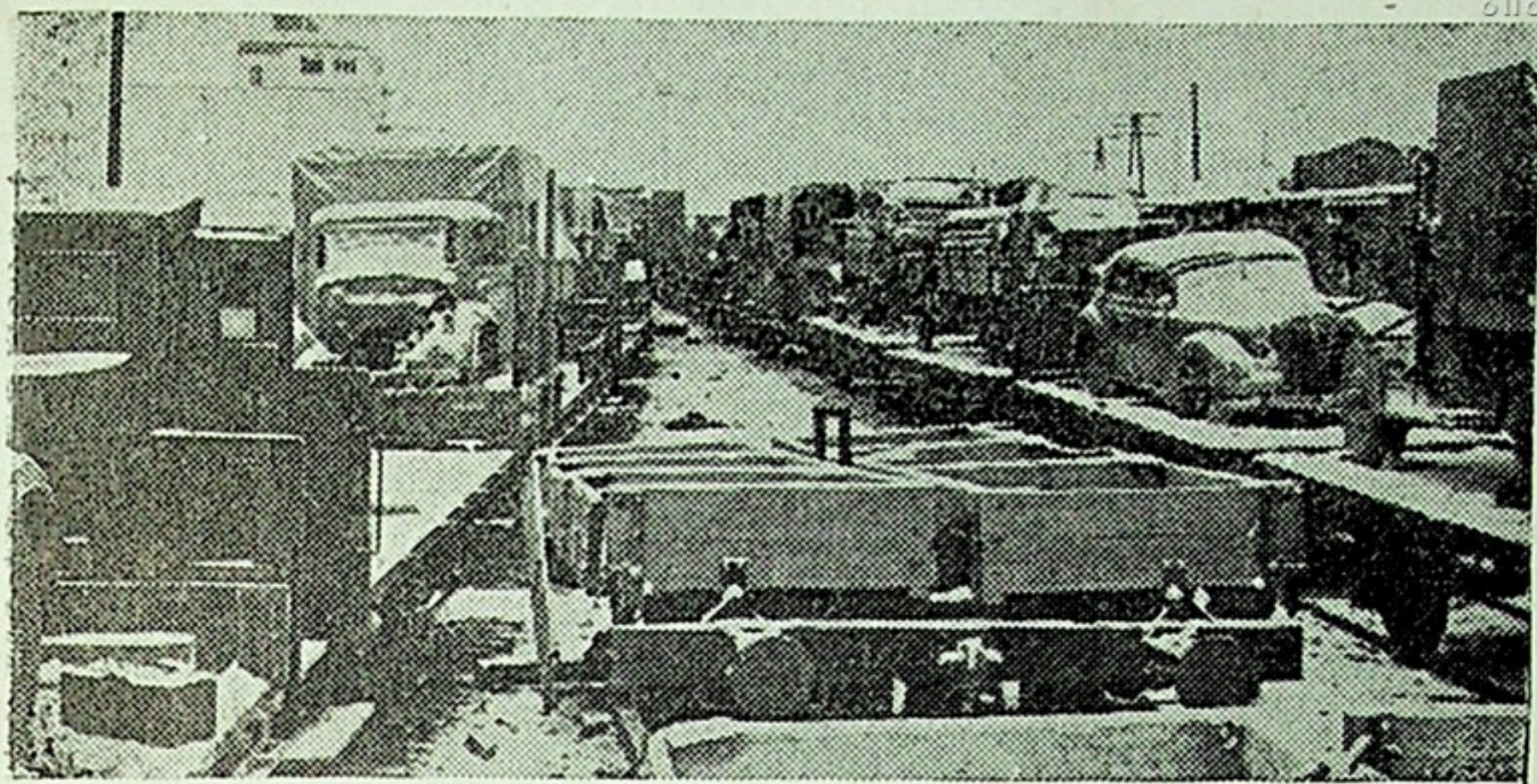
Нельзя сказать, что фашисты не понимали, сколь велико значение Терека в битве за Кавказ. Воины одной из наших дивизий, штурмовавших город Малгобек, захватили среди трофейных документов приказ Гитлера, датированный декабрем 1942 г., в котором фюрер писал собственным ему тоном: «Берега Терека, изобилующие населенными пунктами, — наиболее благоприятный зимний рубеж, который нужно во что бы то ни стало отстоять для покорения Кавказа весной».

Оборона противника была взломана в тех местах, где он меньше всего этого ожидал. Смелым, мастерским маневром, стремительными бросками казаки и танкисты врывались во вражеские тылы, отрезали дороги отступления, блокировали и уничтожали опорные пункты, вселяли в противника панический страх.

3 января фашисты внезапным ударом были выбиты из Моздока и Малгобека. В полусожженном Моздоке наши воины чуть ли не на каждой улице натыкались на немецкие кладбища. Площади, скверы, пустыри были густо усеяны могилами гитлеровцев. Только у вокзала могил насчитали более 800, и на каждом кресте дата — 10 или 11 октября. Это были

дни, когда враг предпринял очередную попытку пробиться в Алхан-Чурт-скую долину — на шоссе к Грозному...

УДАЧЛИВО
ВОЙСКИ

1943 год. Эшелоны с военным имуществом, захваченным нашими войсками у врага на ст. Минеральные Воды

5 января 1943 года, когда штурмом был взят Нальчик, освобождены города Майское, Котляревская, пленный командир 10-й роты 70-го полка 111-й пехотной дивизии немцев Отто Бауэр (в прошлом доктор медицины) с ужасом рассказывал:

«Отходя, солдаты видели, что их очень торопят, что в пути начали подрывать орудия, уничтожать грузовики и другое военное имущество. Уже на третий день отступления солдаты стали говорить о том, что немецкая армия не отходит с Терека, а бежит, что случилось что-то очень тяжелое, что от них скрывают. Среди солдат пошли ядовитые шуточки, про отступление начали говорить, что это — славный отход (глоррейхе рюкдуг), что их обманывают, называя планомерным отступлением самое настоящее бегство. «Вперед, камерады, мы идем назад!» — говорили друг другу обозленные происходящим солдаты. Все с тревогой гадали о том, что будет дальше и что каждого ждет впереди».

Довольно точную картину «эластичной обороны» и «планомерного отхода» дал и ефрейтор Аугсен из 123-го полка 50-й пехотной дивизии:

«Тяжелое впечатление вызывало при отступлении уничтожение техники и снаряжения, всего, что было на нашем пути. Невольно приходила в голову мысль, что на Кавказе немцам больше не бывать: при «стратегическом отступлении» всего не уничтожают... Все, что мы не могли надеть на себя, нам пришлось уничтожить, в том числе и зимнее обмундирование, доставшееся нам с таким трудом. Солдаты были ошеломлены тем, что у русских оказалось столько превосходного оружия. Подавляюще действует также и то, что у русских такое огромное количество солдат».

Верховное командование германской армии строгойше приказало пехотным и двум танковым дивизиям, а также частям соединения «Ф» (африканский корпус) любой ценой остановить советские войска на рубеже Кума — Золка, чтобы обеспечить спасение техники и зимних запасов. Но из этого ничего не вышло. Гвардейские дивизии донских и кубанских казаков форсировали вброд и вплавь водные преграды, через шумную реку Кума переправились танкисты и, рассекая линию фашистской обороны, ушли в глубь степи.

Краснознаменная танковая бригада подошла к станции Минеральные Воды. Это было как нельзя кстати. Под парами стояло шесть длинных эшелонов с вражескими солдатами, пушками, танками и награбленным добром. Под жерлами танковых орудий захваченные врасплох немцы стали сдаваться в плен. Но тут подоспели гитлеровские полки, бежавшие

из Георгиевской, Воронцово-Александровской, Незлобной, из всех окрестных станиц. Собралось около 80 немецких танков. Завязался бой. Длился он почти сутки. Мало кому из гитлеровцев посчастливилось унести ноги. Наши танкисты захватили около тысячи вагонов и пятьсот платформ, груженных орудиями, танками, автомашинами, самолетами.

В метель, по глубоким снежным заносам наши войска преследовали врага, освобождая родные города и села. С боями прошли они по Кубани и Ставропольщине до 600 километров, освободив около двух тысяч населенных пунктов.

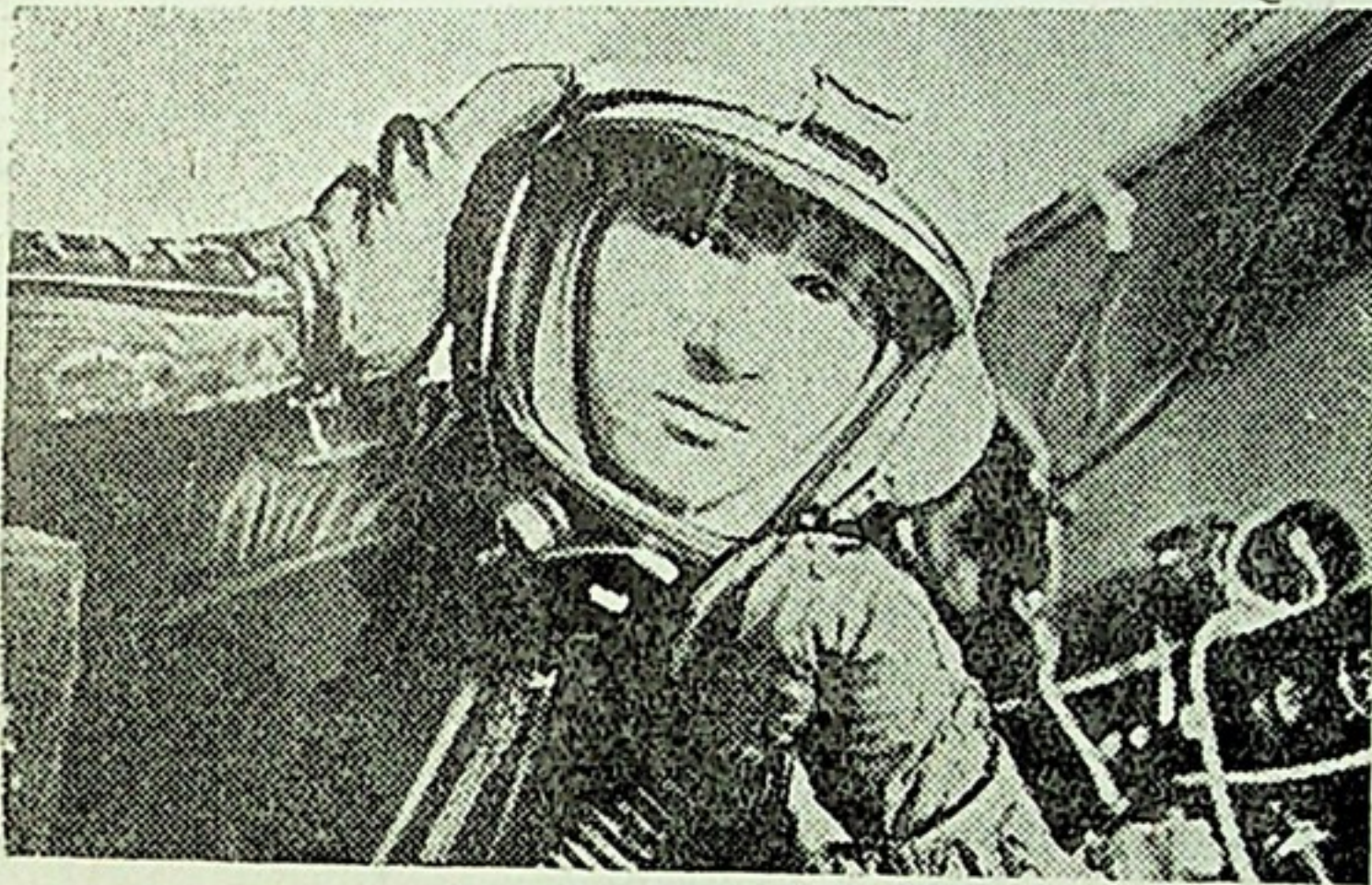
Продолжение следует

Ю. Бережной

Он с теми, кто штурмует небо

ОЧЕРК

На снимке: испытатель в специальном
высотнокompенсирующем костюме

Акакий Цвилашвили садится у приборов, подает команду—опыт можно начинать. Лаборанты понимают его с полуслова.

Насосы, откачивающие воздух, создают в барокамере—специальной кабине—давление в тысячу раз меньше атмосферного. Через иллюминатор видно, как собака, оставленная без специального костюма, начинает постепенно раздуваться, подобно футбольной камере, заполняемой воздухом. Барометрическое давление так низко, что у животного закипают кровь и вода, содержащиеся в тканях. На экране рентгеновского аппарата хорошо видно, как их пары отслаивают кожу от мышц на несколько сантиметров. Вскоре давление повышается вновь, и собака выпрыгивает из камеры. Цвилашвили поясняет, что такое кипение для животных безвредно, если, конечно, продолжается недолго.

Имитируя на лабораторных стендах условия будущих полетов человека, Цвилашвили проводит с группой лаборантов многочисленные эксперименты на животных: собаках, кроликах, мышах.

— Мы стараемся предусмотреть все, из чего складываются условия нормального пребывания живых существ, а значит, и человека, на большой высоте, — говорит он.—А сейчас понаблюдаем за человеком.

Лаборанты помогают испытателю Геннадию Михайлову надеть специальное белье, тщательно зашнуровывают высотнокompенсирующий костюм. За Михайловым закрывается массивная стальная дверь огромной барокамеры. Начинают работать насосы. Они создают внутри барокамеры условия стратосферы. Но вот «подъем» закончен. Испытатель чувствует себя так, словно он на высоте многих километров.

Цвилашвили внимательно следит за стрелками приборов, время от времени делает карандашом записи в журналах, предлагает Михайлову встать, пройтись по камере.

— Как себя чувствуете?—спрашивает он у Михайлова по радио.

— Хорошо,—слышится в ответ.

Приборы, фиксирующие деятельность сердца, дыхание, кровяное давление и другие физиологические функции, подтверждают это. Защитный костюм надежно защищает испытателя, он сильно обтягивает тело,

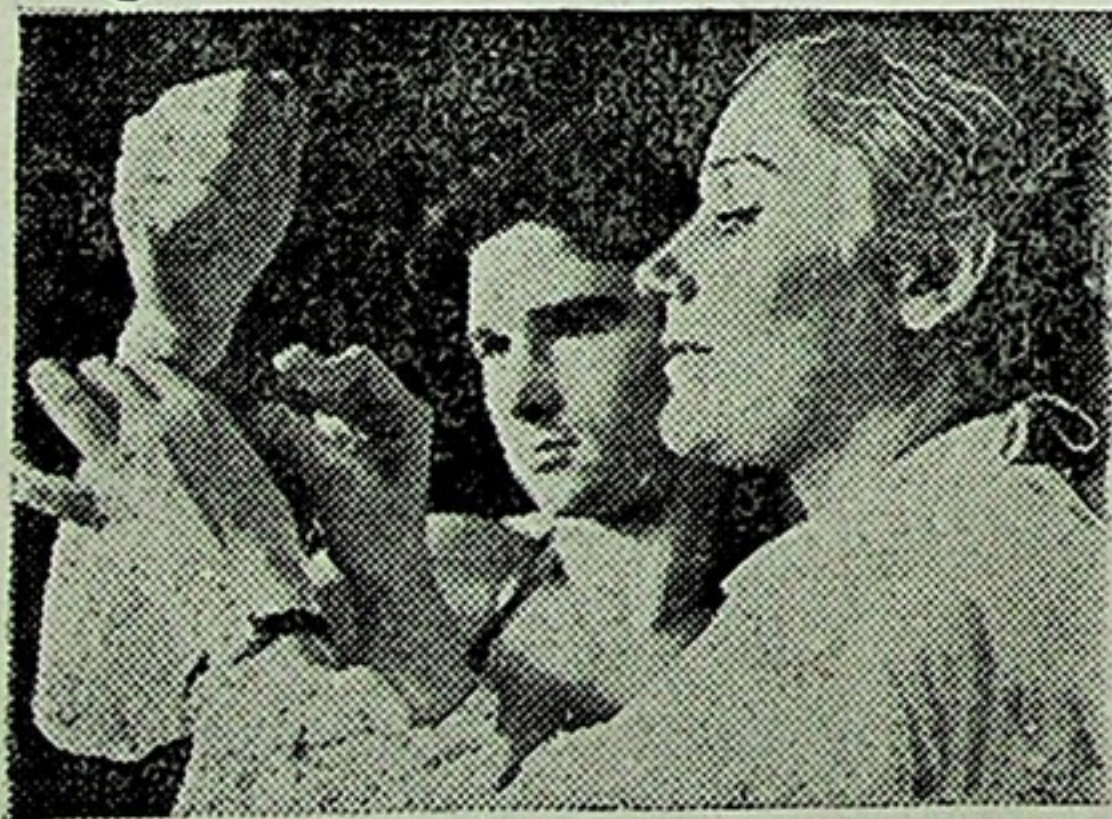
компенсируя таким образом уменьшение атмосферного давления.

Эксперимент закончен. Прошел еще один день в лаборатории одного из институтов Академии наук СССР, в котором ведутся большие научно-исследовательские работы по подготовке полетов на больших высотах. В буднях научных экспериментов здесь закладывается фундамент реальных полетов в заоблачных высях. Но тут в напряженной борьбе за каждый метр высоты участвуют не авиаторы, а врачи. Один из них — старший научный сотрудник Акакий Согратиевич Цвилашвили, продемонстрировавший только что «взлет» в стратосферу человека, не поднявшегося ни на один метр над землей.

Цвилашвили вытирает выступившие на лбу капельки пота и приглашает меня к себе домой.

* * *

Мы сидим с Акакием Согратиевичем у него дома. Пока я просматриваю его патенты на изобретения, статьи, опубликованные в солидных медицинских журналах, хозяин рассказывает о трудностях, стоящих на пути проникновения человека в верхние слои атмосферы. Как известно, тело человека на восемьдесят процентов состоит из жидкости, а на высоте уже в девятнадцать тысяч метров атмосферное давление так низко, что тканевая жидкость может закипеть при нормальной температуре человеческого тела. Поэтому уже много лет Цвилашвили работает над проблемой высотной эмфиземы — явления отслоения кожи от костей и мышц парами кипящей тканевой жидкости. Вместе с другими сотрудниками института им созданы для летчиков специальные перчатки, предупреждающие развитие высотной эмфиземы

На снимке: в одной из лабораторий института

рук, прибор для измерения давления крови на больших высотах. Он также участвовал в создании ряда высотно-компенсирующих костюмов.

Акакий Согратиевич — автор шестнадцати научных работ. Сейчас он трудится над темой «Влияние на организм взрывной декомпрессии».

— Представьте себе, что летчик поднялся на большую высоту. И вдруг герметизация кабины нарушается, — горячо говорит Акакий Согратиевич. — Барометрическое давление в кабине уравнивается с наружным. Это может произойти быстро, почти мгновенно — подобно взрыву. Это и есть взрывная декомпрессия. Воздух, находящийся в легких, в желудке, в придаточных полостях, с силой вырвется наружу и может причинить травму...

— Хватит, хватит, Акакий, — прерывает мужа Зоя Зиновьевна, — приглашай гостя к столу.

— Да, да, — поддерживает жену Цвилашвили. — И не отказывайтесь. Вино у меня из Перевиса — отец недавно прислал. Старик уже 87 лет, а зарабатывает до 300 трудодней.

И я не стал отказываться. Из этой дружной семьи не хотелось уходить.

Мы долго еще беседовали, говорили о планах на будущее... Но вот дочка Акакия Согратиевича — семиклассница Тамара — притащила альбом с фотографиями. Ей не терпится показать, как выглядит ее дедушка, какими были в юности папа и мама. Девочка листает альбом, а отец весь ушел в воспоминания...

Так я узнал о его жизни — обычной и в то же время необыкновенной. О жизни мужественного человека, который никогда не ищет покоя и всегда стремится вперед, все дальше и выше...

* * *

Недалеко от Чиатура есть село Перевиса. Лежит оно в небольшой долине. Куда ни глянь — горы. На склонах — сады и виноградники. Здесь в голодном 1919 году в семье крестьянина Сограта Цвилашвили родился четвертый ребенок — Акакий. Рос он, как и все ребята в селе: пас скот, лазил по горам. С семи лет начал ходить в школу. Тогда же стал помогать отцу. Особенно любил возиться на винограднике.

Время от времени доходили в Перевиса вести из молодого промышленного города Чиатура.

И однажды утром, когда горы еще были окутаны туманом и село спало, Акакий

тихо встал, оделся. Положил в хурджин штопанную не раз рубаху, шерстяные носки, несколько кукурузных лепешек да головку сыра и вышел из дома. За последним поворотом дороги, откуда еще видны были домики села, постоял немного и пошел, не оглядываясь.

В Чиатура поступил в школу-десятилетку. Помощи ждать было не от кого — решил наняться на работу в шахту.

— Молод ты еще для шахтера, паренек. Смазчиком вагонов еще можем взять, общежитие дадим.

Акакий согласился.

В труде прошли годы учебы. Тогда же появилась мечта стать врачом. Акакий начал интересоваться учебниками по медицине и скоро перечитал все, что было в библиотеке. Наконец, осенью 1938 года поехал в Тбилиси, чтобы поступить в медицинский институт.

Несколько неожиданно для экзаменаторов застенчивый паренек в потертых брюках и простой рубахе, подпоясанной узким ремешком, обнаружил отличные и разносторонние знания. Его зачислили на лечебный факультет.

Учеба давалась Акакию легко. Еще в студенческие годы появилась у него страсть к эксперименту. Подолгу засиживался Акакий над опытами, которые зачастую его товарищам казались малоинтересными. Часами мог он препарировать животных, еще и еще раз повторять самые сложные анализы. Любимым предметом стала у Акакия хирургия.

Все шло своим чередом. Цвилашвили переходил с курса на курс, профессора были им довольны. Казалось, что до возвращения врачом в Перевиса — совсем не далеко. Но хронометр истории неумолимо отсчитывал время — настал день, когда листок календаря был перевернут на страничке 22 июня 1941 года. А несколько месяцев спустя военврач Акакий Цвилашвили, привинтив «шпалу» на ворот гимнастерки и даже не успев попрощаться с отцом, уже ехал на фронт.

Дороги войны бросали его с фронта на фронт — он воевал и под Сталинградом, и под Севастополем, и под Кенигсбергом.

Там, на полях войны, в палатках медсанбатов с еле светящимися лампочками, где слышались стоны раненых с раздробленными костями, облитых кровью, стал Акакий настоящим врачом-хирургом.

Он закончил войну в Германии в небольшом городке Нойштеттине — капитаном, старшим врачом пехотного полка.

И сразу потянуло на Родину, домой.

В Перевиса, посреди улицы ребятишки с непокрытыми курчавыми головами бросили играть в «лахти», глядя на стройного, высокого военного с орденами и медалями на груди.

Сограт, не по годам бодрый и подвижный, крепко обнял сына и побежал распоряжаться. Как и положено, когда в доме праздник, — закололи молодого барана. Пришли соседи — каждому хотелось поговорить с сыном Сограта — врачом, вернувшимся с войны. А когда гости разошлись, старик спросил:

— Ну, как дальше жить будешь?

— Думаю, отец, попробовать поступить в Военно-медицинскую академию. А пока должен вернуться в часть.

С армией у Акакия было связано многое. Там он в трудный 1943 год стал коммунистом, там полюбил и женился на чудесной украинской девушке-враче Зое Манзенко, с которой встретился под Севастополем в 1944 году.

Погостил Акакий в родительском доме еще недельку, побродил по горам — и потянуло назад, к привычной армейской жизни.

А потом опять годы учебы — сначала на Центральных курсах усовершенствования врачей в Москве, а потом в Ленинграде — в Военно-медицинской академии у профессора Бресткина.

В 1954 году Акакий Согратиевич Цвилашвили успешно закончил академию и был направлен в один из лучших научно-исследовательских институтов страны. Перед ним открылись огромные возможности для творческой работы, которую он — рядовой большой армии тружеников советской науки — ведет и сегодня, помогая штурмовать небо.

МОСКВА

Гурам Гогнашвили,
Отар Аробелидзе

У ШОЛОХОВА В ВЕШЕНСКОЙ

М. А. Шолохов беседует
с гостями из Грузии

Почти полгода прошло с тех пор как мы вернулись из станицы Вешенской. Наша встреча с Михаилом Александровичем Шолоховым продолжалась всего несколько часов. Но она осталась в памяти как одно из самых ярких впечатлений нашей жизни. И чем больше времени проходит, тем значительнее кажется каждая подробность нашего пребывания у этого большого

писателя и замечательного человека.

1

...От Ростова Вешенскую отделяют 480 километров. Их легко покрывают курсирующие здесь маленькие четырехместные самолеты. Прежде чем лететь в Вешенскую, мы позвонили туда с аэродрома, и нам сказали, что Шолохов, в связи с предстоящей поездкой в Америку, намерен отправиться в Ростов. Поэтому приезжать в станицу вряд ли имеет смысл. Пришлось вернуться в город и остановиться в гостинице «Дон».

В редакции ежемесячного литературного журнала «Дон», где печаталась большая часть второй книги «Поднятая целина», мы познакомились с редактором журнала — известным русским писателем Михаилом Соколовым, автором романа «Искры». Оказалось, что он несколько раз бывал в Грузии, хорошо знаком со многими грузинскими писателями. Соколов встретил нас очень радушно, предоставил возможность связаться по телефону прямо с квартирой Шолохова.

В ожидании телефонного звонка он рассказал нам много интересного о Михаиле Александровиче, ободрил нас: «Примет, обязательно примет. И даже очень обрадуется гостям из Грузии. Мне, например, он много раз говорил о Грузии. Очень любит Бараташвили».

И вот из телефонной трубки до нас доносится голос, полный тепла и доброжелательности:

— Ну, если уж из Грузии в Ростов прибыли, то и в Вешенскую должны приехать. Пожалуйте в Вешенскую...

2

Самолет приземляется на маленькой летной площадке на полях соседней станицы. До Вешенской остается около пяти километров. Вскоре показались белеющие вдали здания. Одно из них — дом Шолохова.

В окрестностях Вешенской и Базковской берега Дона сплошь заросли камышом и ивами. Издали обе станицы напоминают утопающий в зелени маленький городок. Все здесь кажется удивительно знакомым. Будто уже бывал тут когда-то...

Задумчиво, спокойно течет Дон. И кажется, что эта многоводная река сегодня уже неотделима в нашем сознании от шолоховской эпопеи. Кажется, вот-вот по дороге пройдет Аксинья... А вон тот старик, — наверное, дед Щукарь, которому цыгане подсунули старую клячу вместо доброго казацкого коня... Словно слышится страстный голос Макара Нагульнова... Там, вдали, шагает человек с мальчонкой. Это, может быть, Андрей Соколов со своим Ванюшкой. Человек, который преодолел свою тяжелую судьбу и уверенно идет вперед...

Окна дома Михаила Шолохова выходят туда, где Дон разветвляется, образуя довольно большой, поросший лесом островок. У обоих берегов реки стоит на привязи множество лодок. Вдалеке, в степи, видна маленькая часовня, тоже описанная писателем.

И, наконец, Вешенская. Она известна всему миру, как Ясная Поляна или село Михайловское...

Вешенская — станица большая, благоустроенная, с более чем пятью тысячами дворов. Дом Шолохова — у самых подступов к станице. Чтоб добраться до него, надо перейти мост, перекинутый через Дон, а потом идти дорогой или тропинкой по берегу реки. Преодолев небольшой подъем, окажешься перед низким, выкрашенным в зеленый цвет крыльцом.

— Пожалуйте, пожалуйста, дорогие грузины! — с улыбкой приглаша-

ет нас Михаил Александрович. — Приехать сюда — это действительно молодечество — в такую-то погоду. За это я вас в казаки посвящаю. С этого дня вы казаки! А ну-ка, казаки, пожалуйста сюда. Еще немного, и вам пришлось бы искать меня в Америке.

Откровенно говоря, мы ожидали более официальной встречи и поэтому заранее заготовили следующие вопросы:

— Что вы думаете о поездке в Америку?

— Над чем работаете в последнее время?

— Какие у вас планы на будущее?

— Приедете ли к нам в Грузию? Сердечный и гостеприимный Михаил Александрович своей простотой, искренностью и добротой окончательно покори нас, и мы забыли об официальной стороне нашего визита. Перед нами был радушный хозяин. Живые, умные глаза его приветливо светились. Он сам завязал непринужденный разговор:

— Ну, как вам ездилось? Устали порядком? В Вешенской грузины уже давно не бывали. Самым первым здесь был 24 года назад Коля Шенгелая. Как вчера, помню его приезд...

Было уже поздно. Может быть, ему надо было работать, а мы отнимали драгоценное время. Но тем не менее ни на одну минуту ни один из нас не чувствовал себя лишним.

В его большой светлой рабочей комнате с письменным столом, заваленным уймой рукописей и писем, с расстеленной на полу шкурой огромного медведя, убитого писателем, мы преподнесли хозяину книгу академика Георгия Чубинашвили «Грузинская чеканка». Подарок очень понравился Михаилу Александровичу.

— Большое, сердечное спасибо за внимание, — сказал он, принимая книгу.

...В тот вечер мы не долго беспокоили хозяина, хотя и не успели сказать многого. Он уговаривал нас остаться ночевать, но мы отказались, так как уже устроились на ночлег в вешенском «Доме колхозника». Тогда Михаил Александрович взял с

нас слово, что мы обязательно в 8 часов утра придем к нему.

3

На следующее утро он сам встречал нас во дворе своего дома. Возобновился прерванный накануне вечером разговор. Мы заметили, что Вешенская очень красиво расположена.

— Вы, случайно, не комплименты мне говорите? — улыбается Шолохов. — Вы самолетом прилетели и много действительно красивого не видели. Поднимаясь вверх по Дону, вы обязательно заметили бы, как пейзаж постепенно становится все красивее. Степи очень красивы, но донской пейзаж особенно своеобразен. Впрочем, какой красотой природы можно удивить грузина?

— Вы никогда не были в Грузии? — невольно вырвалось у нас.

— Нет, и никак не могу простить себе этого. За границей часто бываю, а вот в Грузии не бывал. До войны не выкроил времени. Увлекла работа над «Тихим Доном». В 1944 году, когда закончил рассказ «Наука ненависти», Иосиф Виссарионович Сталин посоветовал поехать в Грузию на отдых, но и тогда не удалось побывать у вас.

Шолохов задумался, потом сказал:

— И сейчас не поздно. Как только возвращусь из Америки, непременно приеду в Грузию. Так, в конце декабря. Приеду и буду вашим гостем.

Еле сдерживая радость, мы сказали, что в Грузии его очень любят. Уже выпущены в свет первые три книги «Тихого Дона», а вскоре выйдет и четвертая. И первая книга «Поднятой целины» была напечатана на грузинском языке почти одновременно с изданием ее на русском языке. А, например, рассказ «Судьба человека» на днях был издан отдельной книжкой. Раньше он печатался в журнале «Мнатоби».

— Весь грузинский народ будет вашим радушным хозяином, — сказали мы.

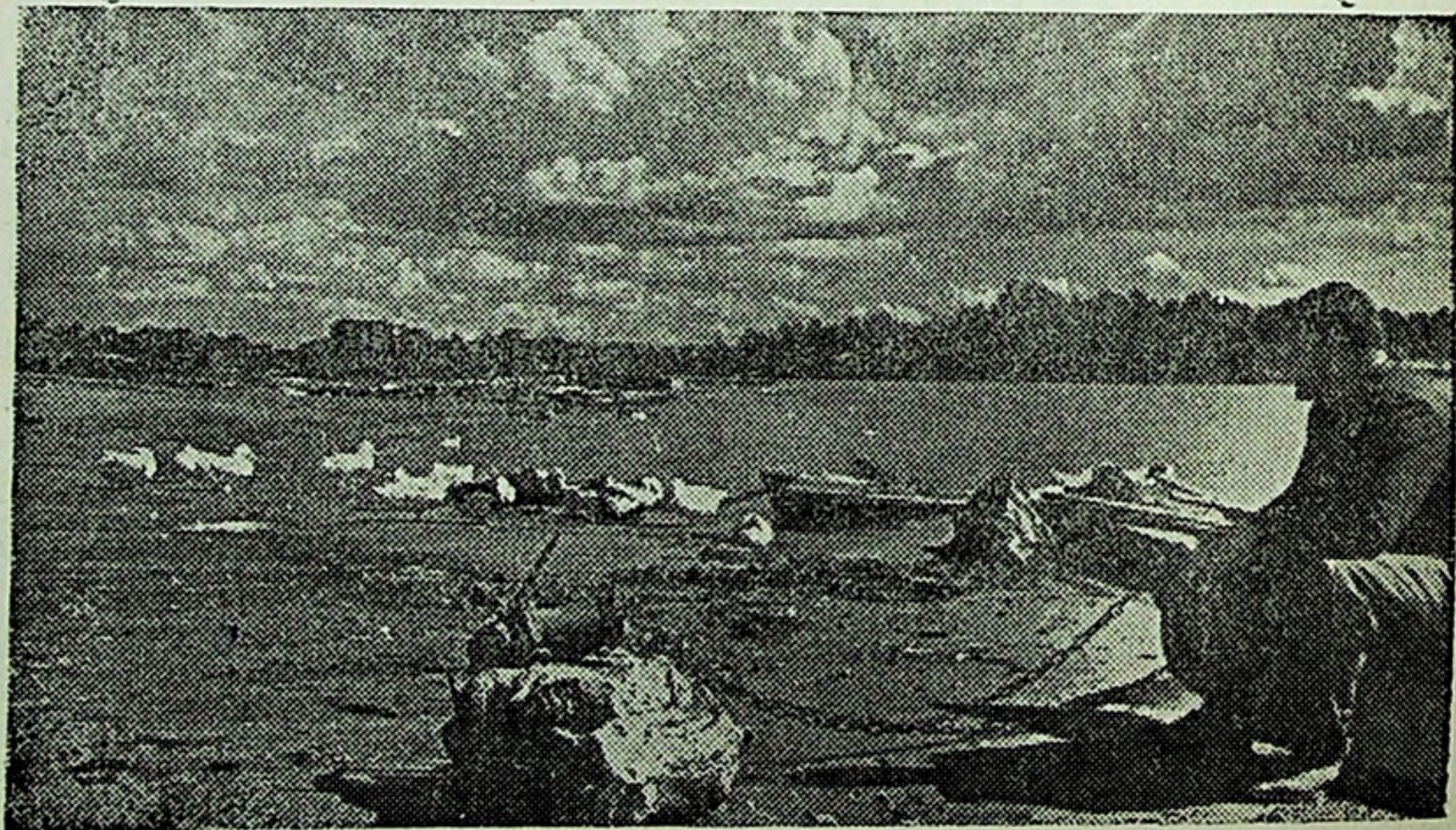
Михаилу Александровичу, видимо, это было приятно. Он провел рукой по высокому чистому лбу и сказал:

— Спасибо, дорогие, спасибо!

Потом тихо, медленно начал он читать стихотворение Николоза Бараташвили:

Цвет небесный, синий цвет
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синева иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

У Тихого Дона

Он прекрасен без прикрас,
 Это цвет любимых глаз.
 Это взгляд бездонный твой,
 Напоенный синевою.

Это цвет моей мечты,
 Это облик высоты.
 В этот голубой раствор
 Погружен земной простор.

Это легкий переход
 В неизвестность от забот,
 И от плачущих родных
 На похоронах моих.

Это синий, негустой
 Иней над моей плитой.
 Это сизый зимний дым
 Мглы над именем моим.

Михаил Александрович знает наизусть почти всего Бараташвили. Очень нравится ему творчество Важа Пшавела. Галактиона Табидзе он знал лично.

* * *

В комнате витал запах бараньего шашлыка. Михаил Александрович извинился:

— Шашлык-то зажарили, но, как грузинский, — он все-таки не удался.

Может быть, это слишком личные обстоятельства нашей встречи, но о них хочется рассказать, потому что в них проявились человечность и радушие этого большого писателя, творчеству которого такую высокую оценку дал посетивший его недавно Никита Сергеевич Хрущев.

Шолохов одинаково щедр и в беседе и за столом. Он заставляет вас забыть, что вы в гостях у перегруженного работой писателя и, может быть, отнимаете у него самое дорогое — время.

Кстати о времени. Мы попали к Шолохову накануне его отъезда в Америку. И думали, что он не захочет нас принять. Наверно, его и так журналисты беспокоят слишком часто. Михаил Александрович, считая себя старым «правдистом», («Вот уже 35 лет, как я печатаюсь в «Правде», — говорит он), не особенно избегает журналистов, когда у него есть время. Но все дело именно во времени. По этому поводу Шолохов шутит:

— Всем я доволен, кроме времени.

И мы поняли, познакомившись с ним, что тому, кто его знает, никогда не придет в голову мысль: почему Шолохов пишет медленно. Хорошо сказал об этом гостивший в Вешенской Н. С. Хрущев: «Как определить, много или мало написал литератор? Это определяется, конечно, не количеством страниц или книг, а тем, насколько глубоко и ярко отражается в произведениях писателя многогранная жизнь и дела народа, величие его борьбы за коммунизм».

— С вашими винами не сравнятся наши донские, но и их попробуйте, — говорит Шолохов. — Первый тост за ваш приезд. За жизнь. За мир. Чтоб люди имели возможность приезжать друг к другу. Вот приедем скоро в Америку и скажем американцам: давайте навещать друг друга. Какие причины у нас для войны и раздоров? Жизнь все равно своим путем идет, и все достигнут того, чего заслуживают. Чем стрелять из пушек, не лучше ли обмениваться книгами и выставками? Давайте познакомим наши народы друг с другом.

За столом, кроме нас, сидели младшая дочь Шолохова — Маша, студентка Московского педагогического института, ее муж и молодой человек — секретарь писателя. Мы заметили, что Михаил Александрович — крупнейший писатель-гражданин, депутат, академик, которому отовсюду звонят, которого приглашают на свадьбы, крестины, пленумы и собрания, — любящий отец и дедушка, который не может, хотя бы на десять минут, не посадить к себе на плечи внуков. После завтрака мы несколько раз сфотографировались с Михаилом Александровичем. Сели там же на длинный диван.

Перед уходом мы не знали, как благодарить нашего гостеприимного хозяина, и лишь просили его об одном, — чтоб он обязательно приехал в Грузию.

— Слово — есть слово, — снова повторил Шолохов. Извинившись, он вышел на минутку в свою рабочую комнату и, вернувшись, протянул нам листок бумаги:

«Сердечный привет родному грузинскому народу, читателям газеты «Коммунисти».

До скорой встречи!

Ваш М. ШОЛОХОВ

7. 9. 59 г.

ст. Вешенская».

Шолохов пообещал, что, как только завершит работу над последними главами «Поднятой целины», непременно пришлет их в газету «Коммунисти». Может, пришлет и еще что-нибудь. Затем провел рукой по редким седым волосам и с улыбкой добавил:

— Доброго пути, казаки!

Перед отъездом Михаил Александрович передал нам еще теплое, сердечное письмо, адресованное лично редактору «Коммунисти».

«Дорогой Давид Васильевич, — писал Шолохов. — Принял работников Вашей газеты, как родных. До скорой встречи в Тбилиси».

* * *

Наш очерк о пребывании у М. Шолохова был напечатан в газете «Коммунисти» 12 сентября. 13 мы вылетели в Москву и 14 вновь встретились с Михаилом Александрови-

чем в Староконюшенном переулке — в Доме академика, где обычно останавливается он, приезжая в Москву. Передали ему газету. Пожелали доброго пути. Михаил Александрович удивился: когда же вы успели вернуться, написать очерк, напечатать его и прилететь в Москву? А потом добавил, шутя:

— Вы, наверное, меня, дорогие грузины, и в Нью-Йорке встретите.

— Мы встретим Вас, дорогой Михаил Александрович, у себя в Грузии. Наши сердца открыты для вас!

* * *

К величайшему сожалению всех тех, кто стремился встретить Шолохова в Грузии, замечательный советский писатель не сумел, как предполагал, приехать к нам в декабре. Он спешил завершить работу над второй книгой «Поднятой целины». В новогоднем поздравлении читателям «Коммунисти» Михаил Александрович обещает приехать в Грузию, как только роман будет напечатан. По-видимому, это будет весной. Хочется надеяться, что тогда мы уже сможем поздравить нашего любимого писателя с присуждением ему Ленинской премии.

СКВОЗЬ ЗАВЕСУ ВРЕМЕНИ

Сказка окружена почти непроницаемой завесой времени. В зыбком сумраке теряют ся не только ее истоки, но и ее будущее. Сумеет ли она перешагнуть через порог века поистине сказочных свершений? Не покажется ли наивной даже детям? Многие, казал о сь бы, складывается не

в ее пользу. И все же... какие бы совершенные летательные аппараты не создавались человеком — они не заменят бесхитростного полета на ковре-самолете. Никакая чудо-кухня не заставит поблекнуть скатерть-самобранку. Ни один акваланг не даст той легкости подводных путешествий, с какой герои сказок отправляются в жилище правителей вод... Есть в сказке что-то такое, в чем никогда не сможет соперничать с нею техника. Ее область — невозможное. И самое чудесное в ней, что при всем неправдоподобии она служит правде.

Трудно понять народ, не узнав его сказок, в них он запечатлевает свои характерные черты. Но сказке чуждо узко национальное. Давно замечено, что нет ничего более испанского, чем «Дон-Кихот», и, вместе с тем, более общечеловеческого. Такая «двойная жизнь», свойственная и сказкам, облегчает им странствования из народа в народ.

Перед нами сборник сказок Абхазии... Что ж, сказки как сказки, на первый взгляд, ничего отличительного. Все те же завистливые старшие братья и до-

стойные младшие сыновья, тот же молодой мот, прокутивший с неблагодарными друзьями отцовское наследство, спесивые князья, скупые богачи и попы, та же лягушка, оборачивающаяся писаной красавицей... Даже само море — это не Черное море, омывающее благодатный берег Абхазии, а обыкновенное сказочное, пожалуй, такое же, как в сказках среднерусских равнин — его преодолевают на волшебном коне в поисках целебного зелья и т. п.

Все так. Но вот, к примеру, сказка «Мачеха и падчерица». Бедная, несправедливо угнетаемая девушка; потеря туфельки, которую находит царевич; попытка мачехи просватать за него свою дочь с разлапистой ступней; разоблачение обмана... Казалось бы, давным-давно известный сюжет. И все же он изложен иначе, чем в знакомой с детства «Золушке». Прежде всего, нельзя не обратить внимание на манеру повествования. Сказка, скорее, не рассказана, а выстрелена. События разворачиваются стремительно, как туго скрученная пружина. Причем, нажим сделан на совершенно неожиданном оттенке. Девушка необычайно хороша и проворна. И отсюда — задорный, даже задиристый тон сказки. Царевич, перед тем, как унести девушку во дворец, поет:

Пусть та короткопалая
С разлапистой ступней
Не покидает дом

и т. д.

Сказки Абхазии изысканно поэтичны. Природный блеск их удесятен многовековой, поистине ювелирной отделкой.

Вот Ажвейпш — владыка зверей и птиц, покровитель охоты... «Велел Ажвейпш устроить ужин. Быстроногий слуга — Шваквас зарезал тура, козу и зайца, мясо положил в котел, а кости и шкуры животных собрал в кучу. Ажвейпш ударил своим жезлом по останкам, и кости покрылись мясом, а мясо — шкурой. Звери обрели свой прежний

«Сын оленя». Абхазские народные сказки. Государственное издательство детской литературы. Москва. 1959 г.

«Абхазские сказки». Абгиз. Сухуми. 1959 г.

вид. Только такая дичь, съеденная и воскрешенная Ажвейпшем, попадает на глаза охотнику... иных животных он и не увидит».

Вот, без комментариев, из героических сказаний о нартах: чтобы хоть как-нибудь отогрелись окоченевшие нарты, «Сасырква выстрелом из лука сбил большую, пылающую утреннюю звезду-шарпейца... Грейтесь, пока я не достану настоящего огня, — сказал Сасырква и поскакал за огнем, который виделся вдали»...

Богатырь Сасырква — один из самых обаятельных образов. Секрет его привлекательности в соприкосновении героического с человеческим. Главка «Сасырква и пахарь» (отдаленно напоминающая встречу Ильи Муромца с Микулой Селяниновичем) исполнена искристым народным юмором и мудростью. В ней удивительно сочетается свойственная сказкам склонность к абсолютной гиперболизации (так, сильный — это самый сильный), с чувством меры и здравым смыслом: «На сильного рано или поздно найдется сильнейший». Таков вывод. И это ощущение относительности сущего придает абхазским сказкам особое очарование. Относительность распространяется и на время, которое становится понятием весьма растяжимым. Ушел кузнец Согум в лес выжигать уголь, а жена его дома принялась готовить мамалыгу. Выпил Согум воду из родника и превратился в девушку-красавицу, увидел ее княжеский сын, женился на ней, родила и воспитала она ему трех сыновей. Однажды она очутилась у родника и обратилась в прекрасную кобылицу, родившую впоследствии трех жеребят, доставшихся трем княжеским сыновьям, затем превратилась в собаку, принесшую трех щенят, и под конец у родника вновь стала кузнецом Согумом. Пошел Согум к себе домой, а мамалыга к тому времени как раз поспела! Причем это по жанру не небылица (небылицы — с сидящим на пеньке неродившимся зайцем, в которого стреляют из незаряженного ружья, — впереди), хотя, конечно, тут не без лукавого юмора, неизменно присутствующего почти во всех абхазских сказках. В их сложной системе он является своего рода «заземлением», не дающим безудержной выдумке оторваться от реальной почвы.

Разнообразие оттенков сатиры и юмора в сказках очень велико. Тут и ядовитый сарказм, и полнокровное, сродни средневековому фаблио, зубо-скальство (например, проснувшись ворч-

ливая старуха, разбудила мужа и давай его пилить за то, что он спал, а не хлопал в ладоши, когда ей снилось, что она танцует), и тончайшая самоирония, ажурные построения, держащиеся на нюансах: нанялся бедняк на работу к одному мудрецу и предпочел вместо денег получать за работу совет. Мудрец посоветовал: «Никогда не бери того, что не заработал своим трудом». Ушел бедняк и видит, на дороге лежит яблоко, надкусил его и вдруг вспомнил совет. Разыскал хозяина яблока и навязался к нему работать батраком целый год за то, чтобы хозяин сказал: «Пусть пойдет тебе на здоровье кусочек яблока, который ты съел год тому назад!»

Понравился бедняк хозяину, отдал ему в жены красавицу-дочь, родился у них сын, послали его учиться, возвращается мальчик от учителя: «Мать сейчас же спросила его: — Все усвоил?»

— Все, только одно слово забыл по дороге.

— В этом виноват твой отец, — вздохнула мать. — Он пытался съесть то, что далось ему в руки без труда...»

Труд... Он основа основ всех сказок. Волшебная легкость, почти полное отсутствие усилия, с каким в сказках совершают те или иные действия, — ведь это, по существу, награда за труд или за качества, так или иначе с ним связанные: за доброту, мужество, верность. Необыкновенно красивы героини сказок, по сравнению с их белизной — снег на горах кажется черным, трудно добраться до их жилища, живут они на вершинах, во дворцах, меняющих свою окраску по цвету неба. Но доберется герой до дворца, и дальше все идет легче. Достаточно прикоснуться мизинцем к груди красавицы, и она сразу полюбит и готова идти за любимым хоть на край света.

Однако магическое прикосновение мизинца иногда не помогает. Случается, что красавица уже любит другого, а этот другой оказывается близким другом. И тогда герой ножом отрезает себе мизинец, чтобы ничто не стало между ним и другом, ничто не омрачило их дружбы...

В чудесном саду абхазских сказок растут земные цветы. Они необычайны по форме, но мы чувствуем породившую их землю, узнаем обычаи и самую душу народа, взрастившего этот сад.

Хочется поблагодарить Х. С. Бгажба, бережно, с любовью составившего, обработавшего и переведшего сборник абхазских сказок.

А. ЦЫБУЛЕВСКИЙ.

ПОД НЕБОМ ИНДИИ

В составе делегации писателей Советского Союза Ираклий Абашидзе побывал в Индии, участвовал в Международной конференции писателей стран Азии, проходившей в Дели. Свои впечатления от этой поездки он изложил в путевых записках. Они изданы на русском языке отдельной книжкой, которая называется «На берегах Ганга».

Очень непосредственно, просто и поделовому рассказывает И. Абашидзе о ходе конференции, на которой царил «новый дух пробуждающейся Азии», о ее участниках.

В центре внимания конференции стоял вопрос о восстановлении национальных традиций. Поэтому более подробно автор книжки останавливается именно на этом вопросе. Он обращается в публицистической, политически заостренной форме к нашим идейным противникам, делает интересные экскурсы в историю индо-грузинских связей. Эта часть путевых записок, пожалуй, наиболее ценная как с познавательной точки зрения, так и с чисто практической, — И. Абашидзе здесь очень правильно ставит перед нашими учеными-историками задачу глубоко изучить связи Грузии и Индии с древнейших времен и до наших дней.

Кроме того, приведенные им факты и цитаты, убедительно свидетельствующие о давнем интересе грузин к этой далекой прекрасной стране, о внимании индийской общественности к грузинской культуре, способствуют укреплению дружбы между народами Индии и Грузии.

Да и вся книжка в целом, помогая нашему читателю лучше понять эту удивительную страну, пробуждает симпатии к ее народу.

В Индии у нас много друзей. С большинством из них члены советской делегации встречались, у некоторых побывали в гостях. Об этих встречах Ираклий Абашидзе пишет очень тепло, искренне. И именно в той части, где он вспоминает о них, а также о путешествии по этой замечательной стране, особенно чувствуется, что автор этих строк — поэт. Тут он уже не в силах удержаться от поэтических ассоциаций,

Ираклий Абашидзе. «На берегах Ганга». Издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока». Тбилиси. 1959 г.

лирических отступлений. Он не может пройти мимо мальчика-рыболова и вдруг, как будто вне всякой связи с предыдущим и последующим, вспоминает о нем... Ему трудно не заговорить стихами, когда он слушает индийскую поэтессу Амриту или участвует в мушаире — традиционном состязании поэтов; когда вспоминает о том, что восемь столетий назад по этой земле ступал великий Руставели...

Стихотворения, родившиеся на берегах Ганга, под небом далекой Индии, проникнуты любовью к своей родине и уважением к стране, которую он посетил. Эти стихи приведены в книжке и читаются с особым увлечением. Они придают путевым запискам поэтическую окраску.

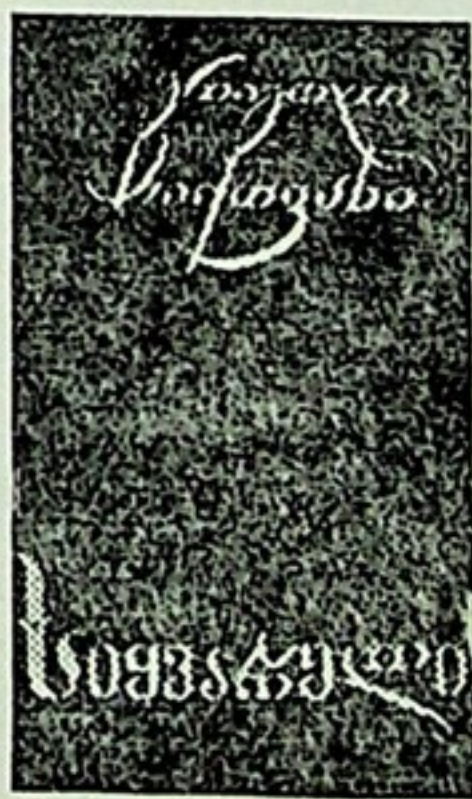
Этому способствует и выполненное со вкусом художественное оформление — особенно супер-обложка и заставки в тексте (художник Д. Нодия).

Несколько расплывают внимание и кажутся лишними в книжке вся ее вводная часть — описание пути от Москвы до Нью-Дели — и концовка — беглое перечисление пунктов, где побывала советская делегация.

Но это маленькое замечание не умаляет значения путевых записок. Их автор, сосредоточив внимание читателя на том, что нового узнал и увидел советский человек в Индии, значительно расширил наши представления об этой чудесной стране и ее людях.

Л. ДОЛИДЗЕ.

РАССКАЗЫ ГР. ЧИКОВАНИ

Короткий рассказ, новелла — жанр, в котором Григол Чиковани проявил себя наиболее ярко. В этом нетрудно убедиться, прочитав сборник рассказов Григола Чиковани — «Любовь». Название сборнику дал рассказ, в котором речь идет о любви юноши и девушки. Но и в других рассказах главная тема — это любовь, любовь к Родине, к людям, к новой жизни, которая пришла на землю Грузии с Советской властью.

Книга Гр. Чиковани открывается новеллой «Грек». Ее нельзя читать без

Григол Чиковани. «Любовь». Издательство «Сабчота мцeralи». Тбилиси. 1958 г. На грузинском языке.

волнения. Если бы не перегруженность новеллы второстепенными деталями (их в ней явно больше, чем необходимо), ее, бесспорно, можно было бы отнести к лучшим образцам грузинской новеллы последних лет.

О чем же говорится в этом рассказе? Греком называют героя рассказа грузинские крестьяне, те, рядом с которыми поселился он, бежав из Греции. Грек — имя его Георгиос — полон таинственности, он неохотно общается с людьми. Постепенно за суровой нелюдимостью этого человека крестьяне — соседи Грека увидели его большую, чистую душу. Страдания Георгиоса настолько глубоки, что он не может даже говорить о них — его снедает тоска по дочери Урании, которую он вынужден был оставить на поработанном колонизаторами Кипре, его тревожит судьба родины. Грек потерял родину, но любовь свою к ней он принес в Колхиду, и эта любовь к родине помогла ему полюбить и чужих ему прежде людей.

Но вот, наконец, грек получил желанную весточку. Он запирает дверь, чтобы никто ему не помешал, — и только тогда приступает к чтению. (Как правдива эта деталь!). В письме сообщается, что Урания исчезла. Это было жестоким ударом для Георгиоса. Но этот удар не убил в нем человека. Грек перенес свою любовь на маленькую Циру, дочку вдовы Татии, и эта любовь ныне придает смысл его существованию. Как будто все должно теперь пойти благополучно, но читателя не оставляет мысль о том, что в судьбе этого человека есть что-то трагическое. И, действительно, спасая Циру и Уранию, приехавшую в Грузию на праздники. Грек гибнет сам, гибнет, так и не узнав свою дочь. Позже в борьбе за свободу родины погибает и Урания.

Краткий пересказ не может передать характер произведения. «Грек» — это трагедия в миниатюре. Трагедия человека преследуемого, но не теряющего благородства и возвышенности чувств. Могут сказать: Гр. Чиковани — грузинский писатель, сумел ли он проникнуть в душу греческого патриота? Думаю, что это — неправильная постановка вопроса: национальное различие не помеха там, где проявляется человеческое величие.

Маленькой трагедией, но трагедией оптимистической, можно назвать и другой рассказ Чиковани — «Человек в пещере»: Борьба старого, изъеденного вре-

менем (олицетворяемого Бецика Звиадаури) с новым (Мгелика Звиадаури, сын Бецики) заканчивается торжеством нового. Туман рассеивается, солнце восходит. Символический финал (люди нового времени находят в пещере полуистлевший труп Бецики Звиадаури и сбрасывают его в пропасть) воспринимается как приговор человеконенавистничеству, косности, частнособственнической психологии. Написанный в 1933 году, по живым следам событий, связанных с коллективизацией, рассказ «Человек в пещере» не оказался однодневкой, он с интересом читается и сейчас.

В рассказе «Любовь», давшем название сборнику, речь идет об избалованной дочке родителей с положением, о тщеславной матери, не очень разбирающейся в средствах, лишь бы определить в вуз свою Мзию.

Но рассказ привлекает внимание не только злободневностью темы, но и своеобразным ее разрешением.

Глубоко человеческая история положена в основу новеллы «Смерть почтальона». Мягкий юмор, с которым повествуется в ней о полном жизни весельчаке почтальоне Муия Багатурия, не сулит героического накала. И все же именно таков конец новеллы. Муия героически гибнет на фронте, куда он привез подарки бойцам от своих односельчан. Надо, однако, заметить, что по своим художественным качествам «Смерть почтальона» не выдерживает сравнения с предыдущими рассказами. Причина — в чрезмерной сухости изложения — недостатке, которым, кстати, грешат также и рассказы «Мечта жизни», «Возвращение».

Здесь мне хочется сделать одно отступление и привести пример зоркости, творческой инициативы писателя. Смелая, энергичная героиня одного из его рассказов — Майя переходит работать на отстающий участок, чтобы подтянуть его до уровня передовых. В короткое время ей это удается. Теперь, когда в нашей стране широко развернулось гагановское движение, с особым удовольствием перечитываешь рассказ, в котором еще несколько лет назад писатель показал пользу подобных примеров.

Не буду останавливаться на очерках, вошедших в сборник. Ибо художественная ценность их представляется мне весьма и весьма спорной. Гр. Чиковани побеждает в тех произведениях, материал которых им взят из жизни и глубоко изучен.

Акакий ГЕЛОВАНИ.

А. Степанов

А. Н. ОСТРОВСКИЙ В ГРУЗИИ

(По неопубликованным материалам)

1883 год А. Н. Островский встретил с тяжелым, безрадостным чувством. Заботы, связанные с материальным обеспечением многочисленной семьи, ухудшение здоровья и прочие жизненные «мелочи» преследовали его изо дня в день. Почти все письма Островского конца 1882 — начала 1883 годов, адресованные Ф. А. Бурдину и брату — М. Н. Островскому, наполнены жалобами на угнетенное, подавленное состояние, упадок творчества. «Заботы и страдания физические и нравственные замотали меня совсем... С невралгией головы я писал пьесу («Красавец-мужчина» — А. С.), имея отдых от боли не более трех часов в сутки»,¹ — сообщал он М. Н. Островскому.

В середине мая 1883 года А. Н. Островский вместе со своей семьей выехал из Москвы в Щелыково, где принялся за переводы пьес Сервантеса и Гоцци. 8 июня он сообщал Бурдину: «Здоровье мое так себе, я пил воды, но хороших результатов пока еще не вижу. Я работаю и буду работать все лето, чтобы отдохнуть осенью: в конце августа, если буду жив, я поеду в Крым и думаю побывать за Кавказом»².

Но в начале августа драматург изменяет свои планы. Узнав о том, что М. Н. Островский, министр государственных имуществ, собирается в служебную поездку на Кавказ, он обращается к нему с убедительной просьбой. «Сделай милость, — писал Островский брату, — возьми меня с собой на Кавказ: в Тифлисе меня давно ждут, там есть люди, которые мне покажут все интересное за Кавказом».³ М. Н. Островский

ответил согласием и сообщил, что поездка вероятнее всего состоится в конце сентября. В двадцатых числах сентября Островский прибыл в Москву и 28 сентября присоединился к брату, выехавшему с экстренным поездом из Петербурга.

Об этой интересной поездке Островского на Кавказ сохранились любопытные дневниковые записи драматурга¹. Кроме того, А. Н. Островский почти ежедневно посылал письма жене — Марии Васильевне Островской, в которых подробно сообщал ей об увиденном, о встречах с интересными людьми, о своем здоровье и о прочих делах.

Эти письма до настоящего времени не были опубликованы. Они хранились в семейном архиве сына драматурга — С. А. Островского. Последний, как видно из его тетрадей, скопировал отрывки из этих писем и, вероятно, готовил их для публикации, но болезнь и преждевременная смерть помешали осуществить задуманное. В настоящее время эти письма хранятся у внучки А. Н. Островского — Марии Михайловны Шателен.

Всего сохранилось 14 писем Островского, связанных с его поездкой в Грузию. Часть из них по своему содержанию близко примыкает к дневниковым записям драматурга этого периода. Но письма не дублируют, не повторяют «Дневник», а в своеобразной, свойственной Островскому эпистолярной манере, повествуют об этой поездке, оставившей глубокий след в русско-грузинских культурных отношениях.

Дорога, новые впечатления, встречи, беседы с незнакомыми до этого людьми благотворно сказались на душевном со-

¹ А. Н. Островский, т. XVI, стр. 63.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 84.

¹ А. Н. Островский т. XII, стр. 272—284.

стоянии драматурга. Угнетенное, болезненное настроение постепенно покидает Островского. Его письма с каждым днем становятся все более бодрыми, оптимистическими.

1 октября Островский писал Марии Васильевне:

«Наконец я в Владикавказе, — Как ни хорошо и удобно мы ехали, но пробыть безвыходно трое суток в вагоне — утомит хоть кого, и я рад, что могу отдохнуть и ночевать в комнате на хорошей постеле. Стану рассказывать по порядку.

В Ростове, по случаю сильного ветра и страшной пыли мне осмотреть город не пришлось. В 12 часов дня выехали из Ростова, переехали Дон, на котором целый лес мачт, разных морских судов и всяких пароходов. Вид с той стороны на богатый и живописный Ростов превосходный. За Доном начинается степь, тут уж настоящая Азия. День и ночь мы ехали степью, а поутру сегодня увидели Кавказские горы. Тепло, как у нас в начале августа... В 3 ч. 30 мин. приехали во Владикавказ. На станции нас встретили с почетом. Квартиру нам отвели в доме начальника Терской области... Дом стоит на горе, по которой тянется сад, окруженный пирамидальными тополями. Мы остановились в нижнем этаже, двери растворены в сад, светит луна и над нами висят горы. Точно во сне. Но я утомился, лягу спать пораньше, а завтра в 10 часов утра на лошадях в горы. Там, на вершине, ночуем, в Тифлис приедем в понедельник, 3 числа. — Во вторник, 4 напишу тебе о нашей переправе через знаменитые кавказские горы. Целых сто верст мы издали любовались их снежными вершинами, они гораздо выше Альп».

3 октября А. Н. Островский вместе с братом прибыли в Тифлис. В этот же день в небольшом письме он сообщал Марии Васильевне о своем приезде: «Сейчас въехали в Тифлис. Александр Васильевич¹ встретил нас за станцию до Тифлиса. Я прямо приехал к нему. Описывать подробно эту чудную дорогу не могу, для этого надо написать целую книгу, да и очень утомлен и от дороги и от впечатлений. Сто верст подниматься в горы на высоту 9000 футов и потом сто верст не ехать, а сыпаться из-за облаков, это чего-нибудь да стоит. Через день, отдохнувши, напишу тебе большое письмо, а теперь едва держу перо в руках. Все тебе кланяются».

4 октября газета «Кавказ», которая ранее уже сообщала своим читателям (28 сентября 1883, № 218) о том, что М. Н. Островский отправился из Петер-

бурга по служебным делам на Кавказ, напечатала краткое сообщение о прибытии в Тифлис министра государственных имуществ и его брата, а также о предполагаемых маршрутах их дальнейших поездок.

С этого времени имя великого русского драматурга не сходит со страниц тифлисских газет. Передовая грузинская интеллигенция: писатели, драматурги, артисты, театральные любители, участники драматических кружков проявили необычайно живой интерес к впервые приехавшему в Грузию А. Н. Островскому.

Драматург был очень тронут теплой встречей, которую оказали ему в Тифлисе почитатели его таланта. 5 октября он писал Марии Васильевне: «Милая Маша, теперь я несколько отдохнул и успокоился. Жить мне у Алек. Вас. и покойно, и удобно: за мной ухаживают даже больше, чем нужно... Описывать тебе дорогу по горам невозможно, для этого нужно написать целую книгу. Такие реки, как Терек и Арагва, которые не текут, а прыгают по камням, и в которых часто не видишь воды, а одну белую, как жемчуг пену; такие картины, мрачные и величественные, как Дарьяльское ущелье и Казбек, такие улыбающиеся долины, как Душетская, — требуют не описания а живописи. А если начать описывать впечатления, которые они производят, то и конца не будет. Все, что можно, у меня записано в книжке, и я прочту вам и расскажу по приезде в Москву... Ночь провел хорошо и теперь чувствую себя гораздо свежее. Сейчас поедем с Алек. Вас. (Бахметевым — А. С.) осматривать музей. Мы 7-го числа уезжаем на Каспийское море, в Баку и на Божий промысел, там пробуду неделю и опять возвращусь в Тифлис, где и останусь недели на две».

В этот день, как видно из письма Островского, он посетил городской музей; его сопровождал смотритель музея немец Г. И. Радде, которого драматург в своем «Дневнике» охарактеризовал кратко, но выразительно: «остроумный болтун, почти шут, но при том и плут».¹

Следующий день был посвящен осмотру города и его достопримечательностей. Островский поднимался на окружающие Тифлис горы, бродил по берегам Куры, был в Муштанде и подробно осмотрел всю западную часть города. Стремясь более основательно познакомиться с историей Грузии и Тифлиса, драматург пригласил к себе знатока Кавказа — историка А. П. Берже, с которым проговорил весь вечер.²

¹ А. В. Бахметев — брат жены Островского.

¹ А. Н. Островский, т. XIII, стр. 274.

² Там же, стр. 275.

«Вчера была хорошая погода, и я ездил осматривать город, — писал 7 октября Островский Марии Васильевне. — Он расположен в котловине, окруженной горами, и лепится по отлогостям гор, по обеим сторонам Куры. Лучшая, европейская часть — южная, улицы идут террасами, одна над другой. Мы живем высоко. Юг загорожен, точно ширмами, Святой горой (Мтацминда), которая висит над Тифлисом почти отвесно, на половине ее лепится, как гнездо ласточки, церковь Св. Давида (на высоте 700 фут.), где похоронен Грибоедов. На севере тоже тянутся безлесные горы, над которыми в ясную погоду видны ледяные вершины главной цепи и Казбек. Я привезу с собой виды Тифлиса и Кавказа.

Сегодня мы едем на Каспийское море, сначала в Баку, а потом на Божий промысел, на устье Куры. Мы выезжаем в ночь и приедем в Баку завтра к вечеру».

По неизвестным причинам предполагаемый маршрут поездки М. Н. Островского изменился. Сообщая об этом, газета «Кавказ» писала, что министр государственных имуществ 7 октября отправляется в Баку, «где особенное свое внимание обратит на нефтяную промышленность... Затем он вернется в Тифлис».

А. Н. Островский сопровождал брата в этой поездке в Баку, куда они прибыли 8 октября.

«Вчера в 9 часов вечера приехали мы в Баку совершенно благополучно, — сообщал он 9 октября Марии Васильевне. — Дорога от Тифлиса до Баку довольно скучна и однообразна. До самого Каспийского моря мы ехали возвышенной, голой степью, кой где обработанной и искусственно орошенной, кой где покрытой солончаками и лишенной растительности. Степь почти не заселена, по причине свирепствующей тут лихорадки. По бокам дороги, то удаляясь, то приближаясь, тянется с левой стороны снеговая цепь Кавказских гор, или малый Кавказ. Баку стоит на самом берегу моря. Как нас встретили и поместили, я напишу тебе завтра, а теперь тороплюсь на почту... Погода здесь теплая. У нас на террасе стоят громадные олеандры, все в цвету; под окнами, в саду, оливки, винные ягоды, фисташки и проч. Я здоров, только немного устал...»

Баку, как и Тифлис, произвел на Островского большое впечатление. За то время, которым располагал драматург, он внимательно ознакомился с историей, архитектурой, бытом и нравами быстро растущего города — центра нефтяной промышленности юга России. 11 октября Островский писал жене: «Милая Маша, вчера я получил твое второе письмо и

очень обрадовался. Я заехал очень далеко на самую границу Персии, потому и письма идут очень долго. Баку совсем азиатский город, на улицах русского слова не услышишь, да и русский костюм увидишь редко. Здесь главное население татарское... Место где добывается нефть — на горе за городом, куда проложена особая железная дорога. Описывать нефтяные промыслы, керосиновые заводы в письме невозможно, — это такое богатство, о котором, пока его не видишь нельзя составить и понятия. Постройка одного завода Нобеля стоит несколько миллионов.

Я опишу тебе только наш въезд в Баку и ночную поездку в море на морские огни. Мы приехали на станцию железной дороги в 8 часов вечера, нас встретили все власти. Так как Баку богат осветительным материалом, то весь эффект в освещении. Путь от станции до города освещен очень оригинальным образом: на близком расстоянии друг от друга воткнуты палки, на которых в жестяных коробках горит нефть: по этому пути несутся несколько колясок, окруженные казаками, у которых в руках такие же палки с горящей нефтью.

Вчера мы обедали у губернатора: после обеда, когда совершенно стемнело, мы поехали на небольшом паровом катере в море. Мы выехали на то место в море (какeruleвой нашел его в потемках, неизвестно), где со дна из земли выходит газ и является на поверхности воды в виде пузырей: с катера кинули зажженную тряпку, и море загорелось. В прозрачном светло-зеленом море от газовых пузырьков игра, как в сельтерской воде: когда газ загорится, то представляется, будто огонь выходит из воды. Мы входили в самую середину огня, и наш катер был обнят на несколько мгновений пламенем. Такого явления не увидишь нигде на всем земном шаре, кроме Баку.

Возвращение тоже имеет свою прелесть: едешь по морю среди глубоких потемок к ярко освещенному городу. Здесь теперь погода, как у нас в начале июня, мы пьем чай по утрам на террасе у самого моря, нас разделяет только небольшой сад. В саду оливки, гранаты, винные ягоды, фисташки и много других деревьев и кустов, некоторые еще в цвету...»

Через несколько дней после отъезда М. Н. Островского из Баку, в двух номерах газеты «Каспий» за подписью «V-e» появился большой очерк «Сальяны», в котором смело и подчас в сатирических тонах рассказывалось о тех мероприятиях, которые местные власти пытались в спешном порядке осуществить в Баку перед приездом министра. Автор очерка сопровождал М. Н.

Островского в его поездке на нефтяные промыслы Сальяны на пароходе, носившем весьма примечательное название — «Ревизор».

Как ни старались местные чиновники и владельцы (в основном, иностранцы) промыслов и заводов скрыть от приехавших бедственное положение рабочих их предприятий, отвлечь внимание от грязных, полуразвалившихся бараков, это оказалось не в их силах. Министр вынужден был выразить свое недовольство казармами и домами, в которых ютились рабочие промыслов, — констатировал автор очерка.¹ Все это, конечно, не могло укрыться от наблюдательных глаз драматурга. И, вероятно, поэтому, сославшись на усталость, он отказался от поездки на Божий промысел, не желая быть лишним раз невольным свидетелем унижительных процедур, связанных с инспекционным осмотром предприятий и рабочих казарм.

Из Баку А. Н. Островский вернулся 14 октября в Тифлис. В этот же день он посылает Марии Васильевне новое письмо. «...Я сделал великолепную поездку, очень полезную для моего здоровья. На берегу моря, у самой воды я провел несколько летних дней. Солнце здесь высоко и печет сильно, но жара умеряется прохладным морским ветерком...

В Тифлисе, кроме русского театра, два драматических общества: грузинское и армянское. Грузинские артисты устраивают для меня 16 числа спектакль, пойдет «Доходное место» на грузинском языке. Потом дают мне обед...

Вернувшись из Баку, Островский продолжает знакомиться с Тифлисом, его жителями, культурой и искусством грузинского народа. «Осматривал город, был на Майдане и в армянских лавках», «гулял по Головинскому проспекту, был у Ермакова², отобрал виды Баку». «Вечером был у нас Иванов — персидские, грузинские, мигрельские и другие песни» — записывал Островский в «Дневнике» 14, 15 и 17 октября³.

Об этой и других встречах⁴ с драматургом М. М. Ипполитов-Иванов впоследствии писал в своих мемуарах: «Александр Николаевич пробыл в Тифлисе почти весь октябрь, и я встречался и беседовал с ним очень часто. Беседы

наши касались больше всего вопросов искусства... Часто при наших встречах он просил меня познакомить его с моими записями грузинских народных песен... Вслушиваясь в эти напевы, он в связи с общим впечатлением от поездки по Кавказу и Грузии, высказывал свое удивление и восхищение культурой и изяществом грузинского художественного творчества как в литературе, так и в искусстве».¹

18 октября Островский передал через отъезжающего в Москву В. А. Башкирова — управляющего домом откупщика В. А. Кокорева в Баку — небольшое письмо Марии Васильевне, в котором сообщал, что «нового у него ничего нет...» «Если хочешь знать подробно, — писал он, — нашу жизнь за Кавказом, так он (Башкиров — А. С.) тебе расскажет».

Драматург, принимавший участие в интересной поездке в имение Багратиони, поделился своими впечатлениями от посещения Карталинии в очередном письме Марии Васильевне от 20 октября. «Вчера, возвратясь из Мухрани, я получил твое письмо со вложением письма Потехина. Что-то оно уж очень сладко. Я ему отвечал сегодня, что «Воеводу» вышло по приезде в Москву. Они успеют поставить пьесу к рождеству, а раньше и не нужно.

После поездки в Баку я несколько дней отдыхал в Тифлисе и чувствую себя очень хорошо. Теперь опишу тебе нашу вчерашнюю поездку в Мухрань (в Карталинии Душетского уезда) к князю Багратиону Мухранскому. Мы поехали в 8 ч. утра с экстренным поездом в большом обществе: кроме чиновников и разных лиц, окружающих брата, с нами были грузины и армяне.

До станции Ксании (3-я ст. от Тифлиса) ехали по железной дороге, оттуда в колясках, окруженные конной милицией (татарами). Картина живописная: уездный начальник и пристав, красивые грузины, верхом на отличных лошадях, чапары в черкесках с винтовками за плечами... и все это несется по горам. Сначала мы перевалили через горы, потом ехали по долине, густо населенной и покрытой виноградниками и садами. У крыльца своего еще недостроенного дома (в восточном вкусе) встретил нас хозяин князь Багратион Мухранский. Это старый николаевский генерал, седой грузин 74-х лет, совершенно бодрый и свежий, в генеральском мундире с Георгиевским крестом на шее: он показал нам свое виноделие, винокуренный и бондарный заводы и свои громадные

¹ «Каспий», 1883, 26 и 28 октября, №№ 121 и 122.

² Ермаков — фотограф, сделал один из удачных фотографических портретов Островского во время пребывания драматурга в Тифлисе. См. «Кавказ», 1883, 28 октября, № 242.

³ А. Н. Островский, т. XIII, стр. 277 — 278.

⁴ Там же, стр. 283.

¹ М. М. Ипполитов-Иванов. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., Музиздат, 1934, стр. 66—67.

подвалы, в которых тысяч на двести рублей вина, потом угостил нас роскошным завтраком, и мы отправились в Тифлис в таком же порядке, как приехали...

Послезавтра Мих. Ник. отправляется в Батум, а я с Александр. Вас. завтра, чтобы приехать заранее и встретить брата...

Из Батума напишу.

Сегодня грузины дают в честь меня спектакль с разными овациями. В следующем письме я опишу подробно все, что произойдет».

В газете «Кавказ» 20 октября 1883 г. в отделе «Театр и музыка» была опубликована программа «спектакля и вечера, устраиваемого грузинской труппой в честь маститого драматурга Александра Николаевича Островского.

I. У входа маститого гостя встретят распорядители спектакля, которые и проводят его в ложу.

II. С появлением в ложе Александра Николаевича оркестр под управлением г. Декер-Шенка исполнит грузинский марш и сазандари сыграют «эрат».

III. По окончании последнего поднимется занавес и на сцене, на пьедестале, будет стоять портрет маститого художника, вокруг которого сгруппируются все артисты. Г-ми Цагарели и антрепренером труппы будут прочтены от имени труппы приветственные стихи и адрес.

IV. Адрес и стихи будут поднесены одним из членов драматического общества дорогому гостю.

V. Ровно в 8 часов поднимется занавес и будут даны:

а) второе действие комедии Островского «Доходное место», по окончании которого автору будет поднесен венок.

б) водевиль г-на Сундукянца — «Человек предполагает, бог располагает».

в) первый акт комедии г-на Цагарели — «Другие нынче времена».

Спектакль закончится лезгинкою и чеченской («Кавказ», № 235).

Торжественная встреча, которая была устроена Островскому почитателями его таланта, произвела на драматурга большое впечатление. Взволнованный горячим приемом, оказанным ему грузинской театральной труппой и тифлисской публикой, Островский писал 22 октября из Батума Марии Васильевне:

«Вчера в 11 1/2 часов вечера я приехал в Батум. Мы с Алекс. Вас. нарочно поехали одним днем раньше, чтобы приготовить все к приезду брата М. Н. О живописной дороге от Тифлиса до Батума и о самом Батуме, который для меня настоящий рай, я напишу тебе в следующем письме: а теперь опишу тебе спектакль, который давали для меня грузины в Тифлисе, в театре, в караван-сараях Арцуруни (редактора армянской

газеты «Мшак» — А. С.). Вход и лестница в караван-сарай были иллюминированы: против входа, в самом караван-сараяе, был поставлен убранный зеленью и цветами транспарант с моим вензелем. На лестнице я был встречен предводителем дворянства Мачаловым. У входа, на улице, на лестнице и по галереям караван-сарая, по которым надо было проходить до театра, стояла несметная толпа народа. Когда я вошел, галереи осветились бенгальскими огнями, и грузинские музыканты заиграли на дудках и барабанах. Что-то вроде марша.

Для меня была приготовлена средняя ложа, она была убрана зеленью, которая гирляндами спускалась до низу. При моем входе в ложу поднялся занавес, грузинская труппа в национальных костюмах была на сцене: режиссер труппы прочел, обратясь ко мне, приветственный адрес, очень тепло и умно написанный, грузинский поэт Цагарели прочитал свое стихотворение на грузинском языке, затем под аккомпанемент театрального оркестра, труппа запела по-грузински многолетие, вся публика встала и обратилась к моей ложе, многолетие по требованию было повторено. Я, разумеется, раскланивался и благодарил публику и артистов.

В ложе со мной сидели: Мих. Ник. со своей свитой и предводитель Мачалов, который служил нам переводчиком. В начале шло «Доходное место» 2-й акт на грузинском языке. Роли Фелисаты Герасимовны, Полины и Юсова были исполнены очень хорошо. По окончании опять овации и рукоплескания, так что я устал раскланиваться. В антракте представители труппы принесли в ложу адрес¹, который читался со сцены, и лавровый венок от грузинских артистов.

Потом шли две небольшие пьесы, из которой одна чисто бытовая из грузинской крестьянской жизни: изображалось что-то в роде сговора, или рукобитья с грузинской музыкой, песнями, плясками и всеми обрядами. Очень интересное представление. В заключение, вместо дивертисмента, грузин и грузинка танцевали лезгинку. При выходе моем из театра были те же овации, что и при входе.

Сегодня я проснулся в Батуме здоровый и веселый: воздух так мягок и хорош для моей груди, что я дышу, не надыхусь. Виды такие приятные, что никакая Италия с ними не сравнится...»

¹ В рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР хранится оригинал этого адреса, который был поднесен А. Н. Островскому от грузинских артистов 20 октября 1883 г.

Искренним восхищением проникнуты слова воспоминаний о встрече с Островским талантливых грузинских актрис Нато Габуния и Мако Сапаровой-Абашидзе¹, принимавших участие в этом знаменательном вечере в честь драматурга, и выступление которых, как известно, очень высоко оценил Островский. Встреча с драматургом вдохновила и окрылила молодую грузинскую труппу и во многом определила ее дальнейший творческий путь, связанный с реалистической русской и грузинской драматургией.

21 октября А. Н. Островский вместе с А. В. Бахметевым выехал в Батум, где пробыл до 25 октября. В поезде он познакомился с адмиралом С. О. Макаровым, с которым неоднократно встречался в Батуме. Дни, проведенные в этом городе, были посвящены знакомству с его живописными окрестностями, заводами, батумским городским садом, где Островский с братом посадили по дереву, с гастролировавшей в Батуме французской труппой.

В день отъезда из Батума, 25 октября, Островский писал Марии Васильевне.

«Сегодня мы выезжаем из Батума в Тифлис. Маршрут наш изменился, брат не поедет в Кахетию, и мы уезжаем обратно раньше, чем предполагали. По новому расписанию мы предполагаем быть в Москве 4-го ноября, т. е. в пятницу. Впрочем все это может измениться: я напишу тебе наверное о дне нашего отъезда из Тифлиса и из Харькова пришлю телеграмму, когда меня ждать и встретить... В Батуме я чувствую себя хорошо, я хожу много и так мне легко дышится, как будто десять лет свалилось с моих плеч. Это рай.

На это письмо ты мне отвечай в Харьков с оставлением на почте и отвечай сейчас же, а то письмо меня не застанет. Каково-то будет возвращение, а до сих пор поездка сделала мне огромную пользу...»

25 октября в газете «Тифлиссские объявления» появилось сообщение о предстоящем чествовании Островского в русском драматическом кружке, который пригласил драматурга на спектакль «Не в свои сани не садись». Островский принял приглашение и, вернувшись из Батума, 26 октября присутствовал на спектакле и ужине, устроенном членами кружка в честь его.

Об этом вечере, в организации кото-

рого приняли участие видные деятели грузинского и армянского искусства, газеты «Кавказ» (№ 242) и «Тифлиссские объявления» (№ 253) дали подробные отчеты. По словам корреспондентов, Островский высоко отозвался о любительском спектакле. «Я вижу перед собой, — говорил драматург, — не любителей, а опытных актеров, серьезно вдумавшихся в свои роли. Комедия, действительно прошла во всех отношениях хорошо...»

На другой день — 27 октября — Островский отправил домой свое последнее письмо из Тифлиса.

«Милая Маша, это письмо последнее: послезавтра, т. е. в субботу 29 числа мы выезжаем из Тифлиса. Из Батума мы приехали благополучно. О батумской дороге и о вчерашнем спектакле, который давал для меня тифлиссский кружок, я расскажу по приезде. Из Харькова я пришлю телеграмму.

Целую тебя и детей
твой А. Островский».

В этот же день драматург посетил и подробно осмотрел строящийся в Тифлисе театр.

29 октября А. Н. Островский вместе с братом покинул гостеприимный Тифлис и выехал той же дорогой в Москву.

В семейном архиве Островских сохранилась рукопись воспоминаний Михаила Андреевича Шателена о пребывании драматурга в Тифлисе. М. А. Шателен впервые встретился с А. Н. Островским у своего отчима — А. В. Бахметева, в доме которого остановился драматург и прожил почти весь октябрь 1883 года (впоследствии М. А. Шателен женился на дочери Островского — М. А. Островской).

Встречи и беседы с Островским произвели на юного гимназиста Шателена настолько большое впечатление, что они не утратили свою свежесть и через много лет, когда в 1936 году писались нижеследующие строки.

«Мне пришлось встретиться в первый раз с Александром Николаевичем в период моей юности в Тифлисе, во время поездки Александра Николаевича по Кавказу. Затем жизнь сблизила меня с великим драматургом, но частые встречи и близость не изгладили того впечатления, которое было вызвано теперь, более чем через полвека, от впечатления первой встречи.

Александр Николаевич был в зените своей славы, когда он посетил Тифлис. Понятно, какой интерес вызвал его приезд. Особенно стремилась повидать знаменитого писателя учащаяся молодежь. Т. к. Александр Николаевич остановился у нас в семье, то естественно моя комната стала местом пилигримства многочисленных товарищей, надеявших-

¹ В. Имедадзе. А. Н. Островский в Грузии. «Заря Востока», 1943, № 73. См. Г. Бухникашвили. Московский Малый театр в Грузии. Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1949, стр. 153—154.

ся так или иначе встретить Островского, о котором они так много слышали и произведения которого видели на сцене.

И вот у меня сохранилось яркое впечатление от обращения Александра Николаевича с этими юными пилигримами. Это был воплощенный Берендей. В те времена Снегурочку я еще не видел, но позже, когда уже студентом я впервые попал в Малый театр, мне показалось, что на сцене я вижу тифлисского Александра Николаевича. Мягкость, добродушие и вместе с тем серьезное отношение к молодым собеседникам, производило на них неизгладимое впечатление. Многочисленных моих друзей, принадлежавших к кавказским национальностям, особенно поражал тот громадный интерес, который проявлял Островский к национальной их литературе...

Беседы о национальных писателях, о выдающихся произведениях, о народных песнях и сказках занимали обе стороны. Александр Николаевич настолько увлекся этой литературой, что решился попробовать написать текст для оперы на тему из кавказской истории. Музыка для этой оперы взялся писать недавно умерший, тогда еще совсем молодой композитор М. М. Ипполитов-Иванов, с которым Островский встретился в нашей семье. Насколько я знаю, М. М. Ипполитовым-Ивановым были даже написаны отрывки для этой оперы. К сожалению, болезнь и смерть Александра Николаевича помешали ему выполнить свое намерение.

Так как тогда тифлисская учащаяся молодежь вся более или менее интересовалась музыкой, то это намерение великого писателя чрезвычайно интересовало нас, и долго после отъезда Александра Николаевича мы толковали о тех исторических эпизодах, которые, по нашему мнению, должны были бы быть отражены в опере. Уезжал из Тифлиса Александр Николаевич с твердым намерением вернуться и начать задуманную работу. Болезнь и смерть помешали исполнению этого плана, но тот интерес, который проявил русский писатель к национальной кавказской литературе, и те беседы, которые он вел, не могли не оставить глубокого следа в умах молодежи. Быть может для многих это было тем толчком, который возбудил в них интерес к литературе и искусству».

Поездка в Грузию, писал Ипполитов-

Иванов, по словам самого Островского, произвела на него «прекрасное, освежающее своей новизной впечатление. Радужные; с которым встретило его грузинское общество, поездка в Кахетию, в чудное время сбора винограда, видимо, доставили ему огромное удовольствие, и он все время был в необыкновенно бодром и веселом настроении. Впоследствии, много раз вспоминая те или другие подробности пребывания на Кавказе, он все мечтал в будущем еще раз посетить Кавказ»¹.

И, действительно, великому русскому драматургу было о чем вспомнить. Думая о тех светлых днях, проведенных им на Кавказе, перечитывая дневниковые записи, он уносился в своих мечтах в далекую, но ставшую ему близкой, Грузию, к тем, кто, подобно ему, самозабвенно любил русскую культуру, театр, и с сердечной искренностью выразил это в адресе, поднесенном ему в тот торжественный, незабываемый вечер.

«Дорогой наш учитель, юное товарищество грузинской драматической труппы с восторгом празднует незабвенный день посещения грузинского театра творцом русской национальной драмы. Знакомя нашу публику с Вашими бессмертными творениями, мы постоянно сознавали, что она рукоплещет не нам, не нашей игре, а великому драматургу, сумевшему осветить и оживить свои дивные произведения вечною общечеловеческою идеею гуманности и правды, одинаково дорогою всем народам. Пионеры искусства на Востоке, мы убедились и доказали воочию, что чисто русские, народные создания Ваши могут шевелить сердца и действовать на ум не одной только русской публики, что знаменитое имя Ваше столь же любимо у нас в Грузии, как и у Вас, в России. Мы бесконечно счастливы, что на нашу скромную долю выпала высокая честь послужить, при помощи Ваших творений, одним из звеньев моральной связи между двумя этими народами, имеющими столько общих традиций и стремлений, столько взаимной любви и симпатий».

¹ М. М. Ипполитов-Иванов, стр. 67.

См. также письмо А. Н. Островского к Ф. А. Бурдину от 9 ноября 1883 г. — А. Н. Островский, т. XVI, стр. 89.

Технический редактор М. Соселия

Подписано к печати 28 февраля 1960 г. 6,5 печ. лист.+2 вкл.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 168

Тираж 8.000

УЭ 01434

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

6.457/58

Д